

» Библиотека Романовъ «
[Приключенія на сушѣ и на морѣ]

Ю н ы е

№ 1211/1212

путешественники

Романъ

въ 2-хъ частяхъ

Жюль Верна

Переводъ съ французскаго

К. Тумб е р т ѣ.

С.-Петербургъ

Изданіе П. П. Сойкина

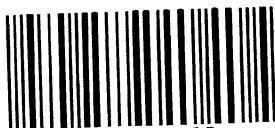
Книжный Складъ }
Стремянная, 12

Книжный Магазинъ }
Невскій, 96

ДОЗВОЛЕНО ЦЕНЗУРОЮ. СПБ., 8 ЯНВАРЯ 1904 Г.

92.16240-2/

2007083333

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

I.

Конкурсъ.

— Первый разрядъ: *ex aequo* *) Луи Клодіонъ и Рожеръ Гинсдаль!—провозгласилъ громкимъ голосомъ директоръ Джуліанъ Ардагъ.

Обоихъ воспитанниковъ-лауреатовъ встрѣтили шумными привѣтствіями и продолжительными аплодисментами.

Между тѣмъ, съ эстрады, возвышавшейся посреди обширнаго двора Антильской школы, директоръ продолжалъ читать списокъ слѣдующихъ именъ:

— Второй разрядъ: Аксель Викборнъ!

— Третій разрядъ: Альбертъ Льювенъ!

Послѣдовалъ новый, хотя и менѣе шумный, чѣмъ предыдущій, взрывъ рукоплесканій, явное выраженіе сочувствія присутствующихъ.

М-ръ Ардагъ продолжалъ:

— Четвертый разрядъ: Джонъ Говардъ!

— Пятый разрядъ: Магнусъ Андерсъ!

— Шестой разрядъ: Нильсъ Арбо!

— Седьмой разрядъ: Губертъ Перкинсъ!

Толчокъ былъ данъ, и привѣтствія продолжались какъ бы по инерціи.

Въ конкурсѣ участвовало всего девять соискателей награды. Оставалось еще имя одного изъ нихъ.

*) Равные по достоинству.

Директоръ возвѣстилъ его собранію:

— Разрядъ восьмой: Тони Рено!

Хотя Тони Рено и оказался послѣднимъ среди лауреатовъ, аудиторія не поскупилась на крики одобренія и для него. Среди воспитанниковъ Антильской школы не было ни одного, который не былъ бы другомъ этого услужливаго, ловкаго, искренняго мальчика и прекраснаго товарища.

Каждый разъ, какъ м-ръ Ардагъ произносилъ чье-нибудь имя, лауреатъ поднимался на эстраду, м-ръ Ардагъ пожималъ ему руку, и счастливецъ возвращался на свое мѣсто среди менѣе счастливыхъ товарищей, которые тѣмъ не менѣе отъ души пріѣтствовали его.

Видя имена получившихъ награду школьниковъ, читатель, конечно, замѣтилъ, что они принадлежали къ разнымъ національностямъ. Такое разнообразіе объясняется само собою, если скажемъ, что учебное заведеніе, во главѣ котораго стоялъ м-ръ Джуліанъ Ардагъ, помѣщавшееся въ Лондонѣ по Оксфордской улицѣ, пользовалось широкой популярностью также и подъ названіемъ Антильской школы.

Учрежденіе это было открыто лѣтъ пятнадцать тому назадъ для сыновей жителей колоній Большихъ и Малыхъ Антильскихъ острововъ. Сюда поступали мальчики, пріѣхавшіе въ Англію, чтобы начать, продолжать или закончить свое образованіе. Въ училищѣ они оставались обыкновенно до двадцатилѣтняго возраста и получали не только практическое, но и очень разностороннее, научное, промышленное и коммерческое образованіе. Въ то время, къ которому относится нашъ рассказъ, въ Антильской школѣ было до шестидесяти воспитанниковъ, вносившихъ довольно высокую плату за обученіе. Благодаря хорошей подготовкѣ, вышедшіе изъ училища молодые люди легко могли избрать себѣ профессію, безразлично, желали ли они оставаться въ Европѣ, или же вернуться на Антильскіе острова. въ тѣхъ случаяхъ, когда ихъ родные продолжали жить въ этой части Вѣстѣ Индіи.

Почти каждый учебный годъ среди воспитанниковъ училища оказывались испанцы, датчане, англичане, французы, гол-

ландцы, шведы, даже венецуэльцы, не уроженцы того архипелага Антильскихъ острововъ, владѣніе которымъ подѣлили между собою европейцы и американцы.

Этимъ международнымъ училищемъ завѣдывалъ, при содѣйствіи извѣстныхъ профессоровъ, м-ръ Джуліанъ Ардагъ. Это былъ серьезный, опытный и осторожный человѣкъ, лѣтъ пятидесяти, къ которому отцы воспитанниковъ справедливо относились съ довѣріемъ. Обученіе литературѣ, наукамъ и искусствамъ было поручено директоромъ выдающемуся по своему составу учащему персоналу. Не забывали въ Антильской школѣ и физическихъ упражненій въ видѣ излюбленныхъ въ Англіи спортивныхъ занятій и игръ въ крокетъ, кулачнаго боя и боя на копьяхъ, игры въ крикетъ, мячъ, плаванія, танцевъ, верховой и велосипедной ѣзды, наконецъ, всѣхъ видовъ современной гимнастики.

М-ръ Ардагъ старался также сплотить, слить различные темпераменты и разнообразные характеры этихъ молодыхъ людей разныхъ національностей, старался, по возможности, воспитать въ нихъ истыхъ «антильцевъ» и внушить имъ чувство симпатіи другъ къ другу. Не всегда это удавалось ему такъ, какъ онъ того желалъ. Расовыя особенности оказывались сильнѣе всякихъ добрыхъ примѣровъ и добрыхъ совѣтовъ и одерживали иногда верхъ. Какъ бы то ни было, система совмѣстнаго воспитанія мальчиковъ разныхъ національностей заслуживала одобренія и дѣлала честь учебному заведенію на Оксфордской улицѣ.

Само собою понятно, что среди школьниковъ были въ ходу многочисленные языки и нарѣчія Вестъ-Индіи. М-ру Ардагъ пришла даже счастливая мысль вести занятія этими языками посредствомъ уроковъ и разговоровъ въ перемѣны. Воспитанники говорили поочереды одну недѣлю поанглійски, другую пофранцузски, третью поголландски, поиспански, податски, пошведски. Правда, представители англо-саксонской расы всегда преобладали среди пансіонеровъ училища и, быть можетъ, невольно старались играть первенствующую роль въ физическомъ и нравственномъ отношеніи, но и представителей

другихъ Антильскихъ острововъ было достаточно. Даже островъ Св. Вареолемея, единственная скандинавская колонія на Антильскихъ островахъ, насчитывалъ нѣсколько представителей среди воспитанниковъ школы, между прочими, и Магнуса Андерса, получившаго пятую награду.

Собственно говоря, обязанности м-ра Ардага и его сотрудниковъ—воспитателей были не изъ легкихъ. Много надо было справедливости, нуженъ былъ вѣрный и послѣдовательный методъ, необходимо было твердо держать въ рукахъ бразды правленія, чтобы не дать разгорѣться пламени вражды, вспыхивавшему иногда, вопреки желанію, между сыновьями богатыхъ семей островитянъ.

Можно было, напримѣръ, предположить, что личное честолюбіе нѣкоторыхъ проявится по поводу описаннаго выше конкурса и дать пищу беспорядкамъ, протестамъ, зависти изъ-за присужденія наградъ. Однако, дѣло кончилось мирно. Въ списокѣ лауреатовъ, въ первой строкѣ, красовались два имени:—француза и англичанина, такъ какъ оба получили совершенно тождественное число балловъ. Правда, предпослѣднимъ въ списокѣ оказывался подданный королевы Викторіи, но зато послѣднимъ значился гражданинъ французской республики — Тони Рено, къ которому не могъ питать чувства зависти ни одинъ изъ пансіонеровъ. Между первыми и послѣдними соискателями награды находились уроженцы англійскихъ, французскихъ, датскихъ, голландскихъ и шведскихъ Антильскихъ острововъ. Среди лауреатовъ не было ни одного венецуэльца и ни одного испанца, хотя въ то время въ училищѣ ихъ было человѣкъ пятнадцать. Слѣдуетъ также отмѣтить, что въ этомъ году ученики—уроженцы большихъ Антильскихъ острововъ — Кубы, Санъ-Доминго, и Порто-Рико, были все мальчпкп лѣтъ двѣнадцать, пятнадцать и, какъ младшіе въ училищѣ, не принимали участія въ конкурсѣ, однимъ изъ условій котораго было поставлено, чтобы соискатели награды были не моложе семнадцати лѣтъ.

Конкурсъ касался не только научныхъ предметовъ и литературы, но также этнографіи, географіи, экспорта товаровъ Антильского архипелага, его исторіи, его прошлаго, настоящаго

и будущаго, его сношеній съ разными европейскими государствами, встрѣтивъ на своемъ пути во время первыхъ открытій эти острова, присоединили часть ихъ къ своимъ колониальнымъ владѣніямъ.

А теперь скажемъ, какова была цѣль конкурса, и въ чемъ заключались выгоды отъ него для лауреатовъ. Побѣдители должны были получить въ видѣ награды стипендію на путешествіе. Такая награда должна была дать имъ возможность попутешествовать въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ, что, какъ извѣстно, всегда бываетъ мечтою каждого двадцатилѣтняго юноши.

Итакъ, ихъ было девять человѣкъ. Девять счастливыхъ могли объѣздить, если и не цѣлый свѣтъ, какъ хотѣлось бы каждому изъ нихъ, то хоть какую-нибудь интересную страну Старого и Нового Свѣта.

Но кому же пришла мысль основать эти стипендіи для путешествій?.. Богатой англичанкѣ, миссъ Китленъ Сеймуръ, жившей на островѣ Барбадосѣ, одной изъ британскихъ колоній на Антильскомъ архипелагѣ. М-ръ Ардагъ въ первый разъ упомянулъ имя этой щедрой жертвовательницы. Можно себѣ представить, какими восторженными криками оно было встрѣчено собраніемъ.

— Ура!.. Ура!.. Ура!.. М-съ Сеймуръ!

Директоръ Антильской школы называлъ благотворительницу; но о какомъ же путешествіи шла рѣчь? Этого не зналъ еще никто, даже самъ директоръ. Но это будетъ извѣстно черезъ двадцать четыре часа. М-ръ Ардагъ дастъ знать по телеграфу въ Барбадосъ о результатахъ конкурса, а миссъ Китленъ Сеймуръ отвѣтитъ депешей же, въ какой области должны путешествовать ея стипендіаты.

Не трудно представить себѣ, какой быстрый обмѣнъ мнѣній произошелъ среди школьниковъ, мысленно уже унесшихся въ самыя любопытныя части земного шара, въ самыя далекія и невѣдомыя страны. Смотря по темпераменту и характеру, каждый изъ нихъ или отдавался самымъ несбыточнымъ мечтамъ, или дѣлалъ относительно умѣренныя и логичныя предположенія; но все-таки увлеченіе было всеобщее.

— Я думаю,—говорилъ Рожеръ Гинсдаль, англичанинъ до мозга костей, — что мы поѣдемъ въ какую-нибудь часть британскихъ колоній, а колоніальныя владѣнія Англіи достаточно обширны, чтобы выбрать котороенибудь изъ нихъ.

— Мы поѣдемъ въ Центральную Африку, — увѣрялъ Луи Клодіонъ, — въ знаменитую «необъятную» Африку, какъ, навѣрное, сказалъ бы нашъ почтенный экономъ, и пойдёмъ по слѣдамъ нашихъ великихъ путешественниковъ-исслѣдователей!..

— Нѣтъ, мы предпримемъ экспедицію къ сѣверному полюсу!—сказалъ Магнусъ Андерсъ, который не прочь былъ бы послѣдовать примѣру своего знаменитаго соотечественника Хансена...

— Я бы хотѣлъ поѣхать въ Австралію,—говорилъ Джонъ Говардъ, — тамъ даже послѣ такихъ путешественниковъ, какъ Тасманъ, Дампье, Беркъ, Ванкуверъ, Воданъ, Дюмонъ Дюрвиль, можно сдѣлать не мало открытій, найти, быть можетъ, золотые приiski!

— А, можетъ быть, мы отправимся въ какую-нибудь прекрасную страну Европы,—мечталъ Альбертъ Льювенъ, по своему голландскому характеру мало склонный къ преувеличеннымъ фантазіямъ. — Можетъ быть, мы даже просто проѣдемся по Шотландіи или Ирландіи....

— Ну, вотъ еще! — кричалъ восторженный Тони Рено. — Пари держу, что мы совершимъ кругосвѣтное путешествіе!

— Послушайте, — вставилъ свое слово умненькій Аксель Викборнъ, — у насъ всего какихъ-нибудь шесть-семь недѣль времени, и цѣлью путешествія можетъ быть лишь какая-нибудь изъ сосѣднихъ странъ!

Молодой датчанинъ былъ правъ. Впрочемъ, семейства молодыхъ путешественниковъ не согласились бы разстаться съ ними на нѣсколько мѣсяцевъ, не отпустили бы ихъ также въ дальнюю, сопряженную съ опасностями экспедицію, да и самъ м-ръ Ардагъ не взялъ бы на себя такой отвѣтственности.

Высказавъ предположенія относительно выбора м-съ Китленъ Сеймуръ области для экскурсіи, школьники заспорили о способѣ предстоящаго путешествія.

— Ужъ не отправимся ли мы пѣшкомъ, настоящими туристами — сумку на плечо, посохъ въ руки?..—догадался Губертъ Перкинсъ.

— Нѣтъ, мы поѣдемъ на почтовыхъ! — замѣтилъ Нильсъ Арбо.

— По желѣзной дорогѣ, съ круговымъ билетомъ, подъ охраной агентства Кука!—возразилъ Альбертъ Льювентъ.

— Мнѣ кажется, что, скорѣе всего, мы поѣдемъ на пареботѣ, быть можетъ, по Атлантическому океану! — сообщилъ Магнусъ Андерсъ, мысленно видѣвшій себя уже въ открытомъ морѣ.

— Нѣтъ!—кричалъ Тони Рено.—Мы полетимъ на воздушномъ шарѣ къ сѣверному полюсу!

Этотъ, признаемся, бесполезный споръ продолжался долго; по свойственному молодымъ людямъ увлеченію, несмотря на сдержанность взглядовъ Рожера Гинсдаля и Луи Клодіона, никто не хотѣлъ уступить, и каждый настаивалъ на своемъ мнѣніи.

Наконецъ, пришлось вмѣшаться директору не для того, чтобы примирить ихъ, но чтобы посовѣтовать имъ дождаться, по крайней мѣрѣ, отвѣта на отосланную въ Барбадосъ телеграмму.

— Потерпите немного! — сказалъ онъ имъ. — Я послалъ м-съ Китленъ Сеймуръ списокъ лауреатовъ въ надлежащемъ порядкѣ, указанія относительно національности каждаго изъ васъ, и, конечно, эта щедрая дама извѣститъ насъ объ условіяхъ пользованія ея стипендіями для путешествій. Если она отвѣтитъ сегодня же телеграммой, мы будемъ уже черезъ нѣсколько часовъ знать, какъ намъ дѣйствовать. Если отвѣтъ будетъ посланъ письмомъ, придется выждать шесть-семь дней. А пока работайте и занимайтесь прилежно!

— Пять—шесть дней! — не удержался пострѣлъ Тони Рено.—Да я никогда не доживу до этого дня!

Впрочемъ, Тони только выразилъ словами то, что было на душѣ у другихъ товарищей, Губерта Перкинса, Нильса Арбо, Аксея Викборна, почти такихъ же горячихъ и вспыльчивыхъ,

какъ онѣ, по натурѣ. Луи Клодіонъ и Рожеръ Гинсдаль, два первыхъ лауреата, выказывали больше хладнокровія. Что касается шведовъ, датчанъ и голландцевъ, ничто, казалось, не въ состояніи было вывести ихъ изъ врожденной флегмы. Если-бы въ Антильской школѣ были американцы, вѣроятно, они-то ужъ не заслужили бы похвалы за терпѣніе!

Возбужденное состояніе этихъ молодыхъ головъ вполне понятно. Не зная, въ какую часть свѣта поплетъ ихъ м-сь Китленъ Сеймуръ! Дѣло было въ половинѣ іюня мѣсяца, а если путешествіе должно быть совершено въ каникулярное время, пуститься въ путь удастся не раньше, какъ недѣль черезъ шесть.

А надо предполагать, что путешествіе состоится именно во время каникулъ. Такъ думалъ и м-ръ Ардагъ, соглашаясь съ мнѣніемъ большинства обитателей Антильской школы. При такихъ условіяхъ путешествіе нашихъ школьниковъ можетъ продолжаться не болѣе двухъ мѣсяцевъ. Они вернутся къ началу учебныхъ занятій въ октябрѣ, къ обоюдному удовольствію и родителей, и преподавателей школы.

Соображаясь съ временемъ, положеннымъ для каникулъ, нечего было и думать о поѣздкѣ въ дальніе края. Потому - то наиболѣе благоразумные воздерживались отъ несбыточныхъ мечтаній о путешествіи по Сибирскимъ степямъ, по пустынямъ центральной Азіи, африканскимъ лѣсамъ и пампасамъ Америки. Да и зачѣмъ уноситься въ воображеніи изъ Старого Свѣта, даже изъ Европы, когда за предѣлами Великобританіи есть столько интересныхъ для путешественника странъ: Германія, Россія, Швейцарія, Австрія, Франція, Италія, Испанія, Голландія, Греція! Сколько замѣтокъ можно занести въ памятную книжку туриста, сколько новыхъ впечатлѣній вынесутъ молодые антильцы, которые еще дѣтьми переплыли Атлантическій океанъ, чтобы перебраться изъ Америки въ Европу. Если-бы имъ пришлось совершить путешествіе даже въ сосѣднія съ Англіей страны, и этого было бы достаточно, чтобы возбудить ихъ нетерпѣніе и любопытство.

Ни въ этотъ, ни въ слѣдующій день отвѣтной телеграммы

не пришло. Значить, надо ждать письма изъ Барбадоса по слѣдующему адресу: м-ръ Джуміанъ Ардагъ, Антильская школа, 314, Оксфордская ул., Лондонъ, Великобританія.

Скажемъ здѣсь нѣсколько словъ, чтобы объяснить красовавшееся надъ дверью училища названіе «Антильская» школа. Оно было, несомнѣнно, придумано нарочно. Въ самомъ дѣлѣ, въ нѣкоторыхъ англійскихъ учебникахъ географіи Антильскіе острова называются Каррибейскими. На англійскихъ и американскихъ картахъ они носятъ то же имя. Но Каррибейскіе, или что то же, Караибскіе острова слишкомъ непріятно напоминаютъ дикихъ туземцевъ, когда-то населявшихъ архипелагъ, убійства и каннибализмъ, опустошавшіе нѣкогда Востъ-Индію. Можно ли было послѣ этого дать учебному заведенію такое ужасное названіе, какъ «школа караибовъ?» Можно было бы подумать, что въ подобной школѣ обучаютъ искусству убивать другъ друга и даютъ рецепты приготовленія жаркого изъ человѣческаго мяса. Такимъ образомъ, названіе «Антильской» оказалось наиболѣе подходящимъ для школы, предназначенной для молодыхъ людей, уроженцевъ Антильскихъ острововъ, желавшихъ получить чисто европейское воспитаніе.

Нѣтъ телеграммы — значить, надо ожидать письма, если только весь этотъ конкурсъ не мистификація дурного тона. Впрочемъ, этого не можетъ быть. Вѣдь между м-сь Китленъ Сеймуръ и м-ромъ Ардагъ завязалась корреспонденція. Щедрая англичанка — не вымыселъ фантазіи, она существуетъ, она живетъ тамъ, на Барбадосѣ, ее тамъ давно знаютъ, она слыветъ за одну изъ самыхъ богатыхъ землевладѣльницъ этого острова.

Оставалось только, вооружа съ терпѣніемъ, поджидать утромъ и вечеромъ заграничную почту. Разумѣется, девять лауреатовъ съ особеннымъ нетерпѣніемъ дежурили у оконъ, выходившихъ на Оксфордскую улицу, чтобы еще издали завидѣть почтальона. Лишь только покажется на горизонтѣ его красный мундиръ — а красный цвѣтъ виденъ издалика — школьники стремительно сбѣгали по лѣстницѣ, бросались на дворъ, къ воротамъ, окликали почтальона, забрасывали его вопросами и подчасъ чуть-чуть не завладѣвали его сумкой.

— Опять нѣтъ письма съ Антиловы! Ужъ не послать ли м-съ Китленъ Сеймуръ вторую телеграмму, чтобы убѣдиться, дошла ли первая по назначенію, а также чтобы попросить добрую мистрисъ поторопиться отвѣтомъ и прислать его по телеграфу?..

Тысячи предположеній возникали въ юныхъ воображеніяхъ, чтобы объяснить причину промедленія. Ужъ не перебило ли бурей рангоутъ у пакебота, совершающаго почтовые рейсы между Англіей и Антильскими островами? Не произошло ли гибельнаго столкновенія съ другимъ кораблемъ? Не сѣлъ ли онъ гдѣ-нибудь на мель? Ужъ не исчезъ ли самый Барбадосъ въ одномъ изъ тѣхъ ужасныхъ землетрясеній, какія бываютъ въ Вестъ-Индіи? Не погибла ли щедрая жертвовательница во время одного изъ такихъ разрушительныхъ бѣдствій? Неужели Франція, Голландія, Данія, Швеція, Британія потеряли одну изъ лучшихъ своихъ колоній въ Новомъ Свѣтѣ?

— Нѣтъ, нѣтъ,—возражалъ м-ръ Ардагъ,—извѣстіе о подобной катастрофѣ давно пришло бы! Газеты оповѣстили бы уже о всѣхъ подробностяхъ!

— Вотъ если-бы заатлантическіе пароходы возили съ собой почтовыхъ голубей, можно было бы всегда получить извѣстія, благополучно ли ихъ плаваніе! — замѣтилъ Тони Рено.

Это было совершенно справедливое замѣчаніе, но голубиная почта еще не функционировала въ то время, къ великому при-
скорбію воспитанниковъ Антильской школы.

Однако, дѣло не могло такъ продолжаться. Учителя не могли успокоить взволнованныхъ школьниковъ. Работа не шла имъ на умъ ни въ классѣ, ни на вечернихъ занятіяхъ. Не только лаураты, но и ихъ товарищи думали, о чемъ угодно, но только не о своихъ урокахъ.

Слѣдуетъ замѣтить, что всѣ эти тревоженія были совершенно напрасны. Что касается м-ра Ардага, онъ былъ совершенно покоенъ. Было довольно понятно, что м-съ Китленъ Сеймуръ предпочла письмо слишкомъ сжатому языку телеграммы. Только письмо, и письмо подробное, могло передать

все, что было нужно, относительно цѣли, условій, продолжительности путешествія, времени отъѣзда, расходовъ, суммы, предоставляемой въ распоряженіе девяти лауреатовъ. Всѣ эти объясненія займутъ, по меньшей мѣрѣ, двѣ-три страницы и, конечно, не могутъ быть выражены на томъ лаконическомъ нарѣчій, на какомъ объясняются еще по сейчасъ чернокожіе индійскихъ колоній.

Всѣ эти справедливыя замѣчанія пропадали даромъ, и волненіе не успокаивалось. А тутъ еще остальные товарищи, не получившіе конкурсной награды, изъ зависти поддразнивали лауреатовъ.

— Что и говорить, дѣло тайнственное! Изъ обѣщанныхъ на путешествіе денегъ не видно что-то ни сантима. Этотъ меценатъ въ юбкѣ — м-съ Сеймуръ, — должно быть, личность несуществующая! Весь конкурсъ, кажется, ни болѣе, ни менѣе, какъ одна изъ тѣхъ «утокъ», родина которыхъ, какъ извѣстно, Америка!

Наконецъ, м-ръ Ардагъ принялъ такое рѣшеніе: надо дожидаться прибытія въ Ливерпуль слѣдующаго почтоваго пакебота, который долженъ привезти почту съ Антильскихъ острововъ, и котораго ожидаютъ къ 23-му числу текущаго мѣсяца. Если же и въ этотъ день не получится письма отъ м-съ Китленъ Сеймуръ, ей будетъ послана вторая телеграмма.

Телеграммы посылать не пришлось. 23-го числа, днемъ, пришло письмо, носившее штемпель Барбадоса. То было собственноручное письмо м-съ Китленъ Сеймуръ, извѣщавшее, что сумма, ассигнованная ею, предназначается для путешествія на Антильскіе острова.

II.

Планы м-съ Китленъ Сеймуръ.

Итакъ, м-съ Китленъ Сеймуръ давала сумму для экскурсіи школьниковъ на разные острова Вестъ-Индіи. Счастливымъ, получившимъ награду, оставалось только радоваться.

Правда, пришлось отказаться отъ несбыточной мечты о

далекихъ экспедиціяхъ въ Африку, въ Азію, въ Австралію, въ мало изслѣдованныя страны Новаго Свѣта, или въ области южнаго и сѣвернаго полюса.

Однако, хотя на первыхъ порахъ школьники и почувствовали нѣкоторое разочарованіе, если имъ пришлось опуститься на землю съ той высоты, на которую они умчались на крыльяхъ фантазіи, хотя дѣйствительность обѣщала имъ путешествіе только на Антильскіе острова, все же имъ предстояло пріятно провести каникулы; и м-ръ Ардагъ объяснилъ имъ всѣ выгоды ихъ положенія.

Вѣдь Антильскіе острова — ихъ родина. Отправляясь въ Европу для полученія образованія, они покинули отечество еще дѣтьми. Они едва успѣли узвать свои родные острова, едва помнили ихъ. Положимъ, ихъ родители, за исключеніемъ семьи одного школьника, навсегда покинули архипелагъ и не рассчитываютъ туда вернуться, но у многихъ изъ нихъ тамъ остались родственники, друзья, и, если поразсудить хорошенько, путешествіе на Антильскіе острова должно улыбаться юношамъ.

Скажемъ теперь въ отдѣльности нѣсколько словъ о каждомъ изъ девяти лауреатовъ.

Сначала рѣчь будетъ объ англичанахъ, которыхъ въ Антильской школѣ было много.

Рожеру Гинсдалю, уроженцу Сантъ-Люси, было двадцать лѣтъ; семья его, обогатившись, ликвидировала свои дѣла и жила въ Лондонѣ.

Родители восемнадцатилѣтняго Джона Говарда, съ острова Доминика, переселились въ Манчестеръ, гдѣ продолжали заниматься торговлею.

Семья семнадцатилѣтняго Губерта Перкинса состояла изъ отца, матери, двухъ младшихъ сестеръ и никогда не покидала родного острова Антигуа, куда долженъ былъ возвратиться, по окончаніи образованія, и Губертъ, съ тѣмъ, чтобы поступить на службу въ одинъ торговый домъ.

Французовъ въ Антильской школѣ было человекъ двѣнадцать.

Родители двадцатилѣтняго Луи Клодіона, родившагося на островѣ Гваделупѣ, жили уже нѣсколько лѣтъ въ Нантѣ и имѣли свои суда.

Тони Рено было семнадцать лѣтъ, онъ родился на Мартиникѣ и былъ старшій изъ четырехъ сыновей чиновника, служившаго въ Парижѣ.

Поговоримъ о датчанахъ.

Нильсъ Арбо, съ острова св. Томы, былъ круглый спрота, ему исполнилось девятнадцать лѣтъ; его старшій братъ продолжалъ жить на Антильскихъ островахъ.

Акселю Викборнъ, родомъ съ острова Святого Креста, шелъ двадцатый годъ, и отецъ его велъ торговлю лѣсомъ въ Даніи и Копенгагенѣ.

Представителемъ голландской націи являлся Альбертъ Льювенъ, съ острова св. Мартина, ему было двадцать лѣтъ, онъ былъ единственнымъ сыномъ въ семьѣ, и родители его жили въ окрестностяхъ Роттердама.

Наконецъ, шведу Магнусу Андерсу, уроженцу острова св. Вареолемея, минуло девятнадцать лѣтъ. Родители его перѣѣхали недавно въ Гетеборгъ, въ Швецію, но не прочь были, составивъ себѣ состояніе, снова вернуться на Антильскіе острова.

Путешествіе на родину должно было придтись по сердцу молодымъ антильцамъ, и, не представься этого случая, кто знаетъ, суждено ли имъ было увидѣть еще разъ свою отчизну? Только у Луи Клодіона былъ на Гваделупѣ дядя, родной братъ его матери, у Нильса Арбо — братъ на островѣ св. Томы, да вся семья Губерта Перкинса жила въ Антигуѣ. У остальныхъ товарищей не было родныхъ на навсегда покинутыхъ ими Антильскихъ островахъ.

Старшій изъ всей компаніи, Рожеръ Гинсдаль, отличался нѣсколько высокоумнымъ характеромъ. Луи Клодіонъ былъ серьезный, прилежный мальчикъ, пользовавшійся всеобщей любовью. Голландская кровь Альберта Льювена не разогрѣлась и подъ жаркими лучами антильского солнца. Нильсъ Арбо никакъ не могъ еще открыть въ себѣ какого-либо призванія.

Магнусъ Андерсъ страстно любилъ море и собирался поступить морякомъ на какое-нибудь коммерческое судно. Аксель Виборнъ мечталъ о военной службѣ въ датской арміи. Джонъ Говардъ былъ нѣсколько менѣе типичнымъ англичаниномъ, чѣмъ Рожеръ Гинсдаль, наконецъ, изъ двухъ младшихъ товарищей Губертъ Перкинсъ готовился поступить въ коммерческій флотъ, а Тони Рено любилъ кататься на лодкѣ, что, вѣроятно, сулило ему въ будущемъ карьеру моряка.

Теперь важно знать, поѣдутъ ли наши путешественники на всѣ Антильскіе острова, на Большіе и на Малые, на тѣ, что расположены на вѣтру и подъ вѣтромъ. Нѣсколькихъ недѣль, бывшихъ въ распоряженіи нашихъ школьниковъ, было бы, однако, недостаточно, чтобы объѣхать весь архипелагъ Вестъ-Индіи, насчитывающій не менѣе трехсотъ пятидесяти острововъ и островковъ. Если бы даже предположить, что для осмотра каждаго изъ нихъ понадобится всего одинъ день, чтобы объѣздить ихъ всѣ, надо было бы посвятить цѣлый годъ.

М-съ Китленъ Сеймуръ не питала такого замысла. Воспитанники Антильской школы должны были ограничиться посѣщеніемъ каждой своего родного острова, провести тамъ нѣсколько дней, повидать жившихъ тамъ родственниковъ и друзей.

Такимъ образомъ, въ маршрутъ путешествія не входили прежде всего Большіе Антильскіе острова—Куба, Гаити, Санъ-Доминго, Порто-Рико,—такъ какъ среди экскурсантовъ не было ни одного испанца, Ямайка, потому что не было между ними и уроженца этой британской колоніи, а по той же причинѣ и голландскій островъ Кюрасо. Не поѣдутъ также школьники и на Малые Антильскіе острова, Тортугу, Маргариту, Бланкилу, Орделью, Авасъ, принадлежащіе венецуэльцамъ. Изъ группы Малыхъ Антильскихъ острововъ школьники должны высадятся лишь на слѣдующихъ: на англійскихъ островахъ, Сенъ-Люси, Доминикъ, Антигуа—французскихъ, Гваделупъ и Мартиникъ—датскихъ островахъ, св. Томы и св. Креста—на шведскомъ островѣ св. Вареоломея, наконецъ, на островѣ св. Мартина, одна половина котораго принадлежитъ Голландіи, другая — Франціи.

Вотъ девять острововъ, которые должны были посѣтить наши школьники, и которые составляютъ группу, извѣстную въ географіи подъ названіемъ острововъ, расположенныхъ съ на-вѣтренной стороны.

Никого не удивить, однако, что къ этимъ девяти островамъ въ маршрутѣ прибавили еще одинъ островъ, на которомъ предполагалось сдѣлать наиболѣе продолжительную остановку.

Это островъ Барбадосъ, наиболѣе значительная британская колонія въ этой мѣстности.

Тамъ жила м-съ Китленъ Сеймуръ; поэтому прямою обязанностью школьниковъ, путешествующихъ на ея счетъ, было на-вѣстить и поблагодарить ее.

Щедрая англичанка желала видѣть и принять у себя антильскихъ школьниковъ, а тѣ, въ свою очередь, жаждали познакомиться съ богатой обитательницей Барбадоса и выразить ей свою признательность.

Итакъ, школьники были не прочь поѣхать на Барбадосъ, а постъ-скриптумъ къ письму, прочитанному м-ромъ Джулианомъ Ардагъ, показалъ, какъ далеко м-съ Китленъ Сеймуръ простирала свою щедрость.

Мало того, что она принимала на свой счетъ всѣ путевыя издержки, она назначала, чтобы каждому школьнику, при отъѣздѣ съ острова Барбадоса, была выдана сумма въ семьсотъ фунтовъ стерлинговъ *).

Но успѣютъ ли наши юные путешественники совершить свою поѣздку въ теченіе каникулъ? Конечно; только каникулы на этотъ разъ начнутся мѣсяцемъ раньше обыкновеннаго, чтобы позволить имъ переплыть Атлантическій океанъ туда и обратно въ хорошее время года.

Условія оказались самыя подходящія и охотно были приняты. Нечего было опасаться, что родители воспитанниковъ воспротивятся такой, во всѣхъ отношеніяхъ пріятной и полезной, экскурсіи. Быстро промелькнуть шесть, много семь недѣль,

*) Около 7000 рублей.

если считать возможными какія-нибудь задержки или опозданія, и юные путешественники вернутся въ Европу, полные чудныхъ воспоминаній о своихъ милыхъ островахъ тамъ, въ Новомъ Свѣтѣ.

Оставалось отвѣтить еще на одинъ вопросъ родителей школьниковъ.

Неужели этихъ юнцовъ, изъ которыхъ старшему всего двадцать лѣтъ, предоставятъ самимъ себѣ? Неужели ими не будетъ руководить воспитатель? При посѣщеніи этого архипелага, гдѣ есть владѣнія всѣхъ европейскихъ государствъ, возможны столкновенія на почвѣ зависти и національнаго самолюбія. Не забудутъ ли юные путешественники, что всѣ они антильцы, всѣ питомцы одного учрежденія, когда съ ними не будетъ проницательнаго и осторожнаго м-ра Ардага?

О всѣхъ этихъ затрудненіяхъ думалъ и директоръ Антильской школы. Самъ онъ не могъ ѣхать съ школьниками и задумался надъ вопросомъ, кому бы поручить сопровождать ихъ.

Практическій умъ м-съ Китленъ Сеймуръ предусмотрѣлъ, однако, и это. Осторожная англичанка не допускала и мысли, чтобы мальчиковъ оставили безъ всякаго надзора. Посмотримъ же, что она придумала.

Но какъ же переправиться черезъ Атлантическій океанъ? Быть можетъ, на одномъ изъ пароходовъ, совершающихъ рейсы между Англіей и Антильскими островами? Тогда надо застисъ билетами и занять девять каютъ по числу путешественниковъ. Нѣтъ, путешествовать всѣ они будутъ не на свой счетъ, даже тѣхъ семисотъ фунтовъ, которые получаютъ при отъѣздѣ съ острова Барбадоса, они не должны трогать.

Отвѣтъ на эти вопросы найдемъ въ слѣдующемъ параграфѣ письма м-съ Китленъ Сеймуръ:

«Переѣздъ черезъ Атлантическій океанъ будетъ оплаченъ мною. Корабль, зафрахтованный на Антильскіе острова, будетъ ожидать пассажировъ въ портѣ Коркъ, Квинстоунъ, Ирландія. Названіе корабля «Рѣзвый», капитанъ — Пакстонъ. Корабль долженъ отплыть въ море 30-го іюня. Къ этому сроку капитанъ Пакстонъ ожидаетъ пассажировъ, и, лишь только они придутъ, корабль снимется съ якоря».

Наши школьники будутъ путешествовать, если не по царски, то какъ истые моряки-спортсмены. Они отправятся въ Вестъ-Индію и оттуда вернутся въ Англію на собственномъ кораблѣ! М-съ Китленъ Сеймуръ умѣетъ не дурно устраивать прогулки. Эта женщина-меценатъ не скупится. Если бы всѣ миллионеры такъ хорошо употребляли свои миллионы, оставалось бы только пожелать имъ побольше этихъ самыхъ миллионѣвъ.

Если товарищи завидовали экскурсантамъ, когда еще не знали всѣхъ распоряженій м-съ Сеймуръ, это чувство среди Антильскихъ школьниковъ удвоилось, когда они узнали, съ какимъ комфортомъ, какъ пріятно будетъ обставлена поѣздка девяти счастливыхъ избранниковъ.

Сами путешественники были въ восторгѣ. Мечты ихъ почти сбылись на яву. Переплывъ Атлантическій океанъ, они на собственной яхтѣ обойдутъ главнѣйшіе острова Антильского архипелага.

— Когда же мы отправимся?—спрашивали они.

— Завтра же!

— Сегодня!

— У насъ еще цѣлая недѣля времени впереди!—замѣчали наиболѣе благоразумные.

— Ахъ, зачѣмъ мы еще не на «Рѣзвомъ»! — вздыхалъ Магнусъ Андерсъ.

— На собственномъ кораблѣ!—восклицалъ Тони Рено.

Они не хотѣли и слышать, что для такого дальняго плаванія необходимы сборы и приготовленія.

Прежде всего, надо было посовѣтоваться съ родителями, спросить ихъ согласія, такъ какъ школьниковъ отправляли, хотя и не на тотъ, то, во всякомъ случаѣ, въ Новый Свѣтъ. М-ръ Джуліанъ Ардагъ принялъ необходимыя для переговоровъ мѣры. Кромѣ того, въ виду предпринимаемой поѣздки, которая могла продолжиться два съ половиной мѣсяца, нужно было запастись одеждой, особенно въ виду поѣздки моремъ, и большими сапогами, непромокаемыми плащами и всѣмъ, что необходимо моряку.

Директоръ долженъ былъ также выбрать довѣренное лицо, на чью отвѣтственность онъ могъ бы сдать юныхъ путешественниковъ. Вести себя они, конечно, сѣумѣли бы и безъ воспитателя и благоразумны они были достаточно; но все же имъ слѣдовало дать въ спутники руководителя, который пользовался бы у нихъ авторитетомъ. Такъ хотѣла м-съ Китленъ Сеймуръ, и съ этимъ желаніемъ надо было сообразоваться.

Родители юношей должны были согласиться на всѣ предложенія м-ра Ардага. У нѣкоторыхъ школьниковъ на Антильскихъ островахъ были родственники, которыхъ они не видѣли уже нѣсколько лѣтъ: у Губерта Перкинса—на Антигуѣ, у Луи Клодіона—въ Гваделупѣ, у Нильса Арбо—на островѣ св. Томы. Поѣздка представляла неожиданный и пріятный случай повидаться съ ними.

Впрочемъ, семейства школьниковъ еще раньше знали отъ директора Антильской школы, въ чемъ дѣло. Знали о конкурсѣ, цѣлью котораго было полученіе награды въ видѣ путешествія. М-ръ Ардагъ не сомнѣвался, что, получивъ извѣстіе о результатахъ конкурса и о предстоящемъ путешествіи въ западную Индію, родители школьниковъ, получившихъ награду, отнесутся къ дѣлу сочувственно.

Между тѣмъ, м-ръ Ардагъ думалъ, кого бы ему дать въ менторы этому пушествуящему классу, кто бы сѣумѣлъ мирно управлять этими юными Телемаками. Вопросъ этотъ невольно озадачивалъ его. Поручить эту обязанность одному изъ преподавателей Антильской школы, который наиболѣе подходилъ бы къ роли руководителя, было немыслимо, потому что учебный годъ еще не окончился, и весь учащій персоналъ долженъ былъ оставаться въ сборѣ.

По той же причинѣ не могъ сопровождать юношей и самъ м-ръ Ардагъ. Въ послѣдній мѣсяцъ школьнаго года присутствіе его въ школѣ было болѣе необходимо, чѣмъ когда-либо, кромѣ того, онъ долженъ былъ лично раздавать награды въ день акта, 7-го августа.

Кромѣ самого директора и учителей, былъ въ училищѣ еще одинъ человѣкъ, серьезный, аккуратный, который могъ до-

бросовѣстно исполнить эту обязанность, заслужившій полного довѣрія, всѣми любимый, котораго юноши охотно признаютъ своимъ менторомъ.

Вопросъ только въ томъ, приметъ ли этотъ человѣкъ предложеніе, согласится ли онъ ѣхать такъ далеко, особенно моремъ.

Утромъ 25-го іюня, за пять дней до отплытія «Рѣзваго», м-ръ Ардагъ попросилъ къ себѣ въ кабинетъ для важныхъ переговоровъ м-ра Паттерсона.

Когда эконому Антильской школы, м-ру Паттерсону, пришло доложить о желаніи директора говорить съ нимъ, его застали за обычнымъ занятіемъ: онъ подсчитывалъ вчерашніе расходы.

— Я сейчасъ же приду къ г. директору! — отвѣтилъ, сдвинувъ на лобъ свои очки, м-ръ Паттерсонъ пришедшему съ докладомъ лакею.

Снова надвинувъ очки на носъ, онъ докончилъ хвостикъ у начатой имъ внизу графы «расходъ» девятки, взялъ линейку изъ чернаго дерева и подвелъ черту подъ столбцомъ цифръ, которыя только что складывалъ. Потомъ, слегка стряхнувъ перо надъ чернильницей, м-ръ Паттерсонъ обмакнулъ его нѣсколько разъ въ стаканчикъ съ дробью, чтобы вычистить его, старательно вытеръ, положилъ рядомъ съ линейкой на конторку, закрылъ чернильницу, приложилъ пропускную бумагу къ страницѣ расходовъ, стараясь не размазать хвостикъ девятки, закрылъ книгу, положилъ ее въ ящикъ бюро, уложилъ въ ящикъ карандашъ, резинку и скоблильный ножикъ, сдувъ пылинку съ бювара, всталъ, отодвинувъ обитое клеенкою кресло, снялъ люстриновые нарукавники, повѣсилъ ихъ на розетку у камина, почистилъ щеткой свой сюртукъ, жилетъ и брюки, взялъ шляпу, пригладилъ на ней ворсъ локтемъ рукава, надѣлъ ее, натянулъ на руки черныя лайковые перчатки, точно собирался съ визитомъ къ высокопоставленному лицу изъ университетскаго начальства, окинулъ себя взглядомъ передъ зеркаломъ, чтобы убѣдиться въ безупречности своего костюма, подстригъ ножницами волосокъ своихъ бакенбардъ, ко-

торый выросъ за предѣлъ ему положенной границы, пощупалъ, не забылъ ли онъ положить въ карманъ платокъ и бумажникъ, открылъ дверь конторы, вышелъ, замкнулъ дверь однимъ изъ семнадцати ключей, брэнчавшихъ у него въ связкѣ, спустился по лѣстницѣ и разбѣреннымъ шагомъ прошелъ черезъ большой дворъ наискосокъ къ флигелю, гдѣ помѣщался кабинетъ директора, нажалъ пуговку электрическаго звонка и остановился въ ожиданіи передъ дверью.

Только тогда м-ръ Паттерсонъ, почесывая указательнымъ пальцемъ лобъ, подумалъ:

— О чемъ это г. директоръ хочетъ переговорить со мной?

Въ самомъ дѣлѣ, приглашеніе въ директорскій кабинетъ въ такой ранній часъ должно было показаться м-ру Паттерсону страннымъ, и мысли его зашевелились въ предположеніяхъ.

Посудите сами! Стрѣлки на часахъ м-ра Паттерсона, такихъ же точныхъ, какъ и ихъ хозяинъ—онѣ не отставали ни на секунду въ день—показывали безъ четверти девять. Между тѣмъ, никогда-никогда м-ръ Паттерсонъ не являлся къ м-ру Ардагу раньше одиннадцати часовъ сорока трехъ минутъ съ докладомъ о состояніи хозяйственной части Антилъской школы; не было еще случая, чтобы онъ явился минутой раньше или позже.

М-ръ Паттерсонъ былъ поэтому вправѣ предположить, что случилось что-то необычайное, если директоръ зоветъ его къ себѣ раньше, чѣмъ онъ успѣлъ подвести итоги вчерашнимъ расходамъ и доходамъ. Конечно, онъ подведетъ балансъ, когда вернется, и можно ручаться, что непредвидѣнный перерывъ не заставитъ его ошибиться при подсчетѣ.

Швейцаръ открылъ дверь на блокъ. М-ръ Паттерсонъ сдѣлалъ пять шаговъ по корридору—это было привычное число шаговъ—и стукнулъ во вторую дверь, надъ которой стояла надпись: «Кабинетъ директора».

— Войдите!—послышалось въ отвѣтъ.

М-ръ Паттерсонъ снялъ шляпу, отряхнулъ пыль съ сапогъ, расправилъ пальцы перчатокъ и вошелъ въ кабинетъ.

Шторы на обоихъ окнахъ кабинета, выходившихъ во дворъ, были на половину спущены.

М-ръ Ардагъ сидѣлъ за письменнымъ столомъ. Передъ нимъ лежали разныя бумаги. У письменнаго стола было придѣлано нѣсколько электрическихъ звонковъ. Оторвавшись отъ чтенія бумагъ, директоръ дружески кивнулъ головой вошедшему.

— Вы меня звали, г. директоръ? — сказалъ м-ръ Паттерсонъ.

— Да, г. экономъ, — отвѣчалъ м-ръ Ардагъ, — чтобы поговорить съ вами о дѣлѣ, въ которомъ вы лично заинтересованы. Садитесь, пожалуйста! — указалъ онъ на стулъ у своего стола.

М-ръ Паттерсонъ сѣлъ, осторожно раздвинувъ полы своего длиннаго сюртука, положивъ одну руку на колѣни, а другою придерживая передъ собою шляпу.

— Г. экономъ, вы, знаете, конечно, — началъ м-ръ Ардагъ, — о результатахъ конкурса?

— Слышалъ, г. директоръ, — отвѣчалъ м-ръ Паттерсонъ, — и нахожу, что инициатива нашей щедрой соотечественницы м-съ Сеймуръ, дѣлаетъ честь Антильской школѣ!

М-ръ Паттерсонъ говорилъ степенно, тщательно выговаривая слоги избранныхъ выраженій, которые онъ употреблялъ, и не безъ принужденности ставя ударенія на словахъ.

— Вы, вѣроятно, также знаете, какъ будутъ употреблены эти преміи?

— Знаю, г. директоръ, — отвѣчалъ м-ръ Паттерсонъ, кланяясь и дѣлая при этомъ жестъ шляпою, какъ будто онъ посылалъ привѣтствіе лицу, находящемуся по ту сторону океана. — Трудно, мнѣ кажется, найти лучшее употребленіе унаследованному и благопріобрѣтенному богатству, какъ на пользу юношества, жаждущаго путешествій. Имя м-съ Китленъ Сеймуръ будетъ повторяться грядущими поколѣніями!

— Я съ вами согласенъ, г. экономъ. Но вернемся къ дѣлу. Вы знаете, безъ сомнѣнія, и объ условіяхъ путешествія на Антильскіе острова?

— Мнѣ рассказывали о нихъ, г. директоръ. Нашихъ юныхъ путешественниковъ ожидаетъ корабль. Надѣюсь, что имъ не придется молить Нептуна произнести гнѣвнымъ волнамъ Атлантическаго океана свое «Quos ego» *).

— Я тоже надѣюсь на это, м-ръ Паттерсонъ, вѣдь переѣзжать черезъ океанъ и туда, и обратно они будутъ въ хорошее время года!

— Дѣйствительно,—отвѣтилъ экономъ,—капризная богиня Эетида обыкновенно успокаивается и отдыхаетъ въ теченіе іюля и августа мѣсяцевъ!

— Такимъ образомъ,—продолжалъ м-ръ Ардагъ,—путешествіе обѣщаетъ быть пріятнымъ не только для молодыхъ людей, но и для того лица, которое будетъ сопровождать ихъ!..

— Лица,—замѣтилъ м-ръ Паттерсонъ,—на долю котораго выпадетъ пріятная обязанность выразить м-съ Китленъ Сеймуръ почтительнѣйшее уваженіе и глубокую признательность воспитанниковъ Антильской школы!..

— Я очень жалѣю,—сказалъ директоръ,—что не могу быть самъ этимъ лицомъ. Но мнѣ нельзя уѣхать въ концѣ учебнаго года, наканунѣ экзаменовъ, на которыхъ я долженъ присутствовать!

— Невозможно, г. директоръ,—возразилъ экономъ,—а тотъ, кто будетъ избранъ, чтобы замѣнить васъ во время поѣздки, почтетъ себя счастливымъ!

— Конечно, желающихъ нашлось много. Но мнѣ нуженъ человѣкъ, на котораго я вполнѣ могъ бы положиться, и къ которому родители молодыхъ людей питали бы такое же довѣріе. Я нашелъ такого человѣка среди служащаго персонала нашего заведенія!

— Я очень радъ за васъ, г. директоръ. Вѣроятно, это одинъ изъ преподавателей словесности или наукъ?

— Никкимъ образомъ: немислимо отрывать ихъ отъ занятій до окончанія годового курса. Такой перерывъ въ хозяй-

*) Однажды вѣтры подняли бурю безъ разрѣшенія Нептуна. Разгнѣванный такою дерзостью ихъ, богъ моря поднялъ свой трезубецъ и воскликнулъ „Quos ego“, т. е. „я васъ!“

ственной школѣ принесть бы, по моему мнѣнію, меньше вреда, и потому я остановилъ свой выборъ на васъ, г. экономъ. Васъ я попрошу сопровождать нашихъ мальчиковъ на Антильскіе острова!

М-ръ Паттерсонъ не могъ удержаться, чтобы не выразить своего удивленія. Быстро вставъ съ своего мѣста, онъ снялъ очки.

— Меня, г. директоръ?—проговорилъ онъ дрожащимъ голосомъ.

— Именно васъ, м-ръ Паттерсонъ, и я заранѣе увѣренъ, что счета расходовъ на поѣздку будутъ вестись съ такою же точностью, какъ въ училищѣ!

М-ръ Паттерсонъ вытеръ уголкомъ своего платка подернувшіяся туманомъ стекла очковъ.

— М-съ Китленъ Сеймуръ желаетъ, — продолжалъ м-ръ Ардагъ,—чтобы лицо, взявшее на себя отвѣтственную обязанность сопровождать мальчиковъ, получило также премію въ семьсотъ фунтовъ. Прошу васъ, м-ръ Паттерсонъ, будьте готовы къ предстоящему черезъ пять дней отъѣзду!

III.

М-ръ и м-съ Паттерсонъ.

М-ръ Гораций Паттерсонъ былъ когда-то преподавателемъ и промѣнялъ учительство на мѣсто эконома. Это былъ заядлый латинистъ, а въ Англіи языкъ Виргилія и Цицерона далеко не пользуется такимъ уваженіемъ, какъ во Франціи, гдѣ онъ играетъ видную роль въ университетскихъ кружкахъ. Правда, французскій языкъ ведетъ свое начало отъ латинскаго, чего нельзя сказать про нарѣчіе сыновъ Альбіона, и, быть можетъ, благодаря этому, во Франціи латинскій языкъ не будетъ изгнанъ ради новыхъ языковъ.

Хотя м-ръ Паттерсонъ и не былъ больше преподавателемъ, въ душѣ онъ оставался вѣренъ культу древнихъ римлянъ. Онъ посвящалъ свои математическія способности, точность и методичность административной части Антильской школы, но въ то

же время твердо помнилъ цитаты изъ Виргилія, Овидія и Горация. Присущія ему аккуратность и даже мелочность дѣлали его образцовымъ экономомъ, отъ котораго не скрылись бы никакія тайны дебета и кредита, ни малѣйшія детали административной отчетности. Когда-то онъ получилъ награду за экзамены по древнимъ языкамъ, теперь онъ могъ бы съ успѣхомъ выйти побѣдителемъ изъ конкурса по бухгалтеріи и составленію смѣтъ школьнаго бюджета.

Болѣе чѣмъ вѣроятно, впрочемъ, въ случаѣ, если м-ръ Ардагъ, составивъ себѣ состояніе, уйдетъ на покой, что Антилская школа, процвѣтающая подъ его управленіемъ, перейдетъ въ руки вполнѣ достойнаго преемника Горация Паттерсона.

М-ру Горацию Паттерсону было сорокъ лѣтъ съ небольшимъ. Скорѣе кабинетный ученый, чѣмъ любитель спорта, онъ пользовался, однако, прекраснымъ здоровьемъ, такъ какъ никогда не предавался никакимъ излишествамъ: у него былъ прекрасный желудокъ, здоровое сердце, превосходныя легкія. Всегда скромный, сдержанный, уравновѣшенный, никогда не скомпрометировавшій себя ни словомъ, ни поступкомъ, практичный человекъ и теоретикъ въ одно и то же время, никого никогда не обидѣвшій, снисходительный къ другимъ, м-ръ Паттерсонъ умѣлъ владѣть собою.

Ростомъ немного выше средняго, съ узкими плечами, онъ не отличался красотою движеній, а походка у него была неуклюжая. Говорилъ онъ какъ-то напыщенно, сопровождая свою рѣчь жеманными жестами. По природѣ серьезный, онъ улыбался, когда находилъ, что это прилично случаю. У него были синіе, выцвѣтшіе и близорукіе глаза, и онъ носилъ поэтому на довольно-таки почтенныхъ размѣровъ носу очки съ очень сильными стеклами. Онъ какъ-то конфузился за свои чрезмѣрно длинныя ноги, ходилъ, какъ-то усиленно откидывая носки, а когда онъ неловко опускался на стулъ, присутствующими неловко овладѣвалъ страхъ, что вотъ-вотъ онъ растянется во весь ростъ.

У м-ра Паттерсона была м-съ Паттерсонъ, женщина не-

глупая и безъ всякихъ претензій на кокетство. Въ то время ей было лѣтъ тридцать семь. Она не замѣчала странностей или смѣшныхъ сторонъ своего мужа, а онъ, въ свою очередь, умѣлъ цѣнить ея заслуги, когда она помогала ему въ его бухгалтерскихъ работахъ. Изъ того, что экономя Антильской школы былъ математикомъ, еще не слѣдуетъ, чтобы онъ былъ небреженъ въ своей манерѣ одѣваться. Тотъ, кто подумалъ это, ошибся бы. Его бѣлый галстухъ былъ всегда гнательно завязанъ, сапоги съ лакированными носками блестяли, рубашка была крѣпко накрахмалена — да и самъ то онъ былъ весь точно накрахмаленный — брюки безупречно чернаго цвѣта, жилетъ, точно у клерджимена, а широкій, длинный, до колѣнъ сюртукъ застегнутъ на всѣ пуговики.

М-ръ и м-съ Паттерсонъ занимали въ школьномъ зданіи уютную квартирку въ шесть комнатъ, помѣщавшуюся въ первомъ этажѣ. Часть оконъ выходила на дворъ, другая — въ садъ съ тѣнистыми вѣковыми деревьями и красивыми зелеными лужайками.

Отъ директора м-ръ Паттерсонъ прошелъ къ себѣ домой. Шелъ онъ, не спѣша, какъ бы желая основательно обсудить дѣло. Имѣя привычку вѣрно оцѣнивать вещи, видѣть ихъ подъ надлежащимъ угломъ зрѣнія и взвѣшивать въ каждомъ дѣлѣ все за и противъ, какъ онъ подводилъ балансъ между дебетомъ и кредитомъ въ своей большой прихода-расходной книгѣ, м-ръ Паттерсонъ довольно быстро пришелъ къ слѣдующему заключенію: пускаться въ дальнее плаваніе, не обдумавъ дѣло, зря, нельзя.

И вотъ раньше, чѣмъ вернуться въ свою квартиру, м-ръ Гораций Паттерсонъ сдѣлалъ сто шаговъ по пустынному въ этотъ часъ дня двору; шелъ онъ прямой, какъ громоотводъ, или какъ столбъ, останавливался, снова продолжалъ путь, то держа руки за спиной, то скрестивъ ихъ на груди, съ глазами, устремленными въ даль, казалось, далеко за предѣлы стѣнъ, окружавшихъ Антильскую школу.

Прежде чѣмъ отправиться поговорить съ м-съ Паттерсонъ, онъ не могъ удержаться, чтобы не вернуться въ свою контору

кончить прерванные утромъ счеты. Когда онъ провѣрить еще разъ счетъ, ему легче будетъ на свободѣ, отрѣшившись отъ всякихъ заботъ, обсудить всѣ выгоды и невыгоды сдѣланнаго ему директоромъ предложенія.

На все это понадобилось очень мало времени. Изъ своей конторы онъ поднялся въ слѣдующій этажъ въ моментъ, когда ученики выходили изъ классовъ.

Тотчасъ же составилось нѣсколько группъ учениковъ; въ одной изъ нихъ были девять лауреатовъ. Казалось, они были уже на пакеботѣ «Рѣзвый», въ нѣсколькихъ миляхъ отъ Ирландіи, въ открытомъ морѣ. Не трудно догадаться, о чемъ они такъ оживленно разговаривали.

Что они поѣдутъ на Антильскіе острова, имъ было извѣстно, но оставался открытымъ другой вопросъ: будетъ ли ихъ кто-нибудь сопровождать на всемъ протяженіи путешествія туда и обратно? Они и сами думали, что пустить ихъ однихъ не рѣшатся. Но выбрала ли кого-нибудь для этой цѣли м-съ Китленъ Сеймуръ, или же она предоставила выборъ подходящаго лица м-ру Ардагу? Едва ли самъ директоръ найдетъ возможнымъ ѣхать съ ними лично въ это время учебного года. Такъ кому же поручать сопровождать ихъ? Кого-то выберетъ м-ръ Ардагъ?

Ужъ не м-ръ ли Паттерсонъ поѣдетъ съ ними?—пришло въ голову нѣкоторымъ изъ нихъ. Конечно, неизвѣстно, согласится ли эконокъ, спокойный домосѣдъ, никогда не покидавшій домашняго очага, измѣнить свои привычки, разстаться на нѣсколько недѣль съ м-съ Паттерсонъ. Неизвѣстно, возьмется ли онъ за эту отвѣтственную обязанность. Едва ли.

Какъ м-ръ Паттерсонъ былъ нѣсколько удивленъ предложеніемъ директора, такъ и м-съ Паттерсонъ, разумѣется, удивится не меньше, когда мужъ сообщитъ ей обо всемъ. Никому и въ голову не могло придти, чтобы возможно было разлучить хотя бы всего на нѣсколько недѣль два такъ тѣсно сжившіяся существа, разъединить два почти химически соединенныхъ элемента. Нельзя было также предположить, чтобы м-съ Паттерсонъ приняла участіе въ поѣздѣ.

Вотъ надъ этими то разнообразными соображеніями и ломалъ голову м-ръ Паттерсонъ, возвращаясь къ себѣ домой. Тѣмъ не менѣе, когда онъ вошелъ въ гостиную, гдѣ сидѣла м-съ Паттерсонъ, рѣшеніе его было уже окончательно принято.

М-съ Паттерсонъ знала, что директоръ звалъ мужа къ себѣ, и потому тотчасъ спросила его:

— Ну, что, м-ръ Патерсонъ?

— Много новаго, м-съ Патерсонъ!

— Вѣрно м-ръ Ардагъ самъ рѣшилъ ѣхать съ мальчиками на Антильскіе острова?

— Ничуть: онъ не можетъ уѣхать изъ училища въ это время учебнаго года!

— Назначилъ онъ уже кого-нибудь?

— Да!

— Кого же?

— Меня!

— Васъ, Горацій?

— Меня!

М-съ Паттерсонъ довольно быстро справилась съ овладѣвшимъ ею волненіемъ. Эта умная женщина была достойной супругой м-ра Паттерсона: она не стала сѣтовать и жаловаться.

Обмѣнявшись съ женою нѣсколькими фразами, м-ръ Паттерсонъ подошелъ къ окну и забарабанилъ пальцами по стеклу.

М-съ Паттерсонъ подошла въ нему.

— Вы согласились?—спросила она.

— Согласился!

— По моему, вы хорошо сдѣлали!

— Я то же думаю, м-съ Паттерсонъ. Не могъ же я отказаться, когда директоръ выказалъ мнѣ такое довѣріе!

— Это было невозможно, м-ръ Паттерсонъ. Мнѣ жаль только..

— Чего?

— Что вамъ предстоитъ не путешествіе по сушѣ, а поѣздка моремъ, что вамъ придется переѣзжать океанъ!

— Придется, м-съ Паттерсонъ; но мысль пребыть двѣ, три недѣли на морѣ меня не страшить. Мы поѣдемъ на хорошемъ

кораблѣ. Въ эту пору года, съ іюля по сентябрь мѣсяцъ, море тихо, и плаваніе обѣщаетъ быть счастливымъ. Кромѣ того, руководителю, или ментору юныхъ путешественниковъ назначена премія...

— Премія? — повторила м-съ Паттерсонъ, довольно чувствительная къ матеріальнымъ выгодамъ.

— Да, — отвѣчалъ м-ръ Паттерсонъ, — такая же премія, какая будетъ выдана каждому воспитаннику!

— Семьсотъ фунтовъ?

— Семьсотъ фунтовъ!

— Сумма значительная!

М-ръ Горацій Паттерсонъ былъ того же мнѣнія.

— А когда назначенъ отъѣздъ? — спросила м-съ Паттерсонъ, не находившая болѣе никакихъ возраженій?

— 30-го іюня. Черезъ пять дней мы должны быть въ Коркѣ, гдѣ насъ ожидаетъ на якорѣ «Рѣзвый». Итакъ, времени терять нечего, надо начать сборы сегодня же!

— Я все беру на себя, Горацій!

— Вы ничего не забудете?

— Не беспокойтесь!

— Надо будетъ взять съ собою костюмъ полегче, потому что мы будемъ путешествовать въ жаркихъ странахъ, подъ тропическими лучами солнца!

— Я приготовлю вамъ легкое платье!

— Только, все-таки, костюмъ надо взять черный; какой ни-будь фантастическій костюмъ туриста не приличествуетъ ни моему положенію, ни характеру!

— Положитесь на меня, м-ръ Паттерсонъ, а я не позабуду также и рецептъ Вергаля отъ морской болѣзни, ни средствъ, которыя онъ совѣтуетъ принимать!

— Ну, морская болѣзнь! — презрительно замѣтилъ м-ръ Паттерсонъ.

— Все-таки осторожность требуетъ этого, — возразила м-съ Паттерсонъ. — Но дѣйствительно ли путешествіе будетъ продолжаться не болѣе двухъ съ половиной мѣсяцевъ?

— Два съ половиной мѣсяца, т. е. десять, одиннадцать

недѣль, м-съ Паттерсонъ. За такой промежутокъ времени, конечно, можетъ произойти не мало случайностей! Не даромъ одинъ мудрецъ сказалъ, что человѣкъ знаетъ, когда онъ уйдетъ, но не можетъ знать, когда вернется!

— Важно, прежде всего, вернуться,—сдѣлала справедливое замѣчаніе м-съ Паттерсонъ.—Не пугайте меня, Горацій. Я покорно, безъ неумѣстныхъ упрековъ соглашаюсь на двухмѣсячную съ лишнимъ разлуку съ вами, я примиряюсь съ мыслью о поѣздкѣ моремъ, я знаю, какія опасности сопряжены съ этимъ путешествіемъ, но надѣюсь, что вамъ удастся избѣжать ихъ, благодаря вашей обычной осторожности; однако, не огорчайте меня мыслью, что путешествіе можетъ затянуться и дольше!

— Я не хотѣлъ встревожить васъ, м-съ Паттерсонъ,—отвѣчалъ м-ръ Паттерсонъ, жестомъ защищаясь отъ упрека въ томъ, что онъ перешелъ границы дозволеннаго.—Я просто хотѣлъ предупредить васъ, чтобы вы не беспокоились, если я запоздаю вернуться и не думали, что случилось какое-нибудь несчастіе!

— Положимъ такъ, м-ръ Паттерсонъ; но пока рѣчь идетъ о вашемъ отсутствіи въ теченіе двухъ съ половиною мѣсяцевъ, и я надѣюсь, что оно не продолжится болѣе!

— Я и самъ такъ думаю,—отвѣчалъ м-ръ Паттерсонъ.—Но, въ общемъ, о чемъ тутъ волноваться? Мы поѣдемъ въ чудный край, наша поѣздка будетъ сплошной прогулкой съ острова на островъ въ Вестъ-Индіи. И что за бѣда, если мы вернемся недѣли за двѣ позже, чѣмъ предполагали?

— Нѣтъ, нѣтъ, Горацій! — упрямо твердила м-съ Паттерсонъ.

Почему-то на этотъ разъ и м-ръ Паттерсонъ заупрямился, что совсѣмъ было не въ его привычкахъ. И къ чему ему понадобилось тревожить м-съ Паттерсонъ невольными страхами.

Какъ бы то ни было, онъ настойчиво продолжалъ говорить объ опасностяхъ, сопряженныхъ со всякимъ путешествіемъ, особенно съ путешествіемъ моремъ. Когда же м-съ Паттерсонъ отказалась допустить возможность опасностей, которыя онъ опи-

сывалъ напыщенными фразами, дополняя ихъ такими же жеманами.

— Я не требую,— сказалъ онъ, — чтобы вы смотрѣли на эти опасности, какъ на дѣйствительныя, но какъ на возможные, чтобы, предвидя ихъ, мы могли принять нѣкоторыя мѣры!

— Какія, Горацій?

— Прежде всего, м-съ Паттерсонъ, я напишу завѣщаніе!

— Завѣщаніе?!

— Да, съ соблюденіемъ всѣхъ законныхъ формальностей!

— Вы просто убиваете меня!— вскричала м-съ Паттерсонъ, которой это путешествіе представлялось все болѣе и болѣе ужаснымъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, м-съ Паттерсонъ. Но осторожность и благоразумность требуютъ этого. Я принадлежу къ категоріи людей, которые, садясь въ поѣздъ, а тѣмъ болѣе предпринимая путешествіе черезъ океанъ, дѣлаютъ необходимыя на случай смерти распоряженія!

Вотъ какой человѣкъ былъ м-ръ Паттерсонъ. Конечно, онъ ограничится составленіемъ завѣщанія. Что же можно придумать еще? Какъ бы то ни было, м-съ Паттерсонъ окончательно взволновалась. Она думала о томъ, что мужъ собирается дѣлать духовное завѣщаніе, объ угрожающихъ во время плаванія опасностяхъ, о столкновеніяхъ, кораблекрушеніяхъ, наконецъ, объ ужасной смерти на какомъ-нибудь островѣ, населенномъ каннибалами.

Тутъ только м-ръ Паттерсонъ замѣтилъ, что, пожалуй, онъ хватилъ черезъ край, и сталъ успокаивать свою дражайшую половину, старательно изыскивая фразы и обороты. Наконецъ, ему удалось убѣдить, что излишняя предосторожность не можетъ ни помѣшать, ни повредить, и что принять мѣры на всякій случай еще не значитъ сказать «прости» предѣстамъ жизни, это «послѣднее прости», какъ говоритъ Овидій устами Орфея, вторично потерявшаго свою милую Эвридику.

Но м-съ Паттерсонъ не потеряетъ м-ра Паттерсона, хотя бы и въ первый разъ. Только онъ долженъ быть аккуратенъ, долженъ привести въ порядокъ свои дѣла. Завѣщаніе онъ не

Девяти лауреатовъ съ интересомъ разсматривали карту Антильскихъ острововъ... (къ стр. 15).

премѣнно напишетъ. Онъ тотчасъ же отправится къ нотаріусу, чтобы документъ былъ составленъ по всѣмъ правиламъ закона и при вскрытіи не могъ дать никакого повода къ сомнѣніямъ.

Читатель, вѣроятно, ожидаетъ, что м-ръ Паттерсонъ принялъ всѣ необходимыя мѣры на тотъ случай, если волею злого рока «Рѣзвый» безъ вѣсти погибнетъ въ морѣ вмѣстѣ съ экипажемъ, пассажирами и багажемъ.

М-ръ Паттерсонъ не думалъ этого, однако, потому что тотчасъ же прибавилъ:

— Надо бы сдѣлать еще одно...

— Что еще, Горацій?—спросила м-съ Паттерсонъ.

На этотъ разъ м-ръ Паттерсонъ не пожелалъ высказать свою мысль ясно.

— Ну ничего, ничего, еще посмотримъ!—не договорилъ онъ, очевидно, не желая опять испугать м-съ Паттерсонъ.

А можетъ быть, онъ не надѣялся убѣдить ее въ чемъ-то, даже если не покусится на новую латинскую цитату?

— Ну, а теперь займемся моимъ чемоданомъ и моей шляпной картонкой!—сказалъ онъ, желая, повидимому, прекратить этотъ разговоръ.

Отъѣздъ назначенъ черезъ пять дней, но все же, что сдѣлано, о томъ впередъ нечего заботиться.

Однимъ словомъ, у м-ра Паттерсона, какъ и у девяти мальчиковъ, которые должны были съ нимъ ѣхать, только и разговору было, что о сборахъ въ дорогу.

Впрочемъ, изъ пяти дней, оставшихся до отплытія «Рѣзваго», нужно было употребить сутки, чтобы доѣхать изъ Лондона въ Коркъ.

Сначала надо было ѣхать по желѣзной дорогѣ въ Бристоль, тамъ сѣсть на пароходъ, совершающій рейсы между Англіей и Ирландіей. На пароходѣ они пройдутъ до устья Северны, минуютъ Бристольскій каналъ и каналъ св. Георгія и высадятся въ Кинстоунѣ, при входѣ въ Коркскій заливъ, на зеленыхъ берегахъ Ирландіи. На переѣздъ изъ Великобританіи въ Ирландію понадобится не болѣе одного дня, и м-ръ Паттерсонъ рассчитывалъ за это время привыкнуть къ морю.

Между тѣмъ, родители нашихъ школьниковъ успѣли уже всѣ, кто телеграммой, кто письмомъ, извѣстить о своемъ согласіи. Родители Рожера Гинсдаля жили въ Лондонѣ, такъ что юноша самъ отправился сообщить имъ о планахъ м-съ Китленъ Сеймуръ и въ тотъ же день принесть ихъ отвѣтъ. Остальные отвѣты пришли одни за другими изъ Манчестера, Парижа, Нанта, Копенгагена, Роттердама, Гетеборга, а родители Гурберта Перкинса прислали телеграмму съ острова Антигуа.

Всѣ охотно принимали предложеніе и благодарили м-съ Китленъ Сеймуръ съ Барбадоса.

Пока м-съ Паттерсонъ снаряжала мужа въ дорогу, самъ м-ръ Паттерсонъ приводилъ въ порядокъ отчетность по Английской школѣ. Онъ не забылъ ни одной накладной, ни одной дѣловой бумаги и готовился передать правленіе дѣлами лицу, которое должно было замѣнить его на время отсутствія.

Не пренебрегалъ онъ и личными дѣлами, между прочимъ, и тѣмъ, о которомъ онъ намекнулъ м-съ Паттерсонъ, и о которомъ ему пришлось поговорить съ нею подробнѣе, чѣмъ въ первый разговоръ.

Однако, заинтересованныя въ этомъ дѣлѣ лица держали его въ глубочайшей тайнѣ. Но вѣдь узнать же кто-нибудь со временемъ, что это за тайна? Конечно, если, къ величайшему несчастью, м-ръ Паттерсонъ не вернется изъ Новаго Свѣта.

Достоверно извѣстно только одно, что супруги нѣсколько разъ ѣздили къ юристу, совѣтовались съ нимъ, а затѣмъ побывали у члена суда. Служащіе въ Аяльской школѣ замѣтили также, что м-ръ Паттерсонъ въ одинъ прекрасный день возвратился домой съ необычайно сосредоточеннымъ видомъ, и что у м-съ Паттерсонъ были красные отъ слезъ глаза.

И то, и другое приписали горю близкой разлуки, и это чувство было всѣмъ понятно.

Наступило 28-е іюня. Вечеромъ надо было уѣзжать. Мен-торъ и его молодые спутники должны были въ 9 часъ отбыть съ поѣздомъ въ Бристоль.

Утромъ того же дня м-ръ Джуліанъ Ардагъ въ послѣдній разъ бесѣдовалъ съ м-ромъ Паттерсономъ. Онъ еще разъ просилъ

его тщательно вести отчетность во время путешествія—просьба, впрочемъ, совершенно излишняя, — напомнимъ ему о важности поручаемой ему обязанности и сказали, что вполне увѣрены, что м-ръ Паттерсонъ сумеетъ поддержать дисциплину среди воспитанниковъ Антильской школы.

Въ половинѣ десятого вечера на большомъ школьномъ дворѣ происходила сцена прощанія. Рожеръ Гинсдаль, Джонъ Говардъ, Губертъ Перкинсъ, Луи Клодіонъ, Тони Рено, Пильсъ Арбо, Аксель Викборяъ, Альбертъ Льювенъ, Магнусъ Андерсъ пожали руку директору, преподавателямъ и товарищамъ, которые не безъ зависти смотрѣли на ихъ отъѣздъ.

М-ръ Паттерсонъ простился съ м-съ Паттерсонъ, фотографія которой лежала у него въ карманѣ. Прощаясь съ нею, онъ былъ нѣсколько взволнованъ, но, во всякомъ случаѣ, онъ уѣзжалъ съ сознаниемъ, что предусмотрѣлъ всѣ mogućия быть случайности и принялъ всѣ необходимыя мѣры.

Потомъ, обращаясь къ девяти школьникамъ въ моментъ, когда они сажались въ брэкъ, который долженъ былъ отвезти ихъ на вокзалъ, онъ декламировалъ слѣдующій стихъ Горация:

„Cras ingens iterabimus aequor“ *).

Итакъ, они пустились въ путь. Черезъ вѣсколько часовъ поѣздъ примчитъ ихъ въ Бристоль. На утро они перенлывутъ каналъ св. Георгія, который м-ръ Паттерсонъ назвалъ «ingens aequor»... Въ добрый часъ, антильскіе школьники!

IV.

Таверна „Голубой Лисицы“.

Коркъ когда-то назывался Ковесъ, названіе, происшедшее отъ болотистой почвы мѣстности, а на древне-гельскомъ языкѣ Коррочъ. Нѣкогда Коркъ былъ скромной деревушкой, потомъ сдѣлался посадомъ, а въ настоящее время считается столицей Мюнстера и третьимъ по значенію городомъ Ирландіи.

*) „Завтра мы поплывемъ по необъятной поверхности моря“.

Этотъ промышленный городъ, благодаря Кинстоунской гавани — древній Ковесъ, — расположенной на устьѣ рѣки Ли, играетъ роль и какъ приморскій портъ. Здѣсь много магазиновъ, фабрикъ, лѣсныхъ биржъ. Въ его портъ заѣзжаютъ за углемъ и припасами корабли и, главнымъ образомъ, суда, которыя, по мелководности Ли, не могутъ подняться по ея теченію.

Если мальчики съ своимъ воспитателемъ не придутъ въ Коркъ заблаговременно, они не успѣютъ ни осмотрѣть этотъ прелестный островокъ съ двумя переброшенными черезъ Ли мостами, ни погулять въ роскошныхъ садахъ, раскинувшихся на сосѣднихъ островахъ. Оба городка насчитываютъ восемьдесятъ девять тысячъ жителей, изъ которыхъ семьдесятъ девять тысячъ приходятся на долю Корка и десять тысячъ на долю Кинстоуна.

Однако, три человѣка, сидѣвшихъ вечеромъ 29-го іюня въ глубинѣ одной изъ залъ таверны «Голубой Лисицы», были далеки отъ помысловъ о прелести поѣздки въ Коркъ и его окрестности. Всѣ трое, притаившись въ одномъ изъ темныхъ угловъ таверны, говорили въ полголоса и часто подливали вино въ быстро опоражниваемые стаканы. По ихъ озабоченному виду глазъ наблюдательнаго человѣка тотчасъ призналъ бы въ нихъ мошенниковъ, преслѣдуемыхъ полиціей. Они бросали подозрительные и въ то же время вызывающіе взгляды на каждаго новаго посѣтителя, входившаго въ грязную таверну «Голубой Лисицы», эту трущобу, посѣщавшуюся подонками населенія.

Впрочемъ, въ приморскомъ городкѣ было много тавернъ, и три темныхъ личности могли бы найти пріютъ и въ другой.

Коркъ — городъ чистый, нарядный, чего нельзя сказать о Кинстоунѣ, одномъ изъ оживленнѣйшихъ и важнѣйшихъ портовъ въ Ирландіи. Сюда ежегодно прибываетъ до четырехъ тысячъ пятисотъ судовъ, вмѣщающихъ милліонъ двѣсти тысячъ тоннъ. Понятно, сколько людей прибываетъ ежедневно въ городъ. Вотъ, почему многочисленныя кинстоунскія гостиницы кишатъ посѣтителями, замѣтимъ, крайне не требовательными въ

отношеніи тишины, чистоты и удобства. Въ нихъ можно встрѣтить и мѣстныхъ жителей, и пріѣзжихъ матросовъ. Немудрено, что часто возникающія между ними грубыя ссоры, доходящія иногда до драки, требуютъ вмѣшательства полиціи.

Если бы въ этотъ день полиція заглянула въ свободную залу гостиницы «Голубой Лисицы», она захватила бы тамъ шайку злоумышленниковъ, которые убѣжали изъ Кинстоунской тюрьмы, и которыхъ разыскивали уже въ теченіе нѣсколькихъ часовъ.

Вотъ какъ было дѣло.

Недѣлю тому назадъ англійскій военный корабль доставилъ въ Кинстоунъ экипажъ трехмачтоваго англійскаго судна «Галифаксъ», которое долго преслѣдовали и, наконецъ, захватили въ водахъ Тихаго океана. Шесть мѣсяцевъ плавалъ корабль въ западной части океана, между Соломоновыми, Ново-Гербидскими и Ново-Британскими островами. Захватомъ корабля былъ положенъ конецъ цѣлому ряду разбойническихъ нападеній пиратовъ, жертвою которыхъ становились преимущественно англійскіе корабли.

Преступленіе было доказано многочисленными фактами и свидѣтелями, и разбойникамъ угрожало суровое наказаніе. Предводителей разбойнической шайки, капитана и боцмана «Галифакса», ожидала смертная казнь черезъ повѣшеніе.

Шайка состояла изъ десяти человѣкъ, схваченныхъ на кораблѣ. Еще семь человѣкъ разбойничьяго экипажа успѣли сѣсть на лодку и бѣжать на острова, гдѣ ихъ было трудно разыскать. Какъ бы то ни было, самые главные пираты были въ рукахъ англійской полиціи и, въ ожиданіи суда надъ ними, заключены въ портовую тюрьму въ Кинстоунѣ.

Дерзость и смѣлость капитана Гарри Маркела и его помощника Джона Карпентера не поддаются описанію. Благодаря ей и нѣкоторымъ обстоятельствамъ, имъ удалось бѣжать наканунѣ того дня, когда мы застали ихъ въ тавернѣ «Голубой Лисицы», пользовавшейся незавидной репутаціей. Немедленно была поднята на ноги полиція. Преступники не могли еще убѣжать изъ Корка и Кинстоуна, и нѣсколько полицей-

скихъ отрядовъ было разослано для развѣдокъ въ разныя части этихъ городовъ.

Нѣсколько агентовъ стерегли изъ предосторожности прибрежныя окрестности, на нѣсколько миль разстоянія отъ Корк-скаго залива, а тѣмъ временемъ бѣглецовъ разыскивали во всѣхъ трущобахъ портового квартала.

Преступникамъ часто удается скрыться въ этихъ темныхъ углахъ. Содержатели тавернъ часто сами люди подозрительные. За деньги они готовы дать пристанище всякому, не заботясь о томъ, кто и откуда люди, которые просятъ у нихъ пріюта.

Матросы «Галифакса» были родомъ изъ Англіи и Шотландіи. Ни одинъ изъ нихъ не живалъ раньше въ Ирландіи. Слѣдовательно, никто не могъ признать ихъ въ Коркѣ или Кинстоунѣ. Это затрудняло задачу поймать ихъ. Тѣмъ не менѣе они очень опасались этого, зная, что полиціи извѣстны самыя точныя примѣты ихъ. Конечно, они не рассчитывали долго оставаться въ городѣ, гдѣ чувствовали себя въ опасности. Они воспользуются первымъ благопріятнымъ случаемъ, чтобы бѣжать моремъ или сушей—все равно.

Случай этотъ скоро представился. О немъ-то и толковали три темныхъ личности, сидѣвшія въ самомъ дальнемъ углу таверны «Голубой Лисицы», гдѣ они могли разговаривать, не опасаясь, что ихъ подслушаетъ какой-нибудь любопытный сосѣдь.

Гарри Маркель былъ достойнымъ начальникомъ этой шайки, которая не замедлила согласиться на его предложеніе, когда онъ захотѣлъ сдѣлать изъ трехмачтоваго судна «Галифаксъ», принадлежавшаго одной ливерпульской торговой фирмѣ и отданнаго ему подъ команду, разбойничій корабль.

Ему было сорокъ пять лѣтъ. Это былъ средняго роста, коренастый человѣкъ съ желѣзнымъ здоровьемъ и суровымъ выраженіемъ лица; не было жестокости, на которую онъ не былъ бы способенъ. Онъ выслужился изъ матросовъ и добился званія капитана торговаго судна. Онъ былъ значительно образованнѣе своихъ товарищей и, прекрасно зная свое дѣло, могъ бы сдѣлать карьеру честнымъ путемъ; но дикія страсти, алчность къ

деньгамъ, стремленіе къ независимости толкнули его на путь преступленія. Впрочемъ, онъ умѣлъ искусно скрывать свои недостатки подъ личиною свойственной морякамъ суровости и никогда не внушалъ недовѣрія судохозяевамъ, которые назначали его капитаномъ своихъ кораблей.

Сорокалѣтній, небольшого роста, сильный Джонъ Карпентеръ, боцманъ «Галифакса», былъ прямою противоположностью Гарри Маркелу. Онъ былъ скрытенъ, лъстивъ, лукавъ, лицемеренъ, лживъ, и все это, вмѣстѣ взятое, дѣлало его еще болѣе опаснымъ. Такой же алчный и жестокий, какъ и капитанъ, онъ имѣлъ сильное вліяніе на Гарри Маркела, который охотно поддавался ему.

Третій собесѣдникъ, слѣдившій за столикомъ таверны, былъ англо-саксонецъ Рени Кофъ, корабельный поваръ. Какъ и всѣ люди экипажа, онъ былъ глубоко преданъ капитану и, какъ всѣ они, давно заслуживалъ быть повѣшеннымъ за многочисленные преступленія, въ которыхъ принималъ участіе въ теченіе послѣднихъ трехъ лѣтъ плаванія по Тихому океану.

Три достойныхъ пріятеля бесѣдовали въ полголоса и шили. Вотъ, что говорилъ Джонъ Карпентеръ.

— Намъ нельзя оставаться здѣсь. Надо уйти изъ таверны сегодня ночью. Полиція слѣдитъ за нами по пятамъ и схватитъ насъ на разсвѣтѣ!

Гарри Маркель молчалъ, но тоже думалъ, что имъ надо было бѣжать изъ Кинстоуна до разсвѣта.

— Вилль Корти что-то долго не идетъ!—замѣтилъ Рени Кофъ.

— Придетъ,—отвѣчалъ боцманъ.—Онъ знаетъ, что мы его ждемъ въ тавернѣ «Голубой Лисицы», и придетъ!

— Застанетъ ли онъ только насъ?—сказалъ поваръ, озабоченно поглядывая на дверь.—А то, пожалуй, полицейскіе выкурятъ насъ отсюда до его прихода!

— Ничего,—заявлялъ Гарри Маркель,—лучше всего намъ остаться пока здѣсь. Если полиція произведетъ обыскъ въ этой тавернѣ, какъ во всѣхъ тавернахъ квартала, ей не удастся схватить насъ, потому что здѣсь есть другой выходъ, и мы убѣжимъ при малѣйшей тревогѣ!

Въ продолженіе нѣсколькихъ минутъ капитанъ и его товарищи молча опоражнивали стаканы грога и виски. Ихъ почти не видно было въ этой части залы, освѣщенной только тремя газовыми рожками. Гулъ голосовъ, шумъ передвигаемыхъ скамеекъ наполняли таверну, а по временамъ раздавался рѣзкій окрикъ по адресу хозяина и его помощника, которые и безъ того изъ всѣхъ силъ старались услужить своимъ грубымъ гостямъ. Иногда слышался неистовый крикъ, гдѣ-то вспыхивала ссора, кончавшаяся дракой. Этого Гарри Маркель опасался больше всего: шумъ могъ привлечь въ таверну полицейскихъ, которые могли узнать его и его преступныхъ товарищей.

Разговоръ между тѣмъ продолжался.

— Только бы Корти удалось найти лодку и завладѣть ею!

— Навѣрно это ему уже удалось. Въ гавани всегда найдется плохо привязанная лодка, которою не трудно завладѣть. Корти спрячетъ ее въ надежномъ мѣстѣ.

— А догнали ли его остальные товарищи? — спросилъ Рени Кофъ.

— Конечно, разъ такъ было условлено, — возразилъ Гарри Маркель, — они будутъ стеречь лодку, пока мы не придемъ!

— Мы зѣсь уже съ добрый часъ времени, а Корти все еще вѣтъ. Я начинаю беспокоиться. Ужъ не попался ли онъ?

— А я беспокоюсь гораздо больше о томъ, стоитъ ли корабль все еще на якорѣ? — сказалъ Джонъ Карпентеръ.

— Вѣроятно, стоитъ, — отвѣтилъ Гарри Маркель, — потому что онъ былъ готовъ къ отплытію!

Несомнѣнно, капитанъ и его товарищи хотѣли покинуть Ирландію, дальнѣйшее пребываніе въ которой было рисковано, а, можетъ быть, даже и Европу, чтобы искать гостепріимства по ту сторону океана. Но какимъ способомъ надѣялись они привести въ исполненіе этотъ планъ, какъ намѣревались они пробраться на готовящійся къ отплытію корабль? Такой корабль, какъ видно изъ того, что сказалъ Гарри Маркель, былъ ими намѣченъ, и они рассчитывали добраться до него на приготовленной товарищемъ Корти лодкѣ. Не собирались ли они проѣхать на кораблѣ «зайцами»?

Вотъ въ этомъ-то и было главное затрудненіе. То, что возможно для одного, двухъ человѣкъ, невозможно для цѣлой компаніи изъ десяти молодцовъ. Положимъ, они могутъ незамѣтно спрятаться въ трюмъ; но ихъ, конечно, скоро найдутъ и немедленно дадутъ знать о томъ въ Кинстоунъ.

Гарри Маркель рассчитывалъ на болѣе практическій и вѣрный способъ. Какой же, спрашивается? Не заручился ли онъ помощью одного изъ матросовъ корабля, готоваго сняться съ якоря? Увѣренъ ли онъ, что найдетъ вмѣстѣ съ товарищами пріютъ на этомъ кораблѣ?

Три собесѣдника не проронили ни одного слова, которое выдало бы ихъ намѣренія. Каждый разъ, какъ кто-нибудь изъ завсегдатаевъ «Голубой Лисицы» подходилъ къ ихъ столу, они умолкали, и никто не могъ бы узнать ихъ тайны.

Отвѣтивъ боцману, Гарри Маркель замолчалъ. Онъ думалъ объ опасности положенія, въ которомъ они находились, и изъ котораго надо было, такъ или иначе, выйти. Увѣренный въ точности добытыхъ имъ свѣдѣній, онъ продолжалъ:

— Нѣтъ, корабль не могъ уйти ни въ какомъ случаѣ. Онъ долженъ сняться съ якоря завтра... Вотъ доказательство...

Гарри Маркель вытащилъ изъ кармана обрывокъ газеты и въ рубрикѣ морскихъ извѣстій прочелъ слѣдующее:

— «Рѣзвый» все еще стоитъ на якорѣ въ Коркскомъ заливѣ, въ Фармарской бухтѣ, готовый къ отплытію. Капитанъ Пакстонъ ожидаетъ только пассажировъ, чтобы сняться съ якоря. Отъѣздъ назначенъ 30-го текущаго мѣсяца. Лауреаты Автильской школы прибудутъ на корабль въ этотъ день, и «Рѣзвый» немедленно подниметъ паруса, если будетъ благоприятная погода.

Итакъ, дѣло шло какъ разъ о пароходѣ, зафрахтованномъ г-жею Китленъ Сеймуръ, ея заботами и на ея счетъ! Гарри Маркель и его товарищи выбрали для своего бѣгства именно этотъ корабль! Именно на «Рѣзвомъ» собирались они выйти въ эту же ночь въ море и избѣжать преслѣдованій полицейскихъ! Неужели имъ удастся осуществить этотъ планъ? Неужели у нихъ есть соучастники среди людей капитана Пакстона? Или

же они замыслили неожиданно завладѣть кораблемъ и затѣмъ разбойнически раздѣлаться съ его экипажемъ?

Отъ злоумышленниковъ, для которыхъ дѣло шло о жизни и смерти, можно было ожидать всего. Ихъ было десять, а едва ли на «Рѣзвонъ» было большее число матросовъ. При такихъ условіяхъ попытка могла имъ удался.

Прочитавъ эти строки, Гарри Маркель спряталъ въ карманъ лоскутъ газеты, попавшійся ему случайно въ руки, еще когда онъ былъ въ тюрьмѣ.

— Сегодня 29-ое число, — продолжалъ онъ, — «Рѣзвый» снянется съ якоря завтра, значить, сегодня ночью онъ будетъ еще стоять въ Фармарской бухтѣ, даже если бы пассажиры уже прибыли, что весьма невѣроятно. Такимъ образомъ, намъ придется имѣть дѣло только съ экипажемъ!

Слѣдуетъ замѣтить, что разбойники не отказались бы отъ плана завладѣть кораблемъ даже въ томъ случаѣ, если воспитанники Антильской школы были уже на кораблѣ. Прольется немного больше крови — только и всего, съ этимъ они привыкли считаться во время своихъ морскихъ разбоевъ.

Между тѣмъ, время шло, а горячо ожидаемый Корти все не являлся. Напрасно три товарища вглядывались въ черты лица каждаго новаго посѣтителя, входившаго въ таверну «Голубой Лисицы».

— Только бы онъ не попался въ руки полицейскихъ! — замѣтилъ Рени Кофъ.

— Если онъ попался, схватятъ скоро и насъ... — отозвался Джонъ Карпентеръ.

— Можетъ быть, — сказалъ Гарри Маркель, — но, во всякомъ случаѣ, Корти не выдастъ насъ. Если ему накинуть петлю на шею, онъ и тогда не выдастъ насъ!

— Я вовсе не то хотѣлъ сказать, — отвѣтилъ Джонъ Карпентеръ. — Но можетъ случиться, что полицейскіе узнаютъ его и прослѣдятъ за нимъ въ то время, какъ онъ направится къ тавернѣ. Тогда они оцѣнятъ кругомъ таверну, и бѣгство будетъ невозможно!

Гарри Маркель не отвѣчалъ, и молчаніе продолжалось нѣсколько минутъ.

— Не пойти ли кому-нибудь из насъ ему на встрѣчу? — сказалъ, наконецъ, поваръ.

— Я пойду! — предложилъ свои услуги боцманъ.

— Иди, — сказалъ Гарри Маркель, — но не уходи слишкомъ далеко. Корти можетъ придти каждую минуту. Если ты вовремя замѣтишь полицейскихъ, вернись, и мы убѣжимъ потайнымъ ходомъ раньше, чѣмъ они войдутъ въ таверну!

— Тогда Корти не найдетъ насъ здѣсь! — замѣтилъ Рени Ксфъ.

— Больше ничего не остается дѣлать! — сказалъ капитанъ.

Положеніе было затруднительное. Прежде всего, надо было не попасться въ руки полиціи. Если замыселъ бѣжать на «Рѣзвонъ» не удастся, если Гарри Маркель, Джонъ Карпентеръ и Рени Кофъ не смогутъ въ эту ночь соединиться съ остальными товарищами, можно будетъ придумать что-нибудь другое. Быть можетъ, представится другой случай. Но все же они могутъ считать себя въ безопасности только тогда, когда имъ удастся бѣжать изъ Кинстоуна.

Боцманъ въ послѣдній разъ опорожнилъ свой стаканъ, окинулъ бѣглымъ взглядомъ таверну и, осторожно пробравшись между группами завсегдатаевъ гостиницы, достигъ двери. Дверь захлопнулась за нимъ.

Пробило уже половина девятого, но было еще свѣтло. Приближалось солнцестояніе, а въ это время бываютъ самые длинные дни.

Небо было облачно. Большія, тяжелыя, почти неподвижныя тучи собирались на горизонтѣ. Въ жаркіе дни такія тучи являются обыкновенно предвѣстниками сильной грозы. Серпъ нарождающейся луны уже исчезъ на западѣ, и ночь обѣщала быть темной.

Не прошло и пяти минутъ съ тѣхъ поръ, какъ ушелъ Джонъ Карпентеръ, какъ дверь таверны «Голубой Лисицы» распахнулась, — и на порогѣ ея показался Джонъ.

Онъ былъ не одинъ. Съ нимъ пришелъ тотъ, котораго ожидали. Это былъ низкаго роста, крѣпкій, коренастый матросъ съ надвинутой почти на самые глаза шапкой. Боцманъ встрѣ-

тилъ его въ пяти, десяти минутахъ ходьбы отъ таверны, и они выѣстъ вернулись къ Гарри Маркелу и повару.

Корти запыхался какъ бы отъ продолжительной, быстрой ходьбы. На щекахъ его блестѣли капли пота. Ужъ не преслѣдовали ли его агенты сыскной полиціи, которыхъ ему удалось сбить съ толку?

Джонъ Карниентеръ знакомъ указалъ ему на уголъ, гдѣ сидѣли Гарри Маркель и Рени Кофъ. Онъ тотчасъ подсѣлъ къ столу и залпомъ осушилъ стаканъ виски.

Корти могъ съ трудомъ отвѣчать на вопросы капитана, и надо было дать ему время перевести духъ. Вдобавокъ онъ казался озабоченнымъ и не спускалъ глазъ съ двери, какъ будто ожидая, что вотъ-вотъ войдетъ отрядъ полицейскихъ.

Наконецъ, онъ перевелъ духъ. Гарри Маркель спросилъ его.

— За тобой слѣдили?

— Кажется, нѣтъ! — былъ отвѣтъ.

— На улицѣ есть полицейскіе агенты?

— Да, цѣлая дюжина. Они обходятъ гостиницы и навѣрно скоро доберутся и до этой!

— Трогай, ребята! — сказалъ поваръ.

Гарри Маркель почти силою заставилъ его сѣсть и спросилъ Корти:

— Все ли готово?

— Все!

— Корабль все еще на якорѣ?

— Да, Гарри, но, проходя по набережной, я слышалъ, что пассажиры «Рѣзваго» уже прибыли въ Клястоунъ!

— Ну, — отвѣчалъ Гарри Маркель, — мы должны сѣсть на корабль раньше ихъ!

— Какимъ образомъ? — спросилъ Рени Кофъ.

— Мнѣ съ товарищами, — возразилъ Корти, — удалось захватить лодку!

— Гдѣ она? — вывѣдывалъ Гарри Маркель.

— Въ пятистахъ шагахъ отъ таверны, на набережной, у сходней.

— А товарищи?

— Они ждутъ насъ. Нельзя терять ни минуты!

— Идемъ!—отвѣчалъ Гарри Маркель.

По счету было уже заплачено, и хозяина таверны безпосрочно не пришлось. Среди невообразимаго гама, стоявшаго въ тавернѣ, злоумышленники ушли никѣмъ незамѣченные.

Въ это время на улицѣ раздался страшный шумъ: какіе то люди кричали и дрались.

Хозяинъ таверны, человѣкъ осторожный, не желая подвергать своихъ гостей неприятнымъ сюрпризамъ, пріоткрылъ дверь и сказалъ.

— Берегитесь... полиція!

Очевидно, нѣкоторые изъ завсегдатаевъ таверны не желали имѣть дѣло съ полиціей, потому что тотчасъ же произошло замѣшательство, и три или четыре человѣка направились къ потайному ходу.

Черезъ нѣсколько минутъ около дюжины полицейскихъ агентовъ вошли въ таверну и закрыли за собою дверь.

Между тѣмъ Гарри Маркель и его три товарища успѣли незамѣтно оставить залу.

V.

Смѣлый шагъ.

Чтобы избѣжать преслѣдованій полиціи, Гарри Маркель и его товарищи рѣшились на смѣлую до дерзости попытку. Въ ту же ночь, въ Коркскомъ заливѣ, въ нѣсколькихъ миляхъ отъ Кинстоуна, они сдѣлали попытку завладѣть кораблемъ, на которомъ были капитанъ и экипажъ въ полномъ составѣ. Если даже предположить, что два-три матроса еще были на сушѣ, они тоже не замедлятъ возвратиться, такъ какъ уже наступаетъ вечеръ. Экипажъ корабля могъ быть многочисленнѣе шайки разбойниковъ.

Правда, судя по нѣкоторымъ обстоятельствамъ, планъ общаго удасться. Если даже на кораблѣ было десять человѣкъ, включая сюда и капитана, а въ шайкѣ бандитовъ всего десять человѣкъ вмѣстѣ съ предводителемъ Гарри Маркеломъ, все же

на сторонѣ послѣднихъ былъ тотъ шансъ, что экипажъ «Рѣз-ваго» не ожидаетъ нападенія. Трудно было предположить, что на судно, спокойно стоящее на якорѣ въ Фармарской бухтѣ, нападутъ пираты. Никто не услышитъ криковъ. Захвативъ моряковъ врасплохъ, разбойники задушатъ ихъ и побросаютъ ихъ трупы въ море. Потомъ «Рѣзвый» снимется съ якоря, подниметъ паруса, оставитъ заливъ, пройдетъ каналъ св. Георгія и выйдетъ въ Атлантическій океанъ.

Въ Кортѣ будутъ ломать себѣ голову, почему капитанъ Пакстонъ отбылъ раньше, чѣмъ успѣли пріѣхать Антильскіе школьники, для которыхъ собственно и былъ зафрахтованъ корабль. И каково будетъ удивленіе м-ра Горация Паттерсона и его юныхъ друзей, которые, какъ сообщилъ Корти, уже прибыли въ Кортъ, когда они не найдутъ въ Фармарской бухтѣ ожидающаго ихъ на якорѣ судна? Разъ только «Рѣз-вый» выйдетъ въ открытое море, встрѣтитъ его, схватитъ убійцъ людей экипажа будетъ не легко.

Впрочемъ, Гарри Маркель не безъ основанія предполагалъ, что пассажиры не отплывутъ раньше утра, и что тѣмъ временемъ «Рѣзвый» будетъ пѣнить уже морскія волны.

Выйдя изъ таверны, товарищи прошли черезъ дворъ и вышли въ узкій переулокъ. Гарри Маркель и Корти пошли въ одну сторону, Джонъ Карпентеръ и Рени Кофъ—въ другую, чтобы сбить съ толку полицейскихъ и не дать имъ прослѣдить за ними по дорогѣ въ гавань. Они должны были встрѣтиться съ остальными товарищами на мѣстѣ, гдѣ была привязана лодка, хорошо извѣстномъ боцману.

Гарри Маркель и Корти повернули назадъ и хорошо сдѣлали, потому что полицейскіе преградили уллицу въ нижней ея части, выходившей къ гавани. Быстро увеличивающаяся толпа окружила группу полицейскихъ. Мужчины и женщины, населявшіе эту часть города, собрались посмотреть, какъ арестуютъ пиратовъ съ «Галифакса», которые бѣжали изъ морской тюрьмы.

Гарри Маркель и Корти быстро дошли до противоположнаго конца плохо освѣщенной улицы, которая, однако, не

была оцѣплена полицейскими. Изъ нея они пробрались по узкому переулку въ параллельную улицу, которая также вела къ гавани.

Дорогой они прислушивались къ тому, что говорилось въ толпѣ. Хотя среди населенія приморскаго города было не мало бродячаго люда, послѣдній, судя по пойманнымъ на лету замѣчаніямъ, не благоволилъ къ этимъ достойнымъ висѣльцы преступникамъ. Впрочемъ, они ни мало не заботились объ общественномъ мнѣніи. Они заботились объ одномъ—какъ бы не повстрѣчаться съ агентами полиціи, старались идти не слишкомъ быстро, чтобы послѣдностью не обратить на себя вниманія, и направлялись въ гавань къ условному мѣсту встрѣчи.

Выйдя изъ таверны, Гарри Маркель и Корти пошли каждый отдѣльно, зная, что придутъ прямо въ гавань, если пойдутъ по этой улицы. Дойдя до конца улицы, они подождали другъ друга и затѣмъ направилась къ сходямъ.

Въ этотъ часъ вечера набережная была пустынна и утонула въ полумракѣ, нарушаемомъ лишь рѣдкими газовыми фонарями. Даже рыбацкія лодки не показываются въ гавани раньше двухъ, трехъ часовъ утра. Еще не было прилива. Такимъ образомъ не было опасности встрѣтить на Коркскомъ заливѣ другую лодку.

— Сюда!—сказалъ Корти, указывая пальцемъ, гдѣ горѣлъ портовой фонарь, а подальше, на высотѣ маякъ указывалъ входъ въ Кинстоунъ.

— Далеко?—спросилъ Гарри Маркель.

— Отъ пяти до шестисотъ шаговъ!

— Не видать ни Джона Карпентера, ни Рени Кофа!

— Можетъ быть, имъ не удалось выбраться изъ улицы въ гавань?

— Тогда они, значитъ, должны сдѣлать крюкъ и заставить насъ ждать!

— А, можетъ быть, они уже у сходяей? — замѣтилъ Корти.

— Пойдемъ!—отвѣчалъ Гарри Маркель.

Они снова пустились въ путь, старательно избѣгая прохожихъ, которые изрѣдка попадались на встрѣчу и шли по направлению къ части города, гдѣ слышались крики и шумъ толпы, собравшейся передъ таверной «Голубой Лисицы».

Скоро Гарри Маркель и его спутникъ остановились въ гавани.

Шесть товарищей ждали ихъ, притаившись въ лодкѣ, которую они, по мѣрѣ отлива, передвигали такъ, чтобы она не оказалась на сушѣ. Можно было, не медля, сѣсть въ лодку и ѣхать.

— Не видали вы Джона Карнентера и Рени Кофа?—спросилъ Корти.

— Нѣтъ!—отвѣчалъ одинъ изъ матросовъ, притягивая лодку къ берегу.

— Они, должно быть, близко!—сказалъ Гарри Маркель.— Подождемъ ихъ.

Кругомъ царилъ тьма, и они не боялись, что ихъ замѣтятъ.

Прошло пять минутъ. Ни боцмана, ни повара. Ожидавшими начинало овладѣвать беспокойство. Ужъ не схватили ли ихъ полицейскіе? Нельзя же ихъ тоже и покинуть здѣсь однихъ... Да и людей оставалось бы слишкомъ мало безъ нихъ. Вѣдь, пожалуй, придется брать «Рѣзвый» съ боя, если не удастся подкрасться къ кораблю незамѣтно.

Уже девять часовъ. Тяжелыя облака все больше и больше заволакивали небо, и вечеръ былъ темный. Дождя не было, но на поверхность залива опускался какой-то туманъ. Погода благопріятствовала бѣглецамъ. Трудно будетъ только разыскать мѣсто стоянки «Рѣзваго».

— Гдѣ корабль?—спросилъ Гарри Маркель.

— Тамъ!—махнулъ рукою Корти въ юго-восточномъ направлении.

Впрочемъ, когда лодка подплыветъ близко, навѣрно видно будетъ фонарь на штокѣ фокъ-мачты.

Взволнованный ожиданіемъ Корти сдѣлалъ сто шаговъ по направлению къ выходящимъ на набережную домамъ, съ освѣ-

щенными окнами. Такимъ образомъ онъ дошелъ до угла одной изъ улицъ, по которой могли придти Джонъ Карпентеръ съ поваромъ. Не одинъ ли это изъ товарищей—думалъ Корти всякій разъ, какъ какой-нибудь прохожій показывался на углу; вѣдь они могли придти и порознь. Бопманъ рѣшилъ подождать товарища, чтобы указать ему дорогу къ сходямъ.

Корти шелъ очень осторожно. Онъ двигался вдоль стѣны, прислушиваясь къ малѣйшему шороху. Полицейскіе могли напасть каждую минуту. Послѣ безуспѣшнаго обхода таверна, полиція, конечно, станетъ продолжать поиски въ гавани и обыщеть всѣ привязанные въ гавани лодки.

Вдругъ поднялась тревога: Гарри Маркелу и его товарищамъ показалось, что счастье оставило ихъ.

Въ концѣ улицы на которой находилась таверна «Голубой Лисицы», послышался шумъ. Съ криками и возгласами толпа отхлынула. Газовый фонарь освѣщалъ угловые дома улицы, и можно было кое-что различать.

Съ берега Гарри Маркель могъ видѣть происходившее. Впрочемъ, и Корти скоро вернулся, не имѣя ни малѣйшаго желанія попасться въ эту сумятицу и быть узнаннымъ.

Полицейскіе агенты арестовали двухъ человѣкъ и, не выпуская, вели ихъ въ противоположную сторону набережной.

Арестованные отбивались и оказывали агентамъ сильное сопротивленіе. Съ ихъ криками смѣшивались голоса десятка, другого людей, изъ которыхъ одни держали ихъ сторону, другіе враждебно относились къ нимъ. Было основаніе думать, что арестованные были бопманъ и поваръ.

Такъ рѣшили и товарищи Гарри Маркела.

— Попались... попались...—повторялъ одинъ изъ нихъ.

— Какъ теперь освободить ихъ?—спрашивалъ другой.

— Ложитесь!—скомандовалъ Гарри Маркель.

Предосторожность была не лишняя. Схвативъ Джона Карпентера и повара, полиція могла предположить, что и остальные товарищи не далеко. Можно было съ увѣренностью рассчитывать, что никто изъ нихъ не успѣлъ бѣжать изъ города. Конечно, обыскать всѣ уголки гавани, чтобы найти ихъ. Обыскъ

произведутъ и на корабляхъ, стоящихъ въ рейдѣ на якорѣ, предварительно запретивъ имъ выйти въ море. Запрета не избѣжить ни одно судно, ни одинъ рыбачій челнъ, и бѣглецовъ живо разыщутъ.

Гарри Маркелъ не потерялъ присутствія духа.

Товарищи его легли на дно лодки, такъ что въ темнотѣ ихъ не было видно. Прошло нѣсколько минутъ, казавшихся вѣчностью. Шумъ въ гавани все увеличивался. Захваченные полиціей люди все сопротивлялись. Толпа неистово кричала на нихъ: такъ можно кричать на злодѣевъ, похожихъ развѣ на преступниковъ изъ шайки Маркеда. По временамъ Гарри чудилось, что онъ слышитъ голосъ Джона Карпентера и Рени Кофа. Неужели ихъ ведутъ къ сходнямъ? Ужъ не знаютъ ли, чего добраго, полицейскіе, гдѣ спрятались остальные участники шайки? Какъ бы ихъ всѣхъ не арестовали и не отвели въ тюрьму, откуда во второй разъ едва ли удастся бѣжать!

Но вотъ, крики утихли. Отрядъ полицейскихъ, вмѣстѣ съ арестованными, удалился въ глубь улицы «Голубой Лисицы».

До поры, до времени опасность миновала.

Но что же дѣлать? Арестованы боцманъ и поваръ или нѣтъ — неизвѣстно, во всякомъ случаѣ, ихъ нѣтъ. На лицо только восемь человѣкъ, можно ли съ такими силами завладѣть стоящимъ на якорѣ «Рѣзвымъ»? Такое предпріятіе было и для десятерыхъ безумно смѣлымъ. Во всякомъ случаѣ надо пользоваться лодкой, уѣхать въ другую часть залива и бѣжать, бѣжать.

Не принявъ еще никакого рѣшенія, Гарри Маркелъ поднялся по сходнямъ. Не видя никого на набережной, онъ уже хотѣлъ снова спуститься въ лодку, какъ вдругъ на поворотѣ одной изъ улицъ показались два силуэта.

Это были Джонъ Карпентеръ и Рени Кофъ. Быстрыми шагами приблизились они къ сходнямъ. За ними не было погоня. Арестованы были два матроса, ударившихъ третьяго въ тавернѣ «Голубой Лисицы».

Въ нѣсколькихъ словахъ прибывшіе передали все случившееся Гарри Маркелу. Когда боцманъ и поваръ дошли до

конца улицы, полицейскіе заграждали путь, и не было возможности пробраться въ гавань. Имъ пришлось вернуться и попытаться пройти другой улицей, гдѣ они снова наткнулись на полицейскихъ и принуждены были спастись бѣгствомъ. Вотъ почему они запоздали и чуть было не испортили все дѣло.

— Въ лодку!—скомандовалъ Гарри Маркель.

Джонъ Карпентеръ, Рени и Гарри мигомъ размѣстились въ лодкѣ. Четверо сѣли на носу, держа весла наготовѣ. Лодку отвязали. Боцманъ правилъ рудемъ. Около него сидѣлъ Гарри Маркель.

Пользуясь морскимъ отливомъ, который долженъ былъ продолжаться еще полчаса, можно было достигнуть Фармарской бухты, находящейся не далѣе двухъ миль. Такимъ образомъ бѣглецы увидятъ «Рѣзваго» и постараются напасть на него раньше, чѣмъ ихъ замѣтятъ съ корабля.

Джонъ Карпентеръ хорошо зналъ заливъ. Онъ былъ увѣренъ, что сумѣетъ направить лодку въ бухту, даже несмотря на ночную темноту. Конечно, они увидятъ фонарь, который каждый корабль, стоящій на якорѣ въ заливѣ или въ гавани, долженъ зажигать на носу.

По мѣрѣ того, какъ лодка удалялась, послѣдніе огоньки береговой линіи утопали въ туманѣ. Въ воздухѣ не шелохнуло. Въ заливѣ не было ни малѣйшей зыби. Въ морѣ тоже, должно быть, стоялъ мертвый штиль.

Послѣ двадцатиминутнаго хода лодка остановилась.

Джонъ Карпентеръ привсталъ.

— Фонарь...—сказалъ онъ.

Въ ста саженьяхъ разстоянія, футахъ въ пятнадцати надъ поверхностью воды, свѣтился бѣлый огонекъ.

Лодка прошла сажень пятьдесятъ и снова остановилась.

Не оставалось сомнѣнія, что это былъ «Рѣзвый», такъ какъ, по собраннымъ свѣдѣніямъ, въ Фармарской бухтѣ не стояло на якорѣ больше ни одного судна. Надо было неслышно подойти къ нему вплотную. Можно было предположить, что, по случаю туманной погоды, весь экипажъ собрался въ каютъ-

компаніи. Но на палубѣ, конечно, дежурить часовой. Только бы онъ не замѣтилъ приближающейся лодки. Подняли весла. Теченіемъ несло лодку прямо къ «Рѣзвому».

Не прошло и минуты, какъ Гарри Маркель и его товарищи поравнялись съ кормовою частью корабля. Никто ихъ не видѣлъ, никто ничего не слышалъ. Теперь уже легко забраться на корабль по бортовымъ сѣтямъ и расправиться съ стоящимъ на часахъ матросомъ, чтобы онъ не успѣлъ поднять тревоги.

Начинался приливъ, но вѣтра еще не было. «Рѣзвый» былъ обращенъ носомъ къ заливу, а кормой къ Фармарской бухтѣ, закрывавшейся на юго-востокъ стрѣлкой мыса. Чтобы выйти въ открытое море и пройти въ юго-западномъ направленіи черезъ каналъ Св. Георгія, надо обогнуть этотъ мысъ.

Итакъ, во мракѣ ночи лодка причаливала къ правой сторонѣ кормы «Рѣзваго». Только на бакѣ мерцалъ фонарь, прикрѣпленный къ штагу фокъ-мачты. Порою туманъ сгущался, и огонекъ какъ бы замиралъ.

Всюду тишина. Часовой не слышалъ, какъ приблизились Гарри Маркель и его товарищи.

Но вотъ легкій всплескъ воды долетѣлъ до слуха матроса. Онъ зашагалъ вдоль борта. Его силуэтъ мелькнулъ на ютѣ, потомъ онъ перегнулся черезъ платформу въ носовой части корабля, какъ бы прислушиваясь или желая разглядѣть что-то въ темнотѣ.

Гарри Маркель и товарищи его легли въ лодкѣ. Матросъ не могъ видѣть ихъ, но могъ замѣтить лодку и позвать на палубу другихъ матросовъ, чтобы задержать несенную теченіемъ лодку. Матросы станутъ ловить челнъ, и тогда не удастся напасть на корабль врасплохъ.

Даже въ такомъ случаѣ Гарри Маркель не отказался бы отъ своего плана. Захватить въ свои руки «Рѣзваго» — вопросъ жизни или смерти для него и его спутниковъ. Поэтому они ни въ какомъ случаѣ не откажутся отъ своего замысла. Они бросятся на палубу, пустятъ въ ходъ кортики, и удача навѣрное будетъ на ихъ сторонѣ, потому что они нападутъ первые.

Впрочемъ, обстоятельства благоприятствовали имъ на этотъ разъ. Постоявъ нѣсколько минутъ на югѣ, матросъ вернулся на свой постъ. Онъ не позвалъ на помощь. Должно быть, онъ даже не замѣтилъ скользившей въ темнотѣ лодки.

Лодка поравнялась съ бортомъ корабля и легла въ дрейфъ; теперь легко было по русленямъ взобраться на корабль.

Впрочемъ, «Рѣзвый» возвышался всего на шесть футовъ отъ грузовой ватерлиніи, приходившейся немного выше мѣдной обшивки корабельнаго корпуса. Гарри Маркелъ съ товарищами въ два прыжка могутъ очутиться на палубѣ.

Привязавъ лодку, чтобы ее не унесло волною въ заливъ, разбойники прикрѣпили къ поясу кортики, приобретенные уже послѣ побѣга путемъ воровства. Корти первый перешагнулъ бортъ. Товарища такъ ловко и осторожно постѣдовали за нимъ, что часовой не услышалъ и не замѣтилъ ихъ. Узкимъ проходомъ они тихонько пробрались на бакъ. Матросъ сидѣлъ, прислонившись къ кабестану, и уже дремалъ. Джонъ Карпентеръ первый подошелъ къ нему и вонзилъ ему ножъ въ грудь.

Несчастный не успѣлъ даже вскрикнуть, пораженный въ сердце, упалъ на палубу и послѣ нѣсколькихъ конвульсій испустилъ послѣдній вздохъ.

Между тѣмъ Гарри Маркелъ, а за нимъ Корти и Рени Кофъ прошли на ютъ.

— Теперь очередь за капитаномъ!—прошепталъ Корти.

Каюта капитана Пакстона помѣщалась подъ ютомъ на бакбортѣ. Окно каюты выходило на палубу. Оно было задернуто занавѣской, сквозь которую просвѣчивалъ свѣтъ висячей лампы.

Капитанъ Пакстонъ еще не спалъ. Разсчитывая сняться съ якоря рано утромъ, лишь только придутъ пассажиры, онъ приводилъ въ порядокъ бумаги.

Внезапно дверь каюты распахнулась, и не успѣлъ онъ опомниться, какъ на него посыпались удары Гарри Маркелъ.

— Караулъ!—хрипѣлъ капитанъ.

На крикъ его прибѣжало пять или шесть матросовъ.

Корти и другіе разбойники ожидали ихъ и убивали одного за другимъ по мѣрѣ того, какъ они появлялись.

Спустя немного времени, шесть матросовъ лежали на палубѣ. Нѣкоторые изъ нихъ, смертельно раненные, кричали отъ боли и ужаса. Никто не могъ, однако, услышать ихъ вопли и придти имъ на помощь въ этой бухтѣ, гдѣ «Рѣзвый» стоялъ на якорѣ въ мракѣ ночи.

Но на кораблѣ, кромѣ шести матросовъ да капитана были еще люди. Еще трое или четверо, должно быть, спрятались на палубѣ и не смѣли выйти изъ засады.

Ихъ вытащили оттуда силой, и скоро палуба обагрилась кровью одиннадцати убитыхъ.

— За бортъ трупы!—кричалъ Корти.

И онъ собирался уже побросать тѣла убитыхъ въ море.

— Стой!—сказалъ Гарри Маркель.—Приливомъ ихъ снесетъ въ гавань. Подождемъ отлива, тогда ихъ отнесетъ волнами въ море.

Гарри Маркель и его друзья завладѣли «Рѣзвымъ».

VI.

Хищники на кораблѣ.

Попытка удалась. Первый актъ драмы былъ разыгранъ во всемъ ея ужасѣ, благодаря необычайной дерзости пиратовъ.

Потерявъ «Галифаксъ», Гарри Маркель былъ теперь полнымъ хозяиномъ на «Рѣзвомъ». Никто не подозрѣвалъ о только что происшедшей драмѣ. Некому было доносить о преступленіи, совершенномъ въ одномъ изъ оживленнѣйшихъ портовъ Ирландіи, при входѣ въ Коркскій заливъ, мѣстѣ стоянки многочисленныхъ судовъ, совершающихъ рейсы между Европой и Америкой.

Теперь злодѣямъ нечего было опасаться англійской полиціи. Она не станетъ ихъ преслѣдовать на «Рѣзвомъ». Они спокойно могутъ продолжать разбой въ далекихъ водахъ Тихаго океана. Имъ остается только сняться съ якоря, выйти въ открытое море, и черезъ нѣсколько часовъ они минуютъ каналъ Св. Георгія.

Воспитанники Антильской школы придутъ утромъ, чтобы сѣсть на корабль, но «Рѣзваго» уже не будетъ и слѣда ни въ Коркскомъ заливѣ, ни въ гавани Кинстоуна.

Какъ объяснить это исчезновеніе? Какія предположенія могутъ придти въ голову? Что принудило капитана Пакстона и его экипажъ поднять паруса, не дождавшись пассажировъ? Во всякомъ случаѣ, не буря заставила «Рѣзваго» выйти изъ Фармарской бухты. Вѣтеръ, волновавшій море, былъ почти не чувствителенъ въ заливѣ. Парусныя суда въ гавани точно заснули. За послѣдніе двое сутокъ только нѣсколько пароходовъ входили въ гавань и выходили изъ нея. Еще наканунѣ всѣ видѣли «Рѣзваго»; казалось бы неправдоподобнымъ предположить, что онъ безслѣдно погибъ ночью жертвою какого-нибудь столкновения.

Никто никогда не узнаетъ истины, если только какой-нибудь выброшенный волною на прибрежный песокъ трупъ не откроетъ тайны этой ужасной рѣзни.

Однако, Гарри Маркель долженъ былъ спѣшить, чтобы «Рѣзвый» не остался въ Фармарской бухтѣ до утра. Если обстоятельства будутъ благоприятны, «Рѣзвый», пройдя черезъ каналъ Св. Георгія, вмѣсто Антильскихъ острововъ, направится на югъ. Гарри Маркель старательно поведетъ судно вдаль отъ берега, избѣгая фарватера, котораго обыкновенно держатся всѣ суда, идущія къ экватору. Такимъ образомъ его не догонитъ разсылное судно, если таковое будетъ послано вслѣдъ за нимъ на развѣдки. Да никому и въ голову не придетъ, что на кораблѣ, зафрахтованномъ м-съ Китленъ Сеймуръ, нѣтъ уже ни капитана Пакстона, ни экипажа. Никто не догадается, почему они отплыли въ море, и сочтутъ за лучшее обождать нѣсколько дней.

Такимъ образомъ всѣ шансы на сторонѣ Гарри Маркела. Для обслуживанія корабля совершенно достаточно девяти человѣкъ, которые бѣжали съ нимъ. Всѣ они отважные моряки и всѣ они питаютъ полное довѣріе къ своему капитану.

Обстоятельства слагались такъ, что предпріятіе обѣщало полный успѣхъ. Черезъ нѣсколько дней, замѣтивъ, что корабль

не вернулся въ Коркскій заливъ, правительство сочтетъ его погибшимъ въ Атлантическомъ океанѣ вмѣстѣ съ экипажемъ и грузомъ. Никому не придетъ на умъ, что судномъ завладѣли бѣглецы изъ Кинстоунской тюрьмы. Полиція между тѣмъ будетъ продолжать свои поиски въ окрестностяхъ города. По всему графству будутъ приняты мѣры къ розыску преступниковъ. Поднимуть шумъ и въ деревняхъ. Однако, не скоро нападутъ на слѣдъ этой шайки злодѣевъ.

Впрочемъ, были и нѣкоторые обстоятельства, мѣшавшія свѣтаться съ якоря.

Штиль продолжался, и нельзя было ожидать никакой переменны и далѣе. Изъ облаковъ все еще моросилъ густой туманъ. Неподвижныя тучи нависли, казалось, надъ самымъ моремъ. Порою за туманомъ не видно было даже яркаго огня маяка у входа въ бухту. Ни одинъ пароходъ не рискнулъ бы выйти изъ гавани въ такую непроглядную тьму. Это значило бы пустаться въ открытое море, не видя путеводныхъ огней береговой линіи и канала Св. Георгія. О парусныхъ судахъ и говорить нечего; они спустили паруса среди царившаго въ морѣ штиля.

Море ничего не предвѣщало. Приливъ чуть замѣтно волновалъ воды залива. Чуть слышенъ былъ плескъ у носа «Рѣзвого», а привязанная къ кормѣ лодка чуть колебалась.

— Полное безвѣтріе!—съ досадой сказалъ Джонъ Карпентеръ, подкрѣпивъ свое замѣчаніе отборными проклятіями.

Нечего было и думать сняться съ якоря. Паруса безпо мощно повисли бы на мачтахъ, а увлекаемый волнами корабль, переплывъ заливъ, очутился бы въ Кинстоунской гавани.

Обыкновенно вмѣстѣ съ приливомъ съ моря начинается дуть вѣтерокъ. Хотя это былъ бы вѣтеръ и не попутный, Гарри Маркель счумѣлъ бы воспользоваться имъ и, лавируя, выйти въ море. Боцманъ, хорошо знакомый съ мѣстностью, вѣрно на править корабль; а разъ «Рѣзвый» выйдетъ въ открытое море, можно будетъ воспользоваться первыми порывами вѣтра. Нѣ сколько разъ Джонъ Карпентеръ взбирался на рангоутъ. Быть можетъ, высокія береговныя скалы, окружающія бухту, задер-

живають вѣтеръ? Но нѣтъ, флюгеръ на гротъ-мачтѣ не двигается.

Впрочемъ, не надо было отчаиваться. Было всего десять часовъ. До утра могъ еще подняться вѣтеръ. Въ полночь начнется отливъ. Пользуясь имъ, Гарри Маркелъ попытается выйти въ море! Всѣ люди его экипажа спустятъ шлюпки и, таща «Рѣзваго» на буксирѣ, постараются вывесить его въ море. Эта мысль мелькнула и у капитана, и у боцмана. Но что будетъ, если штиль не позволитъ кораблю уйти дальше? Не отыскавъ своего корабля, пассажиры вернутся въ гавань... Разнесется вѣсть, что корабль снялся съ якоря... Его станутъ искать въ заливѣ. Морское агенство пошлетъ даже, можетъ быть, въ догонку паровой катеръ. О, тогда положеніе Гарри Маркела и его друзей будетъ критическимъ!.. Корабль узнаютъ, къ нему причалятъ, его осмотрятъ... Имъ всѣмъ угрожаетъ тогда неминуемый арестъ... Полиція узнаетъ о кровавой драмѣ, стоившей жизни капитану Пакетону и его экипажу.

Опасно было сняться съ якоря, такъ какъ «Рѣзвый» могъ заштилеть и въ морѣ; еще опаснѣе—оставаться въ Фармарской бухтѣ. А между тѣмъ въ это время года штили продолжались иногда нѣсколько дней.

На что-нибудь надо было рѣшиться.

Ужъ не бросить ли корабль, въ случаѣ, если ночью не поднимется вѣтеръ, не попытаться ли доплыть на лодкѣ до берега и, въ надеждѣ провести какъ-нибудь полицію, не попробовать ли счастья въ сушѣ? Если и эта попытка не удастся, надо придумать что нибудь другое. Притаившись въ какой-нибудь извилинѣ побережья, можно надо ждать, когда снова подуетъ вѣтеръ, и ночью вернуться на корабль. Но вотъ бѣда: придутъ утромъ пассажиры, увидятъ, что на кораблѣ ни души живой, и вернутся въ Кинстоунъ. Тотчасъ же «Рѣзваго» доставятъ въ гавань.

Вотъ эти-то вопросы и обсуждали Гарри Маркелъ, боцманъ и Корти въ то время, какъ остальная компанія находилась на бакѣ.

— Собачій вѣтеръ!—ворчалъ Джонъ Карпентеръ.—Когда

не нужно, онъ дуетъ, какъ бѣшеный, а когда нужно, тутъ его и нѣтъ!

— А вѣдь лодка должна идти завтра утромъ за пассажирами!—сказалъ боцманъ.—Ужъ не подождать ли намъ ихъ?

— А если бы, Джонъ?

— Въ концѣ концовъ,—сообразилъ Джонъ Карпентеръ,—ихъ всего десять человѣкъ, это, по словамъ газетъ, молодые люди и ихъ учитель. Справились же мы съ экипажемъ «Рѣзваго», съумѣемъ справиться и...

Корти покачалъ головой. Нельзя сказать, чтобы онъ не одобрялъ мысли Джова Карпентера, но все же онъ нашелъ нужнымъ замѣтить:

— То, что легко было сдѣлать ночью, окажется труднѣе днемъ. Кромѣ того, съ пассажирами, пожалуй, пріѣдутъ изъ порта люди, знающіе лично капитана Пакстона. Что мы имъ скажемъ, если они спросятъ, почему нѣтъ на кораблѣ капитана?

— Скажемъ, что онъ поѣхалъ на берегъ,—возразилъ боцманъ.—Они высадутся на корабль. Лодка возвратится въ Кинстоунъ. А тогда...

Болѣе, чѣмъ вѣроятно, что въ глуши пустынной Фармарской бухты, выбравъ время, когда не будетъ вблизи другихъ судовъ, негодян легко справился бы и съ пассажирами. Они не остановятся на передъ какимъ преступленіемъ. Они зарѣжутъ м-ра Паттерсона и его юныхъ спутниковъ, у которыхъ нѣтъ даже того ресурса, который былъ у погибшаго экипажа корабля—они не могутъ защищаться.

Однако, по свойственной ему привычкѣ, Гарри Маркель позволялъ другимъ разсуждать, а самъ, тѣмъ временемъ, обдумывалъ, какъ выйти изъ непріятнаго положенія, въ которое ставила ихъ невозможность отплыть. Быть можетъ, придется ждать до слѣдующей ночи, еще около сутокъ. Положеніе осложнилось еще тѣмъ обстоятельствомъ, что кто-нибудь изъ пассажировъ могъ лично знать капитана Пакстона. Какъ тогда объяснить его отсутствіе въ день, даже въ часъ, назначенный для отплытія?

Лучше всего было бы поднять паруса и отплыть, пока темно, миль на двадцать на югъ отъ Ирландіи. Ужасно досадно, что нельзя сняться съ якоря и сейчасъ же спастись отъ преслѣдованія.

Въ концѣ концовъ, можетъ быть, достаточно вооружиться терпѣніемъ и ждать. Еще только одиннадцатый часъ. До зари можетъ произойти перемѣна въ атмосферныхъ условіяхъ. Впрочемъ, Гарри Маркель и его люди—привычные моряки, а между тѣмъ, они не видѣли никакихъ предвѣстниковъ возможныхъ перемѣнъ. Заволакивавшій все болѣе и болѣе туманъ начиналъ безпокоить ихъ. Такая «гнилая погода», какъ выражаются моряки, подаетъ мало надежды и можетъ продолжаться нѣсколько дней.

Оставалось ждать, больше нечего было дѣлать. Таково было мнѣніе Гарри Маркела. А тамъ, стоитъ ли бросить корабль и скрыться гдѣ-нибудь въ Фарморской бухтѣ, чтобы искать спасенія на сушѣ,—покажетъ время. На всякій случай бѣглецы, похитивъ деньги изъ каюты капитана и мѣшковъ матросовъ, стали запасаться провіантомъ. Они могутъ переодѣться въ платье матросовъ, менѣе возбуждающее подозрѣніе, чѣмъ одежда Кинстоунскихъ бѣглецовъ. Обезпеченные деньгами и припасами, они могутъ еще обмануть полицію и сѣсть на корабль въ какомъ-нибудь другомъ портѣ Ирландіи или спастись на сушѣ.

Впереди оставалось еще пять, шесть часовъ ожиданія. Бѣжавшіе отъ преслѣдованій полиціи Гарри Маркель и его шайка устали до полусмерти, когда прибыли на «Рѣзвый». Кромѣ того, они были страшно голодны. Завладѣвъ кораблемъ, они тотчасъ же стали искать какихъ-нибудь съѣстныхъ припасовъ.

Естественно, по самому роду его занятій, заботы о пищѣ были возложены на Рени Кофа. Онъ зажегъ фонарь и отправился въ камбузъ, помѣщавшійся у фокъ-мачты, и баталеръ-камеру, подъ палубой. Въ виду продолжительнаго путешествія, въ трюмѣ корабля былъ заготовленъ огромный запасъ провизіи; ея хватило бы даже, еслибы «Рѣзвый» пустился въ плаваніе по Тихому океану.

Рени Кофъ нашелъ здѣсь все, что было нужно, чтобы уто-

лить голосъ и жажду друзей. Не было недостатка также въ водкѣ, джинѣ и виски.

Закусивъ со всѣми, Гарри Маркель приказалъ Джону Карпентеру и всѣмъ остальнымъ переодѣться въ платье убитыхъ матросовъ. Потомъ они легли отдохнуть, пока оставленный на часахъ товарищъ не подастъ сигнала, что можно поднять паруса.

Одинъ Гарри Маркель не думалъ объ отдыхѣ. Ему хотѣлось просмотрѣть судовыя книги и бумаги, изъ которыхъ онъ могъ почерпнуть полезныя свѣдѣнія. Онъ вошелъ въ капитанскую каюту, зажегъ лампу, открылъ ящики вынутыми изъ кармана несчастнаго Пакстона ключами, взялъ бумаги и сѣлъ за столъ. Все это онъ продѣлывалъ съ тѣмъ хладнокровіемъ, которое выработалъ въ себѣ за всю свою богатую приключеніями жизнь.

Всѣ бумаги были въ порядкѣ, потому что корабль былъ наканунѣ отплытія. Просматривая списокъ корабельныхъ служителей, Гарри Маркель убѣдился, что экипажъ состоялъ изъ двѣнадцати матросовъ, и что всѣ они были на кораблѣ въ моментъ нападенія. Нечего было опасаться, что какой-нибудь матросъ, отпущенный на берегъ, вернется изъ Кинстоуна. Нѣтъ, всѣ люди экипажа убиты.

Перелистывая книгу, въ которой записанъ былъ грузъ корабля, Гарри убѣдился, что «Рѣзвый» снабженъ запасомъ мяса, сушеныхъ овощей, сухарей, солонины, муки и пр., по крайней мѣрѣ на три мѣсяца. А за это время можно добраться до Тихаго океана. Кромѣ того, въ касѣ капитана были деньги—шесть сотъ фунтовъ.

Гарри Маркель считалъ не лишнимъ ознакомиться съ прежними плаваніями капитана Пакстона на «Рѣзвѣ». Очень важно было на будущее время не заходить въ тѣ гавани, гдѣ корабль уже останавливался, и гдѣ могли знать капитана Пакстона. Осторожнѣе до крайности, Гарри хотѣлъ все предусмотрѣть.

Онъ нашелъ въ книгахъ нужныя ему свѣдѣнія

«Рѣзвый» былъ еще новое судно, выстроенное три года

тому назадъ въ Биркенгэдѣ, на верфи Симсона и К°. Въ плаваніи онъ былъ всего два раза, оба раза въ Индіи, въ Бомбей, Цейлонъ и Калькуттѣ, откуда недавно возвратился въ Ливерпуль. Онъ никогда не плавалъ по Тихому океану, и Гарри Маркель могъ быть спокоенъ въ этомъ отношеніи: въ случаѣ необходимости, онъ могъ даже выдать себя за капитана Пакстона.

Изъ списка прежнихъ плаваній капитана было видно, что онъ никогда не былъ на Антильскихъ островахъ, принадлежащихъ французамъ, англичанамъ, голландцамъ, датчанамъ, испанцамъ. М-съ Китленъ Сеймуръ назначила его и его корабль для путешествія школьниковъ на Антильскіе острова по рекомендаціи одного лица, жившаго въ Ливерпуль, съ которымъ она находилась въ перепискѣ, и которое ручалось ей и за корабль, и за командира.

Въ половинѣ перваго лампа погасла, и Гарри Маркель вышелъ изъ каюты на ютъ, гдѣ его встрѣтилъ Джонъ Карпентеръ.

— Вѣтра все нѣтъ?—спросилъ онъ.

— Нѣтъ и не предвидится!—отвѣчалъ боцманъ.

Изъ обложившихъ весь горизонтъ неподвижныхъ тучъ попрежнему моросилъ мелкій дождь, все та же тьма окутывала заливъ, всюду господствовала все та же мертвая тишина, не нарушаемая даже плескомъ теченія. Это было время слабыхъ приливовъ, и вода прибывала черезъ узкій каналъ въ Коркъ медленно, такъ что уровень рѣки Ли повышался только на разстояніи двухъ миль отъ устья.

До трехъ часовъ утра море останется на одинаковой высотѣ, затѣмъ начнется отливъ.

Джонъ Карпентеръ имѣлъ основаніе ругать дурную погоду. Во время отлива малѣйшаго вѣтерка, съ какой бы стороны онъ ни подулъ, было бы достаточно, чтобы поднять паруса, обогнуть мысъ, замыкающій Фармарскую бухту, пройти узкимъ каналомъ и даже сдѣлавъ нѣсколько галсовъ выйти до восхода солнца изъ Коркской гавани. Но нѣтъ, «Рѣзвый» стоитъ себѣ неподвижно на якорѣ, какъ буй, какъ мертвый, и надежды поднять паруса при такихъ обстоятельствахъ—мало.

Итакъ, приходится ждать, не надѣясь даже, что погода измѣнится къ тому времени, когда изъ-за Фармарскихъ высотъ поднимется солнце!

Прошло два часа. Ни Гарри Маркель, ни Джонъ Карпентеръ, ни Корти ни на минуту не сомкнули глазъ, въ то время какъ товарищи ихъ крѣпко спали, растянувшись въ сѣткахъ по бортамъ судна. Небо не измѣняло своего вида. Облака не двигались. Если по временамъ съ моря доносилось слабое вѣніе оно тотчасъ же замгло, и ничто не предвѣщало, что съ моря или съ суши подуетъ вѣтеръ.

Въ три часа двадцать семь минутъ, когда на востокъ чуть брезжилъ день, лодку, привязанную къ стокору отнесло теченіемъ отлива, и она ударилась о корпусъ «Рѣзваго», который тотчасъ же повернулся кормой къ морю.

Можно было еще надѣяться, что съ отливомъ подуетъ съ сѣверо-востока легкій вѣтеръ, который поможетъ кораблю сняться съ якоря и пройти въ каналъ Св. Георія; но скоро и эта надежда угасла, ночь проходила, а корабль все стоялъ на якорѣ.

Пора, однако, было избавиться отъ труповъ. Джонъ Карпентеръ захотѣлъ еще удостовѣриться, не удержитъ ли ихъ водоворотъ въ Фармарской бухтѣ. вмѣстѣ съ Корти они спустились въ лодку и убѣдились, что теченіе направляется къ мѣсту, гдѣ мысъ отдѣленъ отъ узкаго пролива. Отливъ увлекалъ волны въ этомъ направленіи.

Лодка вернулась и легла въ дрейфъ, въ нее положили всѣ трупы.

Потомъ, изъ предосторожности, лодка доставила ихъ за мысъ, на прибрежный песокъ котораго ихъ могло бы выбросить теченіемъ.

Тогда Джонъ Карпентеръ и Корти побросали трупы ихъ одинъ за другимъ въ тихія, чуть всплескивавшія волны. Сначала мертвыя тѣла погружались, потомъ всплывали на поверхность и, подхваченныя теченіемъ, уплывали въ глубокое море...

VII.

Трехмачтовое судно „Рѣзвый“.

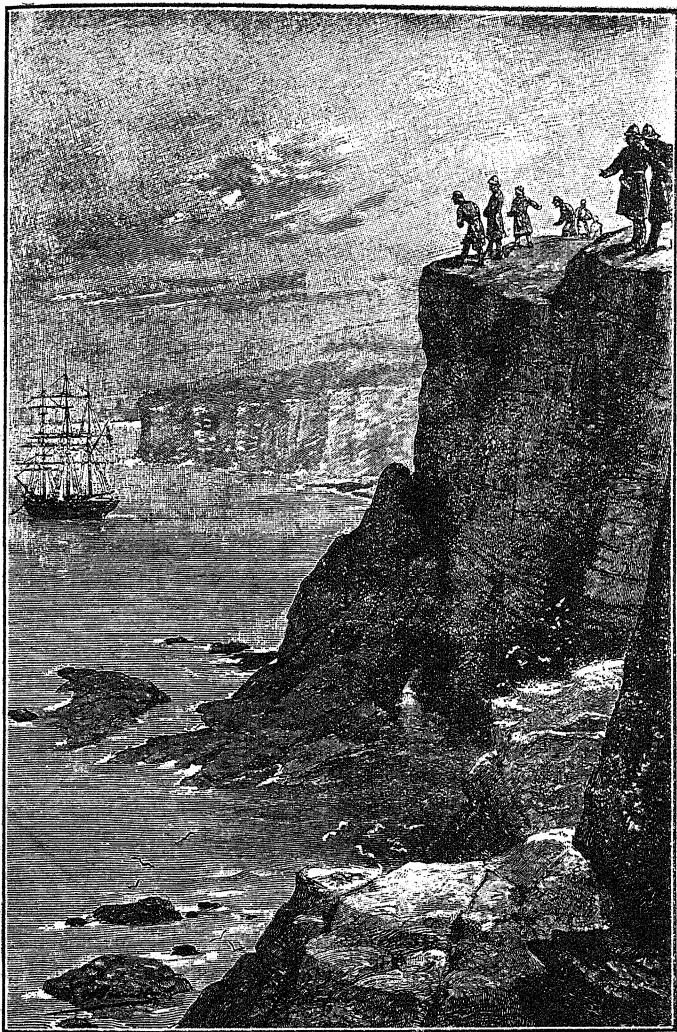
Трехмачтовое судно «Рѣзвый», вмѣстимостью въ четыреста пятьдесятъ тоннъ, вышло, какъ уже сказано, изъ верфей Биркенгэда, гдѣ его обшили мѣдью. Корабль былъ занумерованъ подъ номеромъ 1 въ бюро Veritas, плавалъ подъ британскимъ флагомъ и готовился предпринять свое третье плаваніе.

Переплывъ въ два первыхъ плаванія Атлантическій океанъ, обогнувъ мысъ «Доброй Надежды», пройди Индійскій океанъ, онъ собирался на этотъ разъ плыть на юго-западъ, на Антильскіе острова, для чего и былъ нанятъ м-съ Китленъ Сеймуръ.

«Рѣзвый» отличался хорошимъ ходомъ, его паруса хорошо вздувались, и чтобы переплыть разстояніе отъ Ирландіи до Антильскихъ острововъ, ему достаточно было бы трехъ недѣль, если только не застанетъ безвѣтріе.

Съ перваго плаванія «Рѣзвый» ходилъ подъ командою капитана Пакстона; его помощникомъ былъ лейтенантъ Дэвисъ; весь экипажъ небольшого судна составляли девять человѣкъ. Во второе плаваніе изъ Ливерпуля въ Калькутту въ составѣ экипажа не произошло никакихъ измѣненій, на немъ оставались тѣ же матросы, тѣ же офицеры. Они должны были остаться безсмѣнно и въ третье плаваніе изъ Европы въ Америку. М-съ Китленъ Сеймуръ, получившая о капитанѣ Пакстонѣ наилучшіе отзывы, могла вполне довѣрять этому добросовѣстному, осторожному, прекрасному моряку. Школьники могли совершить свое путешествіе со всѣми удобствами и въ полной безопасности—родители ихъ могли быть покойны. Плаваніе предполагалось совершить въ лучшее время года, и оно должно было продолжаться не болѣе двухъ мѣсяцевъ.

Къ сожалѣнію, теперь «Рѣзвый» не былъ уже подъ командою капитана Пакстона. Весь экипажъ его погибъ во время стоянки въ Фармарской бухтѣ. Корабль былъ въ рукахъ шайки пиратовъ съ «Галифакса».

«На береговыхъ утесахъ показались полицейскіе, разыскивавшіе бѣглецовъ...» (къ стр. 92).

Рано утромъ, на зарѣ, Гарри Маркель и Джонъ Карпентеръ подробно осмотрѣли захваченный ими корабль. Они тотчасъ же оцѣнили его достоинства. Корпусъ корабля былъ съ красивыми линіями, носъ приподнятъ, корма хорошо выдѣлялась, мачты были высоки, реи длинны, и судно сидѣло въ водѣ настолько глубоко, что можно было пользоваться полными парусами. Даже при легкомъ вѣтрѣ, отплывъ наканунѣ, въ девять часовъ вечера, онъ за ночь прошелъ бы каналъ Св. Георгія, а на разсвѣтъ находился бы уже миляхъ въ тридцати отъ берега Ирландіи.

Уже свѣтало, а низко нависшія облака или, лучше сказать, туманъ, который разоѣло бы въ нѣсколько минутъ легкимъ вѣтромъ, все еще заволакивали небо. Уже въ трехъ кабельтовахъ *) отъ «Рѣзваго» за туманомъ нельзя было ничего разглядѣть. Разсвѣтъ ли солнце этотъ сырой туманъ? Впрочемъ, такъ какъ нечего было и думать сняться съ якоря, Гарри Маркель былъ радъ скрывавшему корабль туману.

Однако, случилось то, чего не ожидали. Часамъ къ семи, хотя ни съ суши, ни съ моря не повѣяло ни малѣйшаго вѣтерка, подъ влияніемъ жаркихъ лучей солнца, туманъ началъ разсѣиваться. День обѣщалъ быть жаркимъ, безвѣтреннымъ. Скоро весь заливъ точно выплылъ изъ тумана.

Въ двухъ миляхъ отъ Фармарской бухты развернулась панорама Кинстоунскаго порта, а дальше, въ глубинѣ, показались первые дома города. Въ гавани стояло на якорѣ нѣсколько кораблей, которые, по случаю безвѣтрія, не могли выйти въ море.

Пока «Рѣзваго» не было видно за туманомъ, Гарри Маркель и его товарищи могли оставаться на суднѣ. Но теперь туманъ разсѣялся: не лучше ли сѣсть въ лодку и искать спасенія на сушѣ? Или же они рѣшатся принять пассажировъ «Рѣзваго», которые, по вчерашнимъ извѣстіямъ, должны были уже прибыть въ Квинстоунъ? Успѣютъ ли они также, высадившись на берегъ, скрыться на сушѣ?

Джонъ Карпентеръ, Корти и другіе разбойники окружили

*) Мѣра разстоянія, около 120 саж.

Гарри Маркела и были готовы, по первому приказанію его, грузить въ лодку припасы. Всего нѣсколько взмаховъ веселъ, и они достигнутъ песчаной прибрежной отмели въ глубинѣ залива.

На вопросъ боцмана Гарри Маркелъ, однако, коротко отвѣтилъ:

— Мы останемся на кораблѣ!

Его подчиненные привыкли довѣрять ему и больше ни о чемъ не спрашивали. У Гарри Маркела были, конечно, уважительныя причины поступать такъ.

Между тѣмъ заливъ оживился. Правда, парусныя суда дремали, зато нѣсколько пароходиковъ готовилось пуститься въ путь. Пять, шесть паровыхъ баркасовъ ходили взадъ и впередъ, возвращались въ гавань, уходили, оставляя за кормою длинную пѣнистую струю. Впрочемъ, ни одинъ изъ нихъ не направлялся къ Фармарской бухтѣ. Людямъ, хозяйничавшимъ на «Рѣзвомъ», нечего было опасаться.

Въ восемь часовъ поднялась было тревога.

Въ заливъ вошелъ пароходъ и, подойдя къ Фармарской бухтѣ, повернулся штирбортомъ, какъ будто намѣреваясь бросить якорь вблизи «Рѣзваго». Ужъ не собирается ли онъ, вмѣсто того, чтобы подойти къ Кистоунскимъ сходамъ, остановиться здѣсь? Надолго ли остановится онъ? На нѣсколько часовъ или на нѣсколько дней? Въ послѣднемъ случаѣ, изъ гавани къ нему будутъ подъѣзжать шлюпки, а это можетъ имѣть непріятныя послѣдствія для Гарри Маркела и его товарищей.

На гафелѣ парохода развѣвался британскій флагъ. Это былъ одинъ изъ тѣхъ грузовыхъ пароходовъ, которые отвозятъ въ колоніи уголь, а возвращаются, нагруженные хлѣбомъ или никелемъ.

Судно обогнуло мысъ бухты и приблизилось тихимъ ходомъ. Гарри Маркелъ старался угадать, остановится ли оно, или сдѣлаетъ поворотъ, чтобы войти въ Фармарскую бухту.

«Конкордія» — это имя можно было прочесть на носу парохода — очевидно, не спѣшила прямо въ Кинстоунъ. Она даже приблизилась къ «Рѣзвому» и остановилась въ разстояніи

одного кабельтова отъ него. Однако, не видно было приготовленій къ спуску якоря.

Что нужно капитану «Конкордіи»? Къ чему этотъ маневръ? Узналъ онъ «Рѣзваго», или прочиталъ его имя на кормовой доскѣ? Не находился ли онъ въ сношеніяхъ съ капитаномъ Пакстономъ и не желаетъ ли теперь съ нимъ повидаться? Что, если онъ велитъ спустить шлюпку и подъѣдетъ къ кораблю?

Можно себѣ представить, какія волненія переживали въ эту минуту Гарри Маркель, Джонъ Карпентеръ, Корти и ихъ товарищи! Напрасно они не покинули корабль ночью и не искали спасенія въ графствѣ, разъ въ окрестностяхъ Кинстоуна полицейскіе рыщутъ, разыскивая бѣглецовъ.

Теперь поздно.

Гарри Маркель, изъ предосторожности, не показывался на ютъ, а стоялъ такъ, чтобы его не было видно за рангоутомъ.

Между тѣмъ, матросы съ «Конкордіи» кричали:

— Эй! Вы, тамъ, на «Рѣзвомъ»: капитанъ на кораблѣ?

Гарри Маркель не торопился отвѣчать. У «Конкордіи» было какое-то дѣло до капитана Пакстона.

Почти тотчасъ же послѣдовалъ въ рупоръ второй вопросъ:

— Кто командуетъ «Рѣзвымъ»?

Очевидно, о «Рѣзвомъ» знали мало, прочли только его имя на кормѣ и не знали въ лицо командира судна.

Гарри Маркель нѣсколько успокоился. Пора было отвѣчать. Онъ поднялся на ютъ и спросилъ въ свою очередь:

— Кто командуетъ «Конкордіей»?

— Капитанъ Джемсъ Броунъ!—отвѣчалъ уже самъ командиръ, стоя на помостѣ.

— Что угодно капитану Джемсу Броуну?—спросилъ Гарри Маркель.

— Не знаете ли вы, какія стоятъ въ Корѣ цѣны на никель: поднялись онѣ или упали?

— Скажи ему, что упали,—шепнулъ Корти,—онъ и уйдетъ!

— Упали!—отвѣчалъ Гарри Маркель.

— На сколько?

— Три шиллинга шесть пенсовъ!—подсказывалъ Корти.

— Три шиллинга шесть пенсовъ!—повторялъ Гарри.

— Ну, такъ нечего намъ здѣсь и дѣлать,—возразилъ Джонсъ Браунъ.—Спасибо, капитанъ!

— Радъ служить!

— Не будетъ ли у васъ порученій въ Ливерпуль?

— Нѣтъ!

— Желаемъ «Рѣзвому» счастливаго плаванія!

— А мы—«Конкордіи»!

Получивъ такія сомнительныя, какъ мы видѣли, свѣдѣнія, пароходикъ сдѣлалъ поворотъ, чтобы выйти изъ Фармарской бухты. Обогнувъ мысъ, онъ прибавилъ ходу и пошелъ на сѣверо-востокъ, по направленію къ Ливерпулю.

Джону Карпентеру между тѣмъ пришла въ голову слѣдующая мысль:

«Въ благодарность за столь точно доставленные свѣдѣнія относительно цѣнъ на никель, капитанъ «Конкордіи» могъ бы взять насъ на буксиръ и вывести изъ этого проклятаго залива».

Даже еслибы поднялся вѣтеръ, теперь было поздно поднимать паруса. Между Кинстоуномъ и проливомъ началось оживленное движеніе. Сновали лодки рыбаковъ; нѣкоторыя изъ нихъ закидывали сѣти по ту сторону мыса, въ нѣсколькихъ кабельтовахъ отъ корабля. Гарри Маркель и его пріатели благоразумно скрывались, чтобы не быть случайно узнанными. Если бы «Рѣзвый» снялся съ якоря теперь, до прибытія пассажировъ, которыхъ ожидали съ минуты на минуту, это возбудило бы подозрѣніе. Не слѣдовало поднимать паруса до наступленія ночи, если только это возможно.

Положеніе, какъ видно, оставалось затруднительнымъ. Мекторъ съ своими юными спутниками долженъ былъ вскорѣ прибыть на «Рѣзвый».

М-съ Китленъ Сеймуръ и директоръ Антильской школы назначили отъѣздъ на 30-ое іюня. Срокъ наступилъ. Уѣхавъ наканунѣ изъ училища, м-ръ Паттерсонъ не замедлитъ явиться въ назначенное время. По свойственной ему точности и аккуратности, онъ не станетъ даже осматривать Коркъ и Кинстоунъ, хотя совершенно не знаетъ этихъ городовъ. Подкрѣпившись

сномъ послѣ утомительнаго переѣзда по желѣзной дорогѣ, онъ проснется, подниметъ всѣхъ своихъ питомцевъ и отправится съ ними въ гавань, гдѣ имъ укажутъ мѣсто стоянки «Рѣзваго», и гдѣ они найдутъ къ своимъ услугамъ лодку, которая доставитъ ихъ на корабль.

Такъ размышлялъ Гарри Маркелъ, хотя и не зналъ, что за личность м-ръ Паттерсонъ. Старательно избѣгая показываться на ютѣ, чтобы его не увидѣли рыбаки, капитанъ внимательно наблюдалъ за всѣмъ, что происходило въ заливѣ. Корти тоже, вооружившись зрительной трубой, смотрѣлъ въ квадратное оконце на кормѣ на то, что происходило въ гавани и на набережной, дома которой онъ прекрасно различалъ, хотя находился на разстояніи двухъ миль отъ нихъ. Небо прояснилось. Разогнавъ послѣдніе обрывки тумана, солнце поднималось на безоблачномъ горизонтѣ. Но вѣтру не было и признака, даже въ открытомъ морѣ, и сигналы береговаго телеграфа извѣщали, что на морѣ мертвый штиль.

— Изъ огня да въ полымя!—вскричалъ Джонъ Карпентеръ. — Изъ Кистоунской тюрьмы мы еще могли убѣжать, а отсюда и бѣжать нельзя!

— Подожди!—сказалъ Гарри Маркелъ.

Около половины одиннадцатаго Корти показался у двери юта и сказалъ.

— Кажется, изъ гавани отплыла лодка. На ней человѣкъ двѣнадцать!

— Это, вѣрно, пассажиры «Рѣзваго»!—догадался боцманъ.

Гарри Маркелъ съ боцманомъ тотчасъ же наставили на замѣченную Корти лодку зрительную трубку.

Увлекаемая отливомъ, лодка направлялась прямо къ «Рѣзовому»—это не подлежало никакому сомнѣнію. Два матроса гребли, третій правилъ лодкой. На носу и на кормѣ сидѣло человѣкъ десять. Съ ними былъ и багажъ.

Это, вѣроятно, пассажиры «Рѣзваго».

Наступила рѣшительная минута. Всѣ планы Гарри Маркела могли рухнуть.

Это могло, впрочемъ, случиться только, если м-ръ Паттер-

сонъ или кто нибудь изъ мальчиковъ лично зналъ капитана Пакстона. Это было, однако, мало вѣроятно, и въ расчетѣ на то Гарри Маркель рѣшилъ приступить къ осуществленію своего плана. Могли знать капитана Пакстона и матросы, доставившіе пассажировъ; что же они скажутъ, когда Гарри Маркель представится подъ именемъ капитана Пакстона?

Слѣдуетъ замѣтить, что «Рѣзвый» въ первый разъ прибылъ въ Кинстоунскій портъ или, вѣрнѣе, въ Коркскій заливъ. Конечно, капитану необходимо было побывать на берегу, соблюдая всѣ формальности, которыя долженъ исполнить каждый корабль при своемъ пріѣздѣ и отъѣздѣ. Но не всѣ же видѣли его на берегу, можетъ быть, не встрѣчали его и эти матросы.

— На всякій случай,—замѣтилъ Джонъ Карпентеръ, посоветовавшись по этому поводу съ товарищами,—пусть матросы не высаживаются на корабль!

— Это будетъ осторожнѣе. Мы сами поможемъ перегрузить багажъ!—сказалъ Корти.

— На мѣста!—скомандовалъ Гарри Маркель.

Прежде всего, онъ позаботился о томъ, чтобы лодка, похищенная ими наканунѣ въ порту и доставившая ихъ на корабль была спрятана. На случай бѣгства достаточно было и шлюпокъ «Рѣзваго». Нѣсколькими ударами топора дно лодки было пробито, и она погрузилась въ воду.

Корти подошелъ къ борту и приготовился бросить конецъ, лишь только вновь прибывшая лодка подойдетъ къ кораблю.

— Ну,—сказалъ Джонъ Карпентеръ,—надо встрѣтить опасность лицомъ къ лицу!

— Это будетъ не въ первый и не въ послѣдній разъ, Джонъ!—отвѣчалъ Гарри Маркель.

— И мы всегда выходили сухи изъ воды, Гарри. Ну, что же, двумъ смертямъ не бывать... А, впрочемъ, быть вздернутымъ на висѣлицу и одинъ разъ куда какъ непріятно!

Однако, лодка приближалась, держась недалеко отъ берега. Она была уже всего въ ста саженьяхъ. Можно было видѣть пассажировъ.

Вопросъ выяснится черезъ нѣсколько минутъ. Если все

пойдетъ, какъ слѣдуетъ, если, какъ рассчитывалъ Гарри Маркель, исчезновеніе капитана Пакстона останется незамѣченнымъ, онъ будетъ поступать, какъ подскажутъ ему обстоятельства. Принявъ стипендіатовъ м-съ Китленъ Сеймуръ, какъ это сдѣлалъ бы капитанъ Пакстонъ, онъ займется разбѣженіемъ школьниковъ на кораблѣ. Такимъ образомъ время пройдетъ незамѣтно, и школьники не подумаютъ уйти съ корабля.

Въ самомъ дѣлѣ, видя, что «Рѣзвый» не можетъ пуститься въ путь при полномъ безвѣтріи, м-ру Паттерсону и его спутникамъ могла бы прийти мысль вернуться въ Кинстоунъ. Они, навѣрно, не успѣли еще осмотрѣть ни городъ, ни портъ и могли заняться этимъ теперь на досугѣ.

Надо, во что бы то ни стало, помѣшать имъ сдѣлать это. Лодка, доставившая пассажировъ, вернется въ гавань. Если школьники захотятъ поѣхать на берегъ, пришлось бы дать имъ одну изъ шлюпокъ «Рѣзваго», а гребцами—людей изъ шайки Гарри Маркела.

А тѣмъ временемъ, тщетно обыскавъ всѣ таверны, полиція, пожалуй, станетъ разыскивать бѣглецовъ на улицахъ и на набережной. Стоитъ одному изъ нихъ попасться въ руки агентовъ, и все откроется. Паровой катеръ съ отрядомъ полицейскихъ отправится въ Фармарскую бухту, захватитъ «Рѣзвый», и вся шайка снова будетъ въ рукахъ правосудія.

Итакъ, разъ пассажиры сядутъ на корабль, ихъ отсюда не выпустятъ, хотя бы кораблю пришлось стоять еще нѣсколько дней. Впрочемъ, съ наступленіемъ ночи, можно будетъ и съ ними расправиться такъ, какъ съ капитаномъ Пакстономъ и его экипажемъ.

Гарри Маркель отдалъ послѣднія распоряженія. Товарищи должны были помнить, что они болѣе не матросы «Галифакса», не бѣглецы изъ Кинстоунской тюрьмы, а матросы «Рѣзваго», по крайней мѣрѣ, на сегодня. Они должны остерегаться сказать лишнее слово, должны стараться выглядѣть, какъ вѣжливые моряки, умѣющіе держаться и сдѣлать честь щедрой м-съ Китленъ Сеймуръ. Всѣ поняли, какую они должны играть роль.

А покамѣстъ, до отплытія лодки, они должны какъ можно

меньше попадаться на глаза. О приѣмѣ багажа и размѣщеніи пассажировъ позаботятся боцманъ и Корти.

Вновь прибывшимъ будетъ предложенъ завтракъ, прекрасный завтракъ изъ запасовъ баталеръ-камеры «Рѣзваго». Рени Кофъ будетъ имѣть случай показать свое кулинарное искусство.

Наступилъ моментъ дѣйствовать такъ, какъ поступилъ бы капитанъ Пакстонъ и его экипажъ. Лодка была въ нѣсколькихъ саженьяхъ отъ «Рѣзваго». Надо было ее встрѣтить. Гарри Маркелъ подошелъ къ трапу.

Онъ былъ въ формѣ покойнаго капитана, а весь экипажъ въ матросскомъ платьѣ, найденномъ на кораблѣ.

Съ лодки слышались окрики. Корти бросилъ матросамъ конецъ, который тѣ поймали багромъ. Лодка причалила.

Тони Рено и Магнусъ Андерсъ первые взобрались по трапу и прыгнули на палубу. Товарищи послѣдовали ихъ примѣру. За ними перешагнулъ бортъ и м-ръ Горацій Паттерсонъ, опираясь на услужливо протянутую руку Джона Карпендера.

Перегрузка багажа, состоявшаго изъ простыхъ, легкихъ чемоданчиковъ, потребовала немного времени.

Матросы, доставившіе пассажировъ, не входили на корабль. М-ръ Паттерсонъ заранѣе расплатился съ ними и хорошо далъ имъ на водку. Они поспѣшили обратно на берегъ.

Между тѣмъ всегда корректный м-ръ Горацій Паттерсонъ раскланялся и сказалъ:

— Капитанъ Пакстонъ, вѣроятно?

— Да!—отвѣчалъ Гарри Маркелъ.

М-ръ Паттерсонъ поклонился вторично съ изысканной вѣжливостью и продолжалъ:

— Честъ имѣю представить вамъ, капитанъ Пакстонъ, воспитанниковъ Антильской школы и выразить вамъ увѣреніе въ совершенномъ моемъ уваженіи...

— Подпись: «Горацій Паттерсонъ»!—шепнулъ шутникъ Луи Клодіонъ, расшаркиваясь вмѣстѣ съ товарищами передъ капитаномъ «Рѣзваго».

VIII.

На кораблѣ.

Поѣздка м-ра Паттерсона съ воспитанниками Антильской школы прошла благополучно. Дорогою они живо интересовались самыми незначительными событіями. Это была стая птицъ, вырвавшихся на свободу, правда, птицъ, хорошо прирученныхъ, которыя со временемъ вернутся, а не улетаютъ навсегда. Но теперь онѣ только что вылетѣли изъ клѣтки.

Ни для одного изъ школьниковъ не было новостью путешествіе по желѣзной дорогѣ или на пароходѣ. Чтобы пріѣхать въ Европу съ Антильскихъ острововъ, всѣ они должны были переплыть Атлантическій океанъ. Но объ этомъ плаваніи они почти забыли. Самому старшему изъ нихъ не было и десяти лѣтъ, когда онъ прибылъ въ Европу. Поэтому море для нихъ представлялось полнымъ тайнъ и загадокъ. Плаваніе на «Рѣзвомъ» сулило имъ много новыхъ впечатлѣній. Самъ же «менторъ» впервые отваживался путешествовать по вѣроломной стихіи, но это доставляло ему удовольствіе.

«*Nos erat in votis*» *), повторялъ онъ слова, сказанныя тысяча восемьсотъ лѣтъ тому назадъ Горациемъ.

Выйдя изъ вагона въ Бристолѣ, вся компанія пересѣла въ пять часовъ утра на пакеботъ, совершающій правильные рейсы между Англіей и Ирландіей.

Эти быстроходные, красивые пакеботы, съ множествомъ каютъ, дѣлаютъ семнадцать миль въ часъ.

На морѣ было тихо. Дулъ легкій вѣтерокъ. Обыкновенно, миновавъ Мильфордскую гавань и Валлійскій мысъ, довольно трудно войти въ каналъ св. Георгія. Правда, половина дороги уже пройдена, но остальные полдня приносятъ пассажирамъ не мало пытки. На этотъ разъ этотъ переѣздъ напоминалъ прогулку на яхтѣ по спокойнымъ водамъ Шотландскихъ озеръ, Лемонда и Кэтринъ.

*) „Вотъ, чего я желалъ“.

М-ръ Горацій Паттерсонъ, не чувствуя приступовъ морской болѣзни въ каналѣ св. Георгія, дѣлалъ изъ этого самыя благопріятныя заключенія относительно будущаго. Впрочемъ, какъ онъ думалъ, здоровому, осторожному и энергичному человеку качка не страшна.

— Все дѣло въ силѣ воли!—повторялъ онъ.

Въ такомъ бодромъ настроеніи воспитатель и лауреаты пріѣхали въ Кинстоунъ. Осматривать Коркъ и Кинстоунъ было некогда.

Всѣ они стремились поскорѣе на «Рѣзвый», это предназначенное для нихъ прелестное парусное судно. Имъ хотѣлось занять поскорѣе каждому свою каюту, разгуливать по кораблю отъ бака до шканцевъ, разговаривать съ капитаномъ Пакстономъ и матросами, обѣдать въ каютъ-компаніи, видѣть, какъ корабль подниметъ паруса, и, если нужно, помогать морякамъ.

Они даже не подумали побродить по улицамъ Кинстоуна, и если бы «Рѣзвый» стоялъ въ самой гавани, м-ръ Паттерсонъ и его спутники тотчасъ же отправились бы на корабль. Было уже около девяти часовъ вечера. Отъѣздъ въ Фармарскую бухту пришлось отложить до слѣдующаго дня.

Это нѣсколько разочаровало мальчиковъ, надѣявшихся спать эту ночь уже на кораблѣ, въ подвѣшенныхъ одна надъ другою койкахъ, «спать, какъ въ комодѣ», говорилъ Тони Рено. Съ какимъ бы удовольствіемъ улеглись они въ эти койки-ящики!

Однако, отъѣздъ былъ отложенъ до утра. Луи Клодіонъ и Джонъ Говардъ съ вечера уговорились съ однимъ матросомъ, который взялся доставить ихъ на своей шлюпкѣ на мѣсто стоянки «Рѣзваго». На ихъ разспросы о мѣстоположеніи Фармарской бухты, морякъ сказалъ имъ, что она находится при входѣ въ заливъ, миляхъ въ двухъ разстоянія. Морякъ не прочь былъ даже доставить ихъ сейчасъ же въ бухту, если они пожелаютъ, и наиболѣе нетерпѣливые изъ нашихъ школьничковъ готовы были согласиться на его предложеніе. Какъ пріятна должна быть такая ночная прогулка по заливу въ такую тихую и теплую погоду!

Но м-ръ Паттерсонъ не согласился. Отъѣздъ назначенъ

30-го числа, они не опоздаютъ, если представятся капитану Пакстону и завтра. Раньше 30-го никто не ожидаетъ лауреатовъ. Между тѣмъ, уже наступаетъ ночь. На башенныхъ часахъ въ Кинстоунѣ пробило десять. Капитанъ Пакстонъ и весь экипажъ, можетъ быть, уже спать. Къ чему же будить ихъ?

— Ахъ!—воскликнулъ Тони Рено.—Если бы мы были уже на кораблѣ, «Рѣзвый» могъ бы отплыть сегодня же ночью!

— Напрасно вы такъ думаете, мистеръ,—сказалъ матросъ,—погода теперь не такая, чтобы поднять паруса; а этотъ штиль можетъ продолжаться нѣсколько дней!

— Вы полагаете?—спросилъ моряка м-ръ Паттерсонъ.

— Боюсь, что будетъ такъ!

— Въ такомъ случаѣ,—возразилъ м-ръ Паттерсонъ,—было бы благоразумнѣе остановиться въ гостиницѣ въ Коркѣ или Кинстоунѣ и обождать попутнаго вѣтра!

— Ахъ! М-ръ Паттерсонъ, м-ръ Паттерсонъ!—въ отчаяніи вскричали Магнусъ Андерсъ и другіе товарищи.

— Но, друзья мои...

Начали спорить, и дѣло кончилось тѣмъ, что рѣшено было переночевать въ гостиницѣ, а рано утромъ, пользуясь морскимъ отливомъ, перебраться на нанятой шлюпкѣ, вмѣстѣ съ багажомъ, на корабль.

Съ свойственной казначею расчетливостью, м-ръ Паттерсонъ сообразилъ, что содержаніе на кораблѣ не будетъ стоить ничего, тогда какъ въ гостиницѣ придется платить. Кромѣ того, никто не помѣшаетъ имъ вернуться въ Коркъ и Кинстоунъ, если по причинѣ безвѣтрія придется отложить отъѣздъ.

М-ръ Паттерсонъ и школьники остановились въ гостиницѣ на набережной. Они проспали ночь богатырскимъ сномъ, а утромъ, послѣ чаю съ тартинками, сѣли въ шлюпку, которая должна была отвезти ихъ на «Рѣзвый».

Какъ уже было упомянуто, въ это время туманъ разсѣялся. Когда лодка прошла одну милю, изъ-за мыса, закрывавшаго ее съ сѣверной стороны, показалась Фармарская бухта.

— «Рѣзвый»!—воскликнулъ Тони Рено, указывая на единственное стоявшее на якорѣ судно.

— Онъ самый и есть,—отвѣчалъ владѣлецъ шлюпки.— Важный корабль, что и говорить!

— Знаете вы капитана Пакстона?—спросилъ Луи Клодѣонъ.

— Нѣтъ, онъ рѣдко бывалъ на берегу. Но, говорятъ, морякъ онъ прекрасный, да и экипажъ у него весь, какъ на подборъ!

— Славный трехмачтовый корабликъ! — восхищался Тони Рено; Магнусъ Андерсъ не отставалъ отъ него.

— Настоящая яхта!—сказалъ Рожеръ Гинсдаль, чувствуя себя польщеннымъ тѣмъ, что м-съ Китленъ Сеймуръ предоставила къ ихъ услугамъ такой великолѣпный корабль.

Четверть часа спустя, шлюпка причаливала къ «Рѣзвому» у трапа штирборта.

Мы уже знаемъ, что владѣлецъ шлюпки и оба матроса остались въ лодкѣ и тотчасъ же пустились въ обратный путь.

Знаемъ также, что Гарри Маркелъ представился пассажирамъ подъ именемъ капитана Пакстона. Джонъ Карпенгеръ, въ качествѣ боцмана, предложилъ имъ проводить ихъ въ каюты.

Между тѣмъ, м-ръ Паттерсонъ продолжалъ разсыпаться въ комплиментахъ передъ капитаномъ. Онъ очень радъ, что м-съ Китленъ Сеймуръ довѣрила судьбу компаніи юныхъ экскурсантовъ такому извѣстному, пользующемуся такою прекрасной репутаціей въ мірѣ моряковъ капитану. Отваживаясь отправиться въ царство Нептуна, они, конечно, рискуютъ. Но имъ не страшенъ гнѣвъ Нептуна на такомъ прекрасномъ кораблѣ, какъ «Рѣзвый», подъ командой капитана Пакстона, при наличности опытнаго экипажа...

Гарри Маркелъ холодно слушалъ эти торжественныя и любезныя рѣчи. Онъ отвѣтилъ только, что онъ и его люди постараются сдѣлать все, чтобы пассажиры «Рѣзвого» ни въ чемъ не нуждались во время плаванія.

Теперь надо было осмотрѣть корабль «отъ кпня до клоктика», какъ выражался Тони Рено.

Нѣтъ ничего удивительнаго, что мальчики все хотѣли знать и видѣть. Вѣдь корабль въ продолженіе трехъ мѣсяцевъ будетъ

имъ замѣнять домъ. «Рѣзвый» казался имъ частицею Антильской школы, оторванной отъ Ирландіи.

Сначала осмотрѣли помѣщающуюся на ютѣ каютъ-компанію, гдѣ пассажиры будутъ обѣдать за общимъ столомъ, гдѣ стулья съ подвижными спинками, лампы—висячія, всѣ предметы прикрѣплены къ проходящей посреди стола бизань-мачтѣ, куда дневной свѣтъ проникаетъ черезъ рѣшетчатое отверстіе. Побывали и въ камбузѣ; тарелки, графины, стаканы, все прикрѣплено и привѣшено на случай боковой или килевой качки.

Въ каждой изъ расположенныхъ по обѣ стороны корабля каютъ была койка, умывальный столикъ, шкафчикъ. Каюты освѣщались иллюминаторами съ чечевицеобразными стеклами. Въ каютахъ по лѣвую сторону судна должны были помѣститься, группируясь по національности: Губертъ Перкинсъ и Джонъ Говардъ въ первой каютѣ; Рожеръ Гинсдаль долженъ былъ одинъ занимать отдѣльную каюту; Луи Клодіонъ и Тони Рено поселятся въ третьей; четвертая каюта на правой сторонѣ судна предназначалась для Нильса Арбо и Аксея Викборна, пятая—для Альберта Льювена, а шестая—для Магнуса Андерса.

Каюта м-ра Горація Паттерсона была нѣсколько просторнѣе каютъ школьниковъ, она выходила окномъ на ютъ и помѣщалась противъ каюты капитана. Онъ могъ, если желалъ, вообразить себя подшкиперомъ корабля и нашить на рукава скрутка галунъ въ два ряда.

М-съ Китленъ Сеймуръ предусмотрительно позаботилась объ удобствѣ и здоровьѣ молодыхъ антильцевъ. Правда, на кораблѣ не было врача, но не было основаній опасаться серьезныхъ заболѣваній во время сравнительно короткаго путешествія. М-ръ Паттерсонъ будетъ слѣдить, чтобы никто изъ школьниковъ не сдѣлалъ какой-нибудь неосторожности. Въ корабельной аптечкѣ большой запасъ общеупотребительныхъ медицинскихъ средствъ. Въ дурную погоду, во время шквала, пассажиры могутъ переодѣться въ матросское платье: куртка и непромокаемые плащи висѣли на готовѣ въ каждой каютѣ.

Тони Рено и еще нѣсколько школьниковъ пожелали немедленно по прибытіи на корабль превратиться въ матросовъ.

Что касается м-ра Паттерсона, онъ остался вѣренъ своему цилиндру, черному сюртуку и бѣлому галстуку. Переодѣться въ шкиперскій китель и надѣть форменную фуражку казалось ему несоотвѣтствующимъ его почтенному возрасту.

Впрочемъ, незачѣмъ было и измѣнять своихъ привычекъ въ эту тихую погоду, на спокойныхъ водахъ Коркского залива, когда корабль стоялъ неподвижно, не ощущая даже зыби. Если бы не отсутствіе м-съ Паттерсонъ, онъ могъ бы думать, что находится въ собственной квартирѣ, въ Антильской школѣ. Можетъ быть, даже единственной разницей между Фармарской бухтой и Оксфордской улицей казалось ему отсутствіе прохожихъ.

Когда чемоданы были водворены на свои мѣста, мальчики пошли осматривать корабль подъ предводительствомъ Джона Карпентера, отвѣчавшаго на всѣ вопросы, задаваемые, главнымъ образомъ, Тони Рено и Мангусомъ Андерсомъ. Наши будущіе моряки особенно заинтересовались на ютѣ рулевымъ колесомъ и нактоузомъ. У нихъ такъ и чесались руки повернуть руль въ направленіи нордъ-нордъ-остъ или зюйдъ-зюйдъ-вестъ. На палубѣ мальчики осмотрѣли привѣшенные вдоль борта шлюпки и поднятый надъ кормою ялботъ. Въ кухнѣ, помѣщавшейся передъ фокъ-мачтою, подъ руководствомъ Рени Кофа, приготовляли завтракъ. М-ръ Горацій Паттерсонъ замѣтилъ Рени Кофу, что онъ типичный «африканскій красавецъ». Молодежь осмотрѣла также помѣщеніе матросовъ, которые не возбудили въ пассажирахъ никакого недовѣрія, бакъ и шканцы, шпиль, одинъ изъ двухъ якорей, прикрѣпленный къ правой сторонѣ борта, тогда какъ другой, съ лѣвой стороны, былъ спущенъ.

Осталось только осмотрѣть трюмъ.

М-ръ Паттерсонъ не рѣшился сопровождать своихъ питомцевъ въ это мрачное помѣщеніе корабля. Въ самомъ дѣлѣ, тамъ не было даже лѣстницы, приходилось спускаться по зарубкамъ, сдѣланнымъ въ пиллерсѣ. Онъ не спустился въ трюмъ, не рѣшился также взобраться по выбленкамъ на марсъ, на фокъ-мачту или пролѣзть черезъ собачью дыру. Зато маль-

Чики ловко спустились въ трюмъ «Рѣзваго», гдѣ сложены были чугунныя баластины. Молодежь обошла трюмъ отъ носовой части, откуда лѣстница вела въ помѣщеніе экипажа, до кормовой части, отдѣленной непроницаемой для воды металлической перегородкой отъ баталеръ-камеры. Тутъ сложены были паруса, снасти, запасныя слегі, а также ящики съ консервами, боченки съ виномъ и водой, мѣшки съ мукой. Въ самомъ дѣлѣ, припасовъ на «Рѣзвѣ» было столько, что ихъ хватило бы для кругосвѣтнаго плаванія.

Осмотрѣвъ трюмъ, мальчики возвратились на ютъ, гдѣ застали своего воспитателя въ обществѣ капитана. Они толковали о томъ, о семъ. М-ръ Паттерсонъ говорилъ съ обыкновенною изысканностью выраженій, Гарри Маркелъ отвѣчалъ короткими фразами. «Добрый морякъ не слишкомъ общителенъ!» — думалъ про него м-ръ Паттерсонъ.

Тони Рено сталъ хлопотать около руля, осматривать нактоузъ съ компасомъ, вертѣлъ колесо направо и налѣво, какъ заправскій рулевой.

— Капитанъ,—не вытерпѣлъ онъ, наконецъ, — позвольте намъ иногда, ну, въ хорошую погоду, что ли, управлять кораблемъ!

— Гм!.. — промычалъ м-ръ Паттерсонъ. — Не знаю, осторожно ли...

— Не бойтесь, м-ръ Паттерсонъ. Вы не станете жертвою кораблекрушенія!—успокоилъ его Тони Рено.

Гарри Маркелъ только кивнулъ головой въ знакъ согласія.

О чемъ думалъ этотъ человѣкъ? Ужъ не закралась ли въ душу его искра жалости при видѣ этихъ беззаботныхъ юношей, радовавшихся, что они на кораблѣ? О, нѣтъ! Наступить ночь, и тогда онъ не пощадитъ ни одного изъ нихъ.

Но вотъ послышался звонъ корабельнаго колокола.

— Это насъ приглашаютъ къ завтраку!—сказалъ Луи Клодіонъ.

— Мы ему сдѣлаемъ честь!—отвѣтилъ м-ръ Гораций Паттерсонъ.—Я голоденъ, какъ волкъ!

— Морской волкъ!—поправилъ Тони Рено.

— *Lupus maritimus!*—перевелъ м-ръ Паттерсонъ.

Дѣйствительно, завтракъ былъ поданъ. Гарри Маркель извинился, сказавъ, что привыкъ завтракать у себя въ каютѣ и не будетъ предсѣдательствовать за столомъ.

Сѣли за столъ. Молодежь ѣла и только похваливала все, что имъ подавали: яйца, холодное мясо, свѣжую рыбу, чай, сухари. Впрочемъ, молодые желудки невзыскательны, особенно послѣ утренней прогулки. Самъ м-ръ Паттерсонъ скушалъ вдвое больше того, что имѣлъ обыкновеніе сѣдять въ столовой Антильской школы.

Послѣ завтрака вся компанія отправилась къ Гарри Маркелу на ютъ.

— Капитанъ,—обратился къ нему Луп Клодіонъ, отъ имени товарищей,—когда, вы думаете, можно будетъ поднять паруса?

— Какъ только подуетъ вѣтеръ,—отвѣчалъ Гарри Маркель, понимавшій цѣль вопроса.—А это можетъ случиться каждую минуту!

— А если вѣтеръ будетъ не попутный?—спросилъ м-ръ Горацій Паттерсонъ.

— Это не помѣшало бы пуститься въ путь. Нуженъ только вѣтеръ. Откуда онъ подуетъ,—безразлично!

— Ну, да, можно лавировать!—сказалъ Тони Рено.

— Совершенно вѣрно!—отвѣтилъ Гарри Маркель.

Что можетъ быть красивѣе движеній лавирующаго корабля съ вздутыми отъ вѣтра парусами!

— Но можно ли надѣяться, капитанъ, что вѣтеръ будетъ?—спросилъ Нильсъ Арбо.

— Хоть послѣ полудня?—вставилъ Джонъ Говардъ.

— Я надѣюсь,—отвѣчалъ Гарри Маркель.—Штиль продолжается уже около шестидесяти часовъ. Можно предполагать, что погода переменится!

— Капитанъ,—спросилъ Роджеръ Гинсдаль,—намъ хотѣлось бы знать, есть ли вѣроятіе, что «Резвый» снимется съ якоря сегодня?

— Господа, это весьма возможно. Барометръ падаетъ... Впрочемъ, я ничего не могу утверждать!

— Въ такомъ случаѣ,—сказалъ Луи Клодіонъ,—мы могли бы провести сегодняшній день на берегу!

— Да, да!—подхватили хоромъ товарищи.

Гарри Маркель никакъ не могъ согласиться на это предложеніе. Онъ ни за что не отпустить никого на берегъ, ни изъ пассажировъ, ни изъ экипажа. Это еще болѣе ухудшило бы и безъ того опасное положеніе.

М-ръ Паттерсонъ, съ своей стороны, поддержалъ просьбу школьниковъ, уснащая свою рѣчь приличными случаю цитатами. Ни онъ, ни его молодые друзья не знаютъ Корка и Кинстоуна. Наканунѣ они не успѣли осмотрѣть эти города. Говорятъ, что окрестности ихъ очень интересны, особенно деревня Блэрней, жители которой славятся своимъ хвастовствомъ—это сущіе ирландскіе гасконцы. Рассказываютъ, что тамъ есть замокъ... приложившись губами къ одному изъ камней его, станешь на вѣки лжецомъ...

Воспитанники вторили воспитателю. Чтобы спустить одну изъ шлюпокъ «Рѣзваго», достаточно получаса времени. Два матроса доставятъ ихъ въ гавань, а къ вечеру они общаются вернуться,

— Послушайте, капитанъ,—продолжалъ м-ръ Паттерсонъ,—мы просимъ, умоляемъ васъ!

— Я охотно уступилъ бы,—отвѣтилъ довольно рѣзко Гарри Маркель,—но не могу. Сегодня день, назначенный для отбѣзда. Вѣтру мало, но, въ крайнемъ случаѣ, изъ Коркского залива можно выйти даже съ помощью морского отлива!

— Но если, выйдя въ открытое море, мы все-таки не сможемъ продолжать путь?—замѣтилъ Луи Клодіонъ.

— Мы встанемъ на якорь вблизи берега,—отвѣчалъ Гарри Маркель.—Хорошо будетъ уже и то, что «Рѣзвый» выйдетъ изъ Фармарской бухты. Въ открытомъ морѣ скорѣе можно ожидать вѣтра, чѣмъ въ этой защищенной со всѣхъ сторонъ бухтѣ!

Дороды были довольно вѣски, и, кромѣ того, слѣдовало до вѣрять капитану.

— Прошу васъ, господа, откажитесь отъ плана ѣхать на

берегъ,—продолжалъ онъ.—Въ противномъ случаѣ мы пропустимъ время морского отлива!

— Хорошо, капитанъ,—отвѣчалъ м-ръ Паттерсонъ,—мы не будемъ настаивать!

Скоро утѣшились и мальчики. Двое изъ нихъ, впрочемъ, и не желали ѣхать на берегъ. Это были, какъ читатель, вѣроятно, догадался, Магнусъ Андерсъ и Тони Рено. Они рады были остаться на кораблѣ. Сѣвъ на корабль, они рѣшили даже не выходить нигдѣ на берегъ, пока не прибудутъ въ одинъ изъ Антильскихъ портовъ. Ну, что, если подуетъ вѣтеръ, а кораблю нельзя будетъ сняться съ якоря, потому что пассажирамъ вздумалось осматривать Кортъ и Кинстоунъ, и они не всѣ въ сборѣ? А впереди могутъ быть еще болѣе продолжительныя стоянки! Что скажетъ м-съ Китленъ Сеймуръ? Что подумаетъ директоръ Антильской школы? Отвѣтственность падетъ на наставника, который и понялъ всю важность этого послѣдняго довода.

Вопросъ былъ исчерпанъ. Рѣшено остаться на кораблѣ. Зашла рѣчь о путешествіи, и Гарри Маркелъ не могъ уклониться отъ разговора. Роджеръ Гинсдаль спросилъ, плавалъ ли уже «Рѣзвый» между Англіей и Антильскими островами.

— Нѣтъ,—отвѣчалъ Гарри Маркелъ,—нашъ корабль совершилъ только два плаванія въ Индійскій океанъ!

— А вы, капитанъ, бывали раньше на Антильскихъ островахъ?—спросилъ Губертъ Перкинсъ.

— Нѣтъ, не бывалъ!

— Значитъ, моряки не боятся плыть въ совершенно незнакомыя имъ мѣста?—замѣтилъ м-ръ Паттерсонъ.

— Еще бы!—вскричалъ Тони Рено.—Съ завязанными глазами!

— Нѣтъ,—отвѣчалъ Гарри Маркелъ,—не съ завязанными глазами, а опредѣливъ на картѣ мѣсто, гдѣ находится судно, изучивъ внимательно карту, намѣтивъ направленіе, въ которомъ надо идти!

— И мы увидимъ, какъ все это дѣлается?—спросилъ Магнусъ Андерсъ.

— Да, но при условіи, что мы выйдемъ въ море, а не будемъ сидѣть здѣсь, въ заливѣ!

Луи Клодіонъ и его товарищи примирились, наконецъ, съ мыслью остаться на кораблѣ. Хотя имъ и не позволили поѣхать на берегъ, день, проведенный на кораблѣ, не могъ показаться имъ длиннымъ. Нѣтъ, имъ даже не пришлось въ голову попросить отвезти ихъ на плоскій песчаный берегъ. Въ этомъ Гарри Маркелъ не могъ бы отказать, потому что это не могло угрожать никакою опасностью. Мальчики садились на скамейки юта, качались въ креслахъ-качалкахъ, прогуливались по палубѣ, взбирались на марсъ—было чѣмъ убить время, не скучая.

Коркскій заливъ и во время штиля кишѣлъ жизнью. Несмотря на безвѣтріе, движеніе въ Кинстоунскомъ портѣ не прекращалось. Зрительныя трубы воспитанниковъ и особенно довольно большая зрительная труба м-ра Горация Паттерсона (она была длиною въ два фута четыре дюйма) передавались изъ рукъ въ руки. Мальчики внимательно слѣдили, какъ сновали взадъ и впередъ рыбацкія лодки, паровые баркасы, обслуживающіе побережье, буксиры, отвозившіе парусныя суда, спѣшившія выйти изъ гавани, трансатлантическіе и другіе пароходы.

Послѣ столь же обильнаго и вкуснаго, какъ и завтракъ, обѣда, по поводу котораго м-ръ Гораций Паттерсонъ высказалъ Рени Кофу вполне заслуженную похвалу, пассажиры снова перешли на ютъ. Гарри Маркелъ сообщилъ имъ, что съ берега подулъ легкій вѣтерокъ. При такихъ условіяхъ черезъ часъ можно будетъ уже сняться съ якоря.

Это извѣстіе было встрѣчено съ восторгомъ.

На сѣверо-востокъ показались предвѣщавшія переменѣ погоды облачка. Лучше было бы, еслибы облака появились со стороны моря, а не съ берега, но все-таки «Рѣзвый» могъ сняться съ якоря; лишь только бы обогнуть мысъ Рокъ, а тамъ видно будетъ, что дѣлать.

— На палубу!—скомандовалъ Гарри Маркелъ.—Берись за якорь!

Нѣсколько человѣкъ бросились къ брашпилю. Мальчики стали

помогать имъ. Тѣмъ временемъ отдали снасти, подняли паруса, подняли реи. Когда якорь былъ поднятъ на крамболъ, трехмачтовый корабль подъ фокомъ, кливерами, марселями, брамселями и лиселями далъ ходъ и черезъ нѣсколько минутъ обогнулъ мысъ Фармарской бухты.

Въ вечернихъ газетахъ этого же дня уже можно было прочитать извѣстiе, что трехмачтовое судно «Рѣзвый», подъ командой капитана Пакстона, съ лауретами Антильской школы въ качествѣ пассажировъ, отплыло въ море, имѣя мѣстомъ назначенiя Антильскiе острова.

IX.

Въ виду берега.

«Рѣзвый» отплылъ изъ Коркскаго залива около семи часовъ вечера. Мысъ Рокъ оставался влѣво, песчаный берегъ Коркскаго графства въ западномъ направленiи, въ нѣсколькихъ миляхъ разстоянiя.

Въ то время, какъ передъ ними открылось необъятное море, пассажиры смотрѣли на утопавшiе въ вечернихъ сумеркахъ горы южнаго побережья Ирландiи. Тентъ надъ ютомъ былъ снятъ въ виду наступающей ночи. Съ невольнымъ волненiемъ мальчики смотрѣли въ даль. Воспоминанiе о путешествiи моремъ съ Антильскихъ острововъ въ Европу почти изгладилось изъ ихъ памяти.

Теперь воображенiе живо рисовало имъ предстоящее далекое плаванiе на родину. Экскурси въ глубь страны, изслѣдованiя, приключенiя, открытiя—вотъ волшебныя выраженiя изъ словаря туристовъ, которыя мелькали у нихъ въ головѣ. Они припоминали прочитанные ими рассказы, особенно тѣ, которые они читали въ послѣднiе дни своего пребыванiя въ Антильской школѣ. О, сколько рассказовъ о путешествiяхъ поглотили они еще въ то время, когда не знали, куда повезъ ихъ «Рѣзвый»! Сколько атласовъ и географическихъ картъ пересмотрѣли они!

Надо выкинуть въ то крайне возбужденное состоянiе, въ которомъ находились эти полныя ожиданiй и горячихъ желанiй

молодые головы. Теперь, зная уже цѣль путешествія, очень простую и доступную, они все-таки находились еще подъ впечатлѣніемъ прочитаннаго. Имъ казалось, что они, какъ знаменитые путешественники, отправляются въ дальнія экспедиціи, завладѣваютъ новыми землями, водружаютъ на нихъ свой національный флагъ. Всѣ представляли себя Христофорами Колумбами въ Америкѣ, Васко де Гамой въ Индіи, Магелланомъ въ Огненной Землѣ, Жакомъ Картье въ Канадѣ, Джемсомъ Кукомъ на островахъ Тихаго океана, Дюмономъ-Дюрвиллемъ въ Новой Зеландіи и въ арктическихъ странахъ, Ливингстономъ и Стэнли въ Африкѣ, Гудсономъ Пирри и Джамсомъ Россомъ на сѣверномъ полюсѣ. Они повторяли, вмѣстѣ съ Шатобрианомъ, что земной шаръ слишкомъ малъ, такъ какъ его можно объѣхать кругомъ, они жалѣли, что существуетъ только пять, а не двѣнадцать частей свѣта. Имъ казалось, что они уже далеко, далеко, хотя «Рѣзвый» только начиналъ свое плаваніе и былъ еще въ британскихъ водахъ.

Впрочемъ, покидая Европу, всѣ они охотно послали бы послѣдній привѣтъ своей родинѣ: Луи Клодіонъ и Тони Рено—Франціи, Нильсъ Арбо и Аксель Викборнъ—Даніи, Альбертъ Льювенъ—Голландіи, Магнусъ Андерсъ—Швеціи; но объ этомъ нечего было и думать.

Только Рожеръ Гинсдаль, Джонъ Говардъ и Губертъ Перкинсъ могли дѣйствительно проститься съ Ирландіей, которая, вмѣстѣ съ Великобританіей и Шотландіей, составляетъ Соединенное Королевство.

Начиная съ завтрашняго дня, они выйдутъ изъ канала Св. Георгія и не увидятъ больше на своемъ пути ни материка, ни островка вплоть до моря, омывающаго берега Америки, гдѣ каждый изъ нихъ найдетъ снова какъ бы клочекъ того, что онъ покинулъ въ Европѣ.

Британскій берегъ еще довольно долго видѣлся на горизонтѣ.

Поднявшійся вѣтерокъ далъ возможность «Рѣзвому» сняться съ якоря и выйти изъ Фармарской бухты. Но это былъ слабый береговой вѣтеръ, въ нѣсколькихъ миляхъ отъ берега, въ открытомъ морѣ, онъ уже замеръ.

Чтобы выйти изъ канала Св. Георгія, «Рѣзвый» долженъ былъ поворотить на зюйдъ-востъ. Капитанъ Пакстонъ навѣрно такъ и сдѣлалъ бы. Если бы ему удалось пройти такимъ образомъ миль сто, быть можетъ, въ открытомъ морѣ онъ встрѣтилъ бы болѣе сильный вѣтеръ. У Гарри Маркела были инныя намѣренія. Выйдя изъ канала, онъ направилъ корабль въ южномъ направленіи.

Кромѣ того, онъ хотѣлъ ночью какъ можно дальше удалиться отъ берега и многочисленныхъ судовъ, стоявшихъ у побережья по случаю безвѣтрія.

На морѣ былъ мертвый штиль. Ни зыби, ни малѣйшаго волненія ни у берега, ни у кормы корабля. Воды Ирландскаго моря спокойно сливались съ водами Атлантическаго океана.

На кораблѣ не ощущалось ни малѣйшей качки, точно онъ плылъ по озеру или по рѣкѣ. Вслѣдствіе близости берега, не было даже боковой качки, и м-ръ Гораций Паттерсонъ радовался при мысли, что успѣетъ привыкнуть къ морю и научится ходить на кораблѣ во время качки.

Пассажиры примирились съ своимъ положеніемъ, да другого ничего и не оставалось дѣлать. Но Гарри Маркела и его экипажъ сильно беспокоила близость берега. Правительство могло выслать разсыльное судно въ устье канала Св. Георгія для осмотра всѣхъ вышедшихъ изъ Коркской гавани кораблей.

Къ беспокойству примѣшивался еще и гнѣвъ, и Гарри Маркель не зналъ, сумѣетъ ли онъ сдержать его. Корти и остальные пираты строили такія рожи, что, того и гляди, перепугаютъ пассажировъ.

Тщетно старались Гарри и Джонъ Карпентеръ воздѣйствовать на экипажъ. Такое явное недовольство и раздраженіе никакъ не можетъ быть объяснено неблагоприятной погодой. Вѣдь ужъ если запоздалый отъѣздъ неприятенъ кому-нибудь, такъ это м-ру Паттерсону и его юнымъ спутникамъ, а матросамъ, привычнымъ къ морю, не все ли равно?

Гарри Маркель и Джонъ Карпентеръ ходили взадъ и впередъ по палубѣ корабля и обсуждали положеніе. Наконецъ, Джонъ Карпентеръ сказалъ:

— Ну, Гарри, скоро стемнѣетъ. Развѣ нельзя въ двухъ миляхъ отъ берега рискнуть на то, что мы уже сдѣлали въ Корескомъ заливѣ, когда расправились съ экипажемъ «Рѣз-ваго?»

— Ты забываешь, Джонъ, — отвѣчалъ Гарри Маркель, — что тогда намъ не оставалось иного выхода; надо было поступить такъ, чтобы завладѣть кораблемъ!

— Но, Гарри, что можетъ помѣшать намъ покончить всѣ счеты съ пассажирами, когда они будутъ спать въ каютахъ?

— Что можетъ помѣшать, Джонъ?

— Да, — продолжалъ Джонъ Карпентеръ. — Они съѣли на корабль. «Рѣзвый» вышелъ изъ залива. Никто не придетъ на вѣщать ихъ на корабль!

— Ты думаешь? Но когда береговой телеграфъ дастъ знать въ Кинстоунъ, что корабль заштилелъ, можетъ быть, друзья придутъ сюда, чтобы еще разъ проститься съ пассажирами. Что будетъ, когда они не найдутъ ихъ на корабль?

— Признайся, Гарри, что это мало вѣроятно!

Невѣроятно, но возможно. Если «Рѣзвый» утромъ будетъ въ виду берега, къ нему могутъ подплыть шлюпки. Однако, товарищи Маркела не сдавались на его доводы. Лишь только смеркнется, опять разыграется ужасная драма.

Уже вечерѣло. Послѣ жаркаго дня наступила ночная прохлада. Пройдетъ еще восемь часовъ, и солнце скроется за облачнымъ горизонтомъ. Трудно ожидать какихъ-нибудь переменъ погоды.

Мальчики сидѣли на ютѣ и не торопились расходиться по каютамъ. Простившись съ ними, м-ръ Паттерсонъ пошелъ въ свою каюту и совершалъ свой ночной туалетъ. Онъ раздѣлся, повѣсивъ свое платье на мѣсто, которое предназначено для него на все плаваніе. Потомъ надѣвъ на голову черную шелковую шапочку, растянулся на койкѣ. Последняя мысль его передъ сномъ была:

«Бѣдная м-съ Паттерсонъ! Я огорчилъ ее своею предусмотрительностью, но, какъ благоразумный человѣкъ, я не могъ поступить иначе. Я все заглажу, когда вернусь!»

Несмотря на штиль, «Рѣзвый» подчинялся вліянію довольно сильнаго при входѣ въ каналъ Св. Георгія теченія. Морскимъ приливомъ корабль прибывало къ берегу. Гарри Маркель пуще всего боялся, чтобы его не отнесло къ сѣверу, къ Ирландскому морю. Боялся онъ также, чтобы «Рѣзвый» не сѣлъ на мель вблизи побережья. Сняться съ мели, конечно, не трудно въ такую тихую погоду; но каково будетъ положеніе бѣглецовъ, вынужденныхъ выйти на берегъ въ то время, какъ полиція продолжаетъ розыски въ окрестностяхъ Кинстоуна и Корка!

Въ виду «Рѣзваго» стояло на якорѣ до сотни парусныхъ судовъ, которыя не могли выйти изъ гавани. Простоятъ они до утра. Они бросили якорь, чтобы ихъ не отнесло ночнымъ приливомъ.

Въ десять часовъ вечера «Рѣзваго» отдѣляло отъ берега разстояніе всего въ полмили. Его отнесло немного на востокъ къ берегу Ребергсъ-Ковъ.

Нельзя было терять времени, и Гарри Маркель позвалъ людей, чтобы бросить якорь.

Услышавъ голосъ капитана, Луи Клодіонъ, Роджеръ Гинсдаль и другіе поспѣшили къ нему.

— Вы хотите бросить якорь, капитанъ Пакстонъ?—спросилъ Тони Рено.

— Да, сейчасъ. Приливъ становится сильнѣе. Мы слишкомъ близко отъ берега, и я опасаюсь, чтобы корабль не сѣлъ на мель!

— Значить, нѣтъ надежды, что подуетъ вѣтеръ?—продолжалъ Роджеръ Гинсдаль.

— Пока нѣтъ!

— Это, наконецъ, скучно!—сказалъ Нильсъ Арбо.

— И даже очень!

— Можетъ быть, въ открытомъ морѣ будетъ вѣтеръ?—подумалъ Магнусъ Андерсъ.

— Мы постараемся имъ воспользоваться,—возразилъ Гарри Маркель;—«Рѣзвый» стоитъ только на одномъ якорѣ!

— Въ такомъ случаѣ, вы насъ предупредите, капитанъ, чтобы мы могли помочь при подъемѣ парусовъ?—попросилъ Тони Рено.

— Обѣщаю вамъ это!

— Да, мы васъ разбудимъ! — насмѣшливо сказалъ Джонъ Карпентеръ.

Рѣшено было остановиться въ четверти мили отъ берега, который въ этомъ мѣстѣ образовалъ нѣчто вродѣ бухты, замыкаемой на западѣ мысомъ. Бросили якорь съ бакборта, и «Рѣзвый» обратился кормою къ побережью.

Послѣ этого пассажиры разошлись по своимъ каютамъ и скоро заснули безмятежнымъ сномъ.

Что же будетъ теперь дѣлать Гарри Маркель? Уступить ли онъ требованіямъ своего экипажа? Совершится ли ночью новое убійство? Или же осторожность заставитъ отложить этотъ замыселъ до болѣе благопріятнаго времени?

Вѣроятное всего послѣднее предположеніе. Въ Фармарской бухтѣ «Рѣзвый» стоялъ совершенно одинъ. Здѣсь, въ виду Робертсъ-Кова, онъ окруженъ многочисленными судами, заштиливавшими при входѣ въ каналъ Св. Георгія. Какъ и «Рѣзвый», они почти всѣ бросили якорь, чтобы морскимъ приливомъ ихъ не отнесло къ берегу. Два или три изъ нихъ стояли всего въ какомъ-нибудь кабельтовѣ разстоянія отъ «Рѣзваго». Ну, какъ же тутъ рискнуть выбросить пассажировъ за бортъ? Напасть на нихъ врасплохъ во время сна нетрудно, но они могутъ сопротивляться, звать на помощь, и крики ихъ могутъ услышать часовые съ другихъ судовъ.

Гарри Маркелу съ трудомъ удалось убѣдить въ этомъ Джона Карпентера, Корти и другихъ негодяевъ, настаивавшихъ на убійствѣ пассажировъ. Будь «Рѣзвый» четырьмя, пятью милями дальше въ открытомъ морѣ, это была бы послѣдняя ночь въ жизни м-ра Паттерсона и молодыхъ лауреатовъ Антильской школы.

На слѣдующій день, въ пять часовъ утра, Луи Клодіонъ, Роджеръ Гинсдаль и другіе товарищи ходили взадъ и впередъ на ютѣ, между тѣмъ какъ м-ръ Паттерсонъ еще вѣжился въ постели.

Ни Гарри Маркель, ни боцманъ еще не вставали. Бесѣда ихъ затянулась наканунѣ далеко за полночь. Они не ждали

вѣтра, и вѣтра не было, ни морского, ни берегового. Если бы вѣтра было достаточно, чтобы наполнять хоть верхніе паруса, они сейчасъ же подняли бы якорь, конечно, не подумавъ разбудить пассажировъ, и уплыли бы отъ этой флотиліи окружавшихъ ихъ кораблей. Но въ четыре часа вода стояла низко, начинался отливъ. Они потеряли всякую надежду удалиться отъ Робертсъ-Кова и разошлись по своимъ каютамъ, чтобы отдохнуть нѣсколько часовъ.

Мальчики застали только Корти на кормѣ, да двухъ матросовъ, стоявшихъ на часахъ на носу корабля.

Они спросили у Корти:

— Ну, какъ погода?

— Слишкомъ хороша!

— Вѣтру нѣтъ?

— Свѣча не погаснетъ!

Въ это время солнце вставало на горизонтѣ, выплывая изъ теплаго тумана. Туманъ этотъ быстро разсѣялся, и море заискрилось, заблестѣло подъ первыми лучами нарождающагося дня.

Въ семь часовъ Гарри Маркель вышелъ изъ своей каюты и встрѣтилъ м-ра Паттерсона. М-ръ Паттерсонъ поздоровался съ капитаномъ въ любезныхъ и изысканныхъ выраженіяхъ; капитанъ отвѣтилъ сухимъ поклономъ.

М-ръ Паттерсонъ поднялся на ютъ, гдѣ засталъ въ сборѣ всю компанію.

— Ну-съ, мои юные лауреаты,—сказалъ онъ,—не сегодня ли мы начнемъ разрѣзать волны морскія?

— Боюсь, какъ бы намъ не пришлось потерять бесполезно еще и сегодняшний день, м-ръ Паттерсонъ!—отвѣчалъ Роджеръ Гинсдаль, указывая на спокойное море, на которомъ рябила чуть замѣтная зыбь.

— Итакъ, когда наступитъ вечеръ, я буду въ правѣ воскликнуть вмѣстѣ съ Титомъ «*diem perdidit!*» *).

— Вполнѣ,—отвѣчалъ Луи Клодіонъ,—но Титъ говорилъ это, когда ему не удавалось сдѣлать въ теченіе дня ни одного

*) „Я потерялъ день!“.

добраго дѣла, мы же только потому, что намъ не удалось отплыть!

Тѣмъ временемъ Корти шепнулъ въ полголоса Гарри Маркелу и Джону Карпентеру, которые разговаривали на носу.

— Берегитесь!

— Что случилось?—спросилъ боцманъ.

— Смотрите, но сами не показывайтесь!—отвѣчалъ Корти, указывая пальцемъ по направленію высокихъ утесовъ берега.

На горномъ хребтѣ показалась группа людей человѣкъ въ двадцать. Они двигались, смотрѣли то на берегъ, то на море.

— Это полицейскіе...—сказалъ Корти.

— Да!—отвѣчалъ Гарри Маркель.

— И я знаю, чего они ищутъ!—прибавилъ боцманъ.

Гарри Маркель командовалъ матросамъ уйти съ палубы. Всѣ спрятались.

Гарри Маркель и оба товарища остались на палубѣ; они подошли, однако, къ сѣткамъ бакборта, чтобы ихъ не могли видѣть, въ то время какъ они сами будутъ наблюдать за полицейскими.

Дѣйствительно, то былъ отрядъ полицейскихъ, посланный въ погоню за бѣглецами. Обыскавъ бесполезно гавань и городъ, они продолжали свои поиски и на побережьѣ. Казалось, они вглядывались въ «Рѣзвый» съ особеннымъ вниманіемъ.

Трудно было, однако, предположить, что они догадались, что Гарри Маркель и его шайка скрылись на «Рѣзвомъ», которымъ завладѣли наканунѣ въ Фармарской бухтѣ. Впрочемъ, передъ Робертсъ-Ковомъ стояло много кораблей. Нечего было и думать произвести обыскъ на всѣхъ судахъ, хотя можно было произвести его только на тѣхъ корабляхъ, которые въ эту ночь вышли изъ Коркского залива, а агентамъ, разумѣется, было извѣстно, что «Рѣзвый» тоже вышелъ въ море въ эту ночь.

Вопросъ заключался теперь въ томъ, сойдутъ ли полицейскіе съ горъ, возьмутъ ли на берегу у какого-нибудь рыбака лодку и приблизятся ли къ кораблю.

Гарри Маркель и его товарищи ждали. Сердце тоскливо замирало въ груди.

Отрядъ полицейскихъ, которыхъ легко было признать по ихъ формѣ, обратилъ на себя вниманіе и пассажировъ. Конечно, это не простая прогулка по прибрежнымъ утесамъ. Полицейскіе, очевидно, кого то разыскиваютъ въ окрестностяхъ Корка и Кинстоуна и не теряютъ изъ вида побережья. Пожалуй, они хотятъ помѣшать отплыть какому-нибудь кораблю съ грузомъ контрабандныхъ товаровъ...

— Ну, такъ и есть, это полицейскіе!—сказалъ Аксель Викборнъ.

— Даже вооруженные револьверами!—замѣтилъ Губертъ Перкинсъ, внимательно посмотрѣвъ въ зрительную трубку.

Впрочемъ, если съ борта корабля было видно все, что происходило на берегу, то и съ берега можно было хорошо наблюдать за всѣмъ происходившимъ на кораблѣ.

Это обстоятельство и пугало особенно Гарри Маркела. Будь «Рѣзвый» въ четверти мили отъ берега, бояться было бы нечего. Теперь же начальникъ отряда легко можетъ узнать ихъ въ зрительную трубу, а если узнаетъ — понятно, чего нужно ожидать. «Рѣзвый» не можетъ двинуться съ мѣста. Начинаясь приливомъ его можетъ только прибить къ берегу. Искать спасенія на шлюпкѣ—тоже немислимо. Гдѣ бы они ни высадились, ихъ арестуютъ. Потому-то они спрятались, одни у сѣтей вдоль борта, другіе въ каютъ-компаніи, стараясь въ то же время не возбуждать подозрѣнія пассажировъ.

Но какъ пассажиры могли догадаться, что они попали въ руки преступниковъ, бѣжавшихъ изъ Кинстоунской тюрьмы?

Тони Рено, шутя, говорилъ, что тутъ дѣло вовсе не въ розыскахъ преступниковъ.

— Полицейскіе пришли посмотрѣть, отплылъ ли «Рѣзвый»,—острилъ онъ,—чтобы извѣстить о томъ нашихъ родителей!

— Ты смѣешься?—возразилъ Джонъ Говардъ, который принялъ слова Тони въ серьезъ.

— Правда, правда, Джонъ! Хочешь, пойдемъ, спросимъ у капитана Пакстона?

Всѣ спустились на палубу и пошли на носъ.

Появленіе ихъ нѣсколько встревожило Гарри Маркела, Джона Карпентера и Корти. Но нельзя же приказать школьникамъ оставаться на ютѣ. Нельзя также не отвѣчать на ихъ разспросы.

Первый началъ Луи Клодіонъ.

— Видите эту кучку людей на береговомъ утесѣ, капитанъ Пакстонъ?

— Вижу и не понимаю, зачѣмъ эти люди, пришли сюда!

— Они какъ будто наблюдаютъ за «Рѣзвымъ»! — сказалъ Альбертъ Льювенъ.

— Или за другими судами! — отвѣчалъ Джонъ Карпентеръ.

— Это, кажется, полицейскіе? — спросилъ Роджеръ Гинсдаль.

— Кажется! — согласился Гарри Маркель.

— Ужъ не разыскиваютъ ли они какихъ-нибудь преступниковъ? — вставилъ свое замѣчаніе Луи Клодіонъ.

— Преступниковъ? — переспросилъ боцманъ.

— Ну, да! — продолжалъ Луи Клодіонъ. — Развѣ вы не слышали, что пираты съ разбойничьяго корабля «Галифаксъ», пойманные въ Тихомъ океанѣ, доставлены въ Англію и были заключены на время суда надъ ними въ Кинстоунскую тюрьму, изъ которой имъ, однако, удалось бѣжать?..

— Мы не знали этого! — невозмутимо отвѣчалъ Джонъ Карпентеръ.

— Третьяго дня, когда мы пріѣхали, въ городѣ только и толковъ было, что объ этомъ бѣгствѣ! — сказалъ Губертъ Перкинсъ.

— Очень можетъ быть, — отвѣчалъ Гарри Маркель, — но ни третьяго дня, ни вчера мы не покидали корабля ни на минуту и потому не знаемъ о новѣйшихъ событіяхъ!

— Но вы, вѣроятно, слышали, что пиратовъ съ «Галифакса» привезли въ Европу? — допытывался Луи Клодіонъ.

— Да, объ этомъ слышали, — сказалъ Джонъ Карпентеръ, находя, что притворяться нужно въ мѣру, — но не знали, что пираты бѣжали изъ Кинстоунской тюрьмы!

— Негодяи убѣжали наканунѣ дня, назначеннаго для суда надъ ними!—подтвердилъ Роджеръ Гинсдаль.

— Наканунѣ осужденія! — воскликнулъ Тони Рено. — Надѣюсь, что полиція разыщетъ ихъ...

— И что на этотъ разъ они не убѣгутъ отъ заслуженнаго наказанія!—прибавилъ Луи Клодіонъ.

— Конечно!—коротко замѣтилъ Гарри Маркель.

Впрочемъ, опасенія Гарри Маркела и его друзей не оправдались. Простоявъ на вершинѣ утеса съ четверть часа, отрядъ полицейскихъ удалился, слѣдуя въ юго-западномъ направленіи побережья. Когда онъ исчезъ изъ вида, Корти облегченно вздохнулъ.

— Ну, слава Богу!

— Да,—сказалъ Гарри Маркель,—полицейскіе ушли, но вѣтра, чортъ его побери, все нѣтъ! Если до вечера будетъ такъ тихо, придется ночью выбираться отсюда всѣми правдами и неправдами!

— Ну, и выберемся, Гарри,—сказалъ Корти. — Спустимъ шлюпки и на буксирѣ сдвинемъ «Рѣзваго» съ мѣста. Пассажиры помогутъ намъ грести!

— Ладно,—сказалъ боцманъ,—намъ нечего будетъ бояться, когда отливомъ насъ отнесетъ на три или четыре мили отъ берега!

— И мы можемъ тогда докончить свое дѣло...—заклучилъ Корти.

Вдругъ раздался крикъ. Это закричалъ одинъ изъ мальчиковъ. Нѣсколько школьниковъ наклонились надъ бортомъ на носу корабля и показывали другъ другу какой-то плававшій въ разстояніи трехъ кабельтовыхъ отъ корабля предметъ.

— Трупъ!—воскликнулъ м-ръ Горацій Паттерсонъ.

Онъ могъ бы сказать «утопленникъ», котораго прежде, чѣмъ выбросить въ море, убили ударомъ ножа, и платье котораго еще было обогрено кровью.

То былъ всплывшій на поверхность трупъ одного изъ убитыхъ наканунѣ матросовъ «Рѣзваго». Глубокое море скоро поглотитъ его.

Х.

Сѣверо-восточный вѣтеръ.

Юные пассажиры очень взволновались при видѣ трупа, но они подумали, что это жертва несчастнаго случая: бѣдняга, вѣроятно, упалъ въ море и при этомъ сильно расшибся. Они не подозрѣвали, что матросъ палъ жертвою преступленія.

Не заблуждались въ этомъ отношеніи Гарри Маркелъ и его друзья. Корти сказалъ Джону Карпентеру:

— Только этого еще не доставало, чтобы капитана Пако-тона и его экипажъ выбросило волнами на берегъ!

Они окинули внимательнымъ взглядомъ море. Нигдѣ не было больше труповъ, которые могли бы подплыть къ кораблямъ, стоящимъ по сосѣдству съ «Рѣзвымъ». Но съ какимъ нетерпѣніемъ ожидали разбойники момента, когда можно будетъ уйти подальше отъ берега!

Между тѣмъ можно было ожидать, что погода переменится. На востокъ поднимались облачка, и еще до наступленія вечера могъ подуть береговой вѣтеръ.

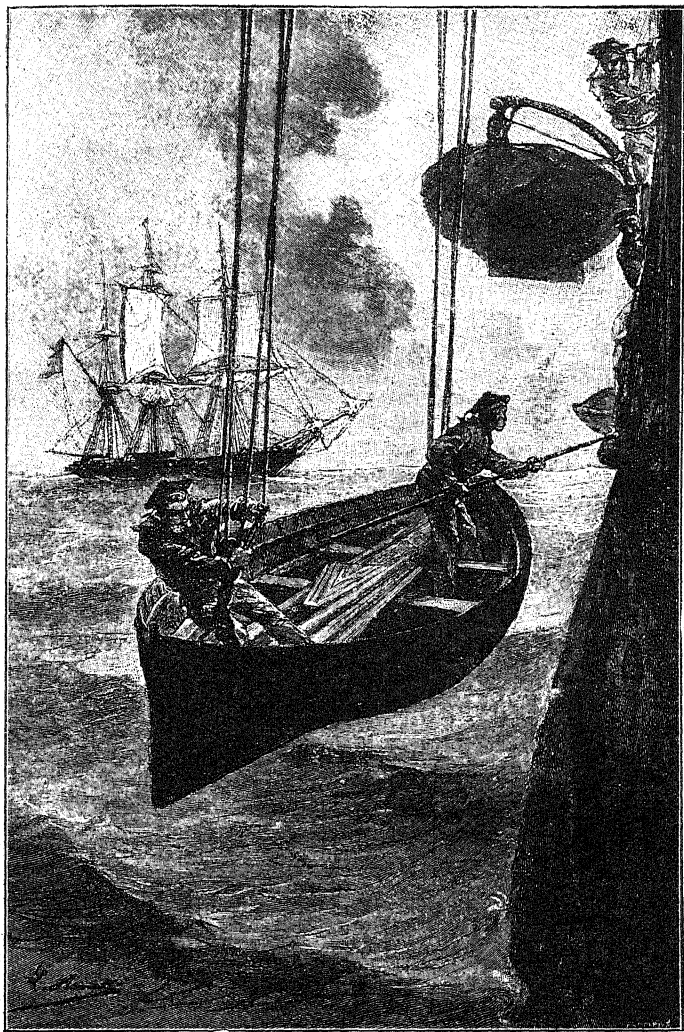
Этимъ вѣтромъ надо воспользоваться, хотя бы то была буря! Лишь бы «Рѣзвый» отплылъ на двадцать миль въ море!

Но что, если надежда не оправдается? Если облака разсѣются съ послѣдними лучами заката? Неужели Гарри Маркелу придется выводить корабль въ открытое море на буксирѣ, съ помощью шлюпокъ?

Между тѣмъ, сидя подъ тентомъ юта, мальчики слѣдили за движеніемъ въ устьѣ канала св. Георгія. Пароходы отходили въ Атлантическій океанъ, подходили къ берегамъ Ирландіи; отплывали съ помощью буксирныхъ судовъ изъ Квинстоуна и нѣкоторые парусные корабли.

Ахъ, если бы Гарри Маркелъ смѣлъ позвать на помощь одинъ изъ буксирныхъ пароходовъ! Какъ щедро расплатился бы онъ съ нимъ за помощь!

Тони Рено даже предложилъ этотъ способъ. Въ пяти или шести миляхъ отъ канала, навѣрно, дуетъ морской вѣтеръ.

«Съ «Эссекса» спустили шлюпку...» (къ стр. 126).

Но Гарри Маркеръ отвѣтилъ на это предложеніе категорическимъ отказомъ. Капитанъ самъ знаетъ, какъ ему поступать, и въ совѣтахъ не нуждается. Рѣзкій тонъ капитана поразилъ школьниковъ.

Какъ ни хотѣлось Гарри Маркелу удалиться отъ берега, нанять буксирный пароходъ онъ не рѣшался. Могло случиться, что хозяинъ буксирнаго парохода знаетъ лично капитана Пакстона или кого-нибудь изъ матросовъ. Богъ знаетъ, что могло бы случиться, если бы онъ не увидѣлъ знакомыхъ лицъ на кораблѣ. Итъ, лучше ждать.

Часа въ три по полудни на юго-западѣ показался густой дымъ. Какъ интересно наблюдать за приближающимся пароходомъ!

Пароходъ шелъ быстро. Черезъ полчаса можно было видѣть, что это броненосецъ, направляющійся въ каналъ.

Всѣ зрительныя трубки были направлены на него. Тони Рено и его товарищи спорили о томъ, кто изъ нихъ первый узнаетъ національность корабля.

Луи Клодіонъ первый разглядѣлъ развѣвавшійся на мачтѣ флагъ.

— Это французскій корабль!—воскликнулъ онъ.

— Если французскій, мы салютуемъ ему, когда онъ будетъ проходить мимо насъ!—сказалъ Тони Рено.

Онъ пошелъ просить у Гарри Маркела разрѣшенія отдать честь Франціи салютомъ военному кораблю этого государства.

Не было причинъ отказывать, и Гарри Маркель не только согласился, но даже сказалъ, что, вѣроятно, корабль отвѣтитъ на салютъ «Рѣзваго». Таковъ обычай моряковъ.

Это былъ броненосный двухмачтовый крейсеръ второго ранга, вмѣстимостью въ семь—восемь тысячъ тоннъ. Трехцвѣтнй флагъ развѣвался на его кормѣ. Онъ быстро разрѣзалъ форштевнемъ гладь моря и оставлялъ длинный слѣдъ за кормою.

Когда онъ проходилъ мимо «Рѣзваго», мальчики прочитали названіе броненосца.

Это былъ краса французскаго флота «Жемаппъ».

Луи Клодіонъ и Тони Рено стояли на ютѣ, у фала гафеля.

Когда «Жеманишъ» былъ всего въ четверти мили разстоянія, они потянули за конецъ гардели, и при крикахъ «Да здравствуетъ Франція!» британскій флагъ взвился три раза на кораблѣ. Въ честь товарищей привѣтствовали Францію англичане, датчане, голландцы, а флагъ «Жеманишъ» тоже поднимался и опускался въ это время.

Черезъ часъ точно также салютовали англійскому флагу, развѣвавшемуся на гафелѣ трансатлантическаго корабля «Городъ Лондонъ», совершавшаго рейсы между Ливерпулемъ и Нью-Йоркомъ. По обыкновенію, корабль доставлялъ въ Кинстоунъ телеграммы, которыя, благодаря этому, приходили за полчаса до прибытія пакеботовъ.

«Городъ Лондонъ» отвѣтилъ на салютъ «Рѣзваго», на которомъ на этотъ разъ, при крикахъ «ура» пассажировъ, подняли флагъ Джонъ Говардъ и Губертъ Перкинсъ.

Къ пяти часамъ облака на сѣверо-востокѣ, надъ возвышенностью въ глубинѣ Коркскаго залива стали увеличиваться. Сравнительно съ предыдущими днями, видъ неба въ этотъ часъ дня замѣтно измѣнился.

Хотя солнце заходило на безоблачномъ горизонтѣ, можно было предвидѣть, что на утро оно встанетъ въ туманѣ.

На носу бесѣдовали Гарри Маркель и Джонъ Карпентеръ. Изъ предосторожности, они не показывались на ютѣ, гдѣ ихъ могли увидѣть съ гористаго побережья.

— Будетъ вѣтрено!—сказалъ боцманъ, указывая по направлению мыса Рока.

— Да, кажется!—отвѣчалъ Гарри Маркель.

— Ну, если подуетъ вѣтеръ, мы времени терять не станемъ, капитанъ Пакстонъ. Ну, да, конечно, такъ, капитанъ Пакстонъ! Долженъ же я, наконецъ, привыкнуть называть тебя такъ, хотя бы даже на нѣсколько часовъ... Надѣюсь, что завтра, даже сегодня ночью, ты снова станешь капитаномъ Маркеломъ. Кстати, надо будетъ придумать кораблю другое имя. Мы начнемъ свое плаваніе по Тихому океану не на «Рѣзвомъ!»

Гарри Маркель, молча слушавшій товарища, спросилъ:

— Все ли готово, чтобы сняться съ якоря?

— Все, капитанъ Пакстонъ,—отвѣчалъ боцманъ.—Остается поднять якорь и паруса. У корабля острый носъ и высокая корма, не нужно даже особенно сильного вѣтра, чтобы онъ могъ быстро пуститься въ путь!

— Будетъ просто удивительно, если сегодня вечеромъ, послѣ солнечнаго заката, мы не будемъ уже въ пяти, шести миляхъ на югъ отъ Робертсъ-Кова!

— Не столько удивительно, сколько досадно,—отвѣчалъ Джонъ Карпентеръ.—Но вотъ идутъ два пассажира, они, вѣрно, хотятъ поговорить съ тобой.

— Что имъ еще надо?—проворчалъ Гарри Маркелъ.

Магнусъ Андерсъ и Тони Рено сошли съ юта и шли на бакъ, гдѣ стояли и разговаривали Гарри Маркелъ и Джонъ Карпентеръ.

Тони Рено началъ первый:

— Капитанъ Пакстонъ, товарищи послали насъ съ Магнусомъ спросить васъ, не предвидится ли перемѣны погоды?

— Да!—отвѣчалъ Гарри Маркелъ.

— Значить, «Рѣзвый» можетъ сегодня вечеромъ сняться съ якоря?—спросилъ Магнусъ.

— Вѣроятно. Мы только что объ этомъ и толковали съ Джономъ Карпентеромъ!

— Но,—продолжалъ Тони,—это будетъ вечеромъ?

— Вечеромъ,—отвѣчалъ Гарри Маркелъ.—Облака поднимаются медленно, и вѣтеръ подуетъ не раньше, какъ черезъ два, три часа!

— Мы замѣтили,—говорилъ Тони Рено,—что облака сплошныя и должны спуститься очень низко надъ горизонтомъ. Вотъ почему вы, конечно, и предполагаете, капитанъ Пакстонъ, что погода перемѣнится?

Гарри Маркелъ кивнулъ головою въ знакъ согласія, а боцманъ прибавилъ:

— Да, господа, кажется, на этотъ разъ будетъ вѣтеръ и даже вѣтеръ благопріятный, такъ какъ погонитъ насъ на западъ. Потерпите еще малость, и «Рѣзвый» отплыветъ отъ бе-

реговъ Ирландіи. А теперь идите обѣдать. Рени Кофъ превозмелъ самого себя, чтобы угостить васъ въ послѣдній разъ хорошимъ обѣдомъ—я хочу сказать въ послѣдній разъ въ виду берега!

Гарри Маркель нахмурилъ брови. Онъ понималъ ужасные намеки Джона Карпентера. Но не было возможности заставить молчать этого негодяя, любившаго жестокия шутки.

— Хорошо,—сказалъ Магнусъ,—пообѣдаемъ, когда насъ позовутъ къ столу!

— А если придется сняться съ якоря какъ разъ во время обѣда, пожалуйста, не бойтесь прервать обѣдъ и позовите насъ. Мы непременно хотимъ присутствовать при подъемѣ парусовъ!—просилъ Тони Рено.

Условившись такимъ образомъ относительно отплытія, мальчики снова пошли на ютъ. Здѣсь они продолжали свою бесѣду, наблюдая за небомъ, пока одинъ изъ матросовъ, по имени Вага, не доложилъ имъ, что обѣдъ поданъ.

Обязанность Ваги было прислуживать на ютѣ и въ каютахъ. Это былъ, въ нѣкоторомъ родѣ, корабельный слуга.

Вагъ было лѣтъ тридцать пять. Природа ошиблась, надѣливъ его симпатичнымъ, открытымъ лицомъ. На самомъ дѣлѣ онъ былъ не лучше своихъ товарищей. Подъ личиною услужливости въ немъ таилось плутовство, и онъ не всегда могъ смотрѣть людямъ прямо въ глаза. По своей молодости и неопытности, пассажиры не замѣтили въ немъ ничего подозрительнаго.

Вагъ удалось провести даже м-ра Горація Паттерсона, чловѣка, хотя и не молодого, но такого же неопытнаго, какъ и его спутники.

Вага подкунилъ наивнаго эконома Антильской школы своей аккуратностью и притворнымъ рвеніемъ. Гарри Маркель сдѣлалъ удачный выборъ, назначивъ Вагу корабельнымъ слугою. Если бы ему пришлось играть эту роль всю дорогу, м-ръ Горацій Паттерсонъ ни въ чемъ не заподозрилъ бы этого негодяя. Но роль его должна была кончиться, какъ мы знаемъ, черезъ нѣсколько часовъ.

Итакъ, наставникъ былъ очень доволенъ корабельнымъ

слугою. Онъ показаль ему, гдѣ находятся всѣ принадлежности его туалета, его платьѣ. Онъ надѣялся, что Вага прекрасно сѣумѣеть ухаживать за нимъ въ случаѣ, если онъ заболѣеть морскою болѣзнью, что онъ, впрочемъ, считаль мало вѣроятнымъ, въ виду своего счастливаго переѣзда изъ Бристоля до Кинстоуна. Онъ уже говорилъ ему о наградѣ, которую намѣревался дать ему изъ назначенныхъ на путешествіе суммъ, за усердіе, съ которымъ онъ исполняетъ его приказанія.

Въ тотъ же день, разговаривая съ Вагой, м-ръ Паттерсонъ, интересовавшійся всѣмъ, что происходило на «Рѣзвонѣ» а также его экипажемъ, заговорилъ о Гарри Маркелѣ. Онъ находилъ командира нѣсколько холоднымъ, сдержаннымъ, не общительнымъ человѣкомъ.

— Вы вѣрно подмѣтили, м-ръ Паттерсонъ,—отвѣчалъ Вага.— Но все это очень важныя для моряка качества. Капитанъ Пакстонъ думаетъ только о своемъ дѣлѣ. Онъ знаетъ, какая отвѣтственность лежитъ на немъ, и только и думаетъ объ исполненіи своихъ обязанностей. Судить о немъ вы можете, когда увидите его за дѣломъ, напримѣръ, въ бурю. Это одинъ изъ лучшихъ мореходцевъ нашего коммерческаго флота. Да что! Онъ и военнымъ кораблемъ сѣумѣлъ бы командовать не хуже, чѣмъ его милость—первый лордъ адмиралтейства...

— Онъ заслужилъ хорошую репутацію, Вага,—отвѣчалъ м-ръ Паттерсонъ.—О капитанѣ отзываются съ большою похвалою. Когда щедрая м-съ Китленъ Сеймуръ предоставила «Рѣзвонъ» къ нашимъ услугамъ, намъ хорошо аттестовали капитана Пакстона, этого Deus, не скажу ex machina, но этого Deus machinae корабля, способнаго дать отпоръ разъяренному морю!

М-ру Паттерсону казалось, что слуга отлично понималь его, даже когда у него невольно вырывалось латинское изреченіе, и это крайне радовало его. И вотъ онъ расточаль неистощимыя похвалы Вагѣ, а его молодые спутники не имѣли основаній сомнѣваться въ справедливости оцѣнки.

Обѣдъ прошелъ такъ же весело, какъ завтракъ, и былъ вкусно приготовленъ и умѣло сервированъ. На этотъ разъ по-

сыпались новыя похвалы по адресу Рени Кофа. Витіеватыя фразы м-ра Гораціи Паттерсона нестрѣли словами «rotus» и «cibus» *).

Несмотря на замѣчанія уважаемаго эконома, сторавшій отъ нетерпѣнія Тони Рено нѣсколько разъ вскакивалъ изъ-за стола и бѣгалъ посмотрѣть, что происходитъ на палубѣ, въ первый разъ, чтобы убѣдиться, что вѣтеръ будетъ попутный; во второй, чтобы узнать, утихъ ли онъ, или дуетъ сильнѣе; въ третій, чтобы видѣть, нѣтъ ли приготовленій къ подъему парусовъ; въ четвертый, чтобы напомнить капитану Пакстону его обѣщаніе позвать мальчишковъ, когда надо будетъ вертѣть шпиль.

Каждый разъ Тони Рено возвращался къ не менѣе его сторавшимъ отъ нетерпѣнія товарищамъ съ благопріятнымъ отвѣтомъ. «Рѣзвый» непремѣнно отиливаетъ, но не раньше половины восьмого вечера, когда кончится приливъ, а отливомъ отнесетъ его въ открытое море.

Такимъ образомъ, пассажиры могли обѣдать, не спѣша, что очень радовало м-ра Паттерсона. Онъ заботился о своемъ желудкѣ не меньше, чѣмъ о своихъ административныхъ и личныхъ дѣлахъ. Онъ любилъ кушать, не торопясь, глотать маленькими глотками, ѣсть небольшими кусками, старательно разжевывая пищу, прежде чѣмъ ввести ее въ пищеводъ.

Онъ часто говорилъ воспитанникамъ Антильской школы:

— Первая работа приходится на долю рта, который снабженъ зубами для жеванія, тогда какъ желудокъ лишенъ этой возможности. Ротъ долженъ измельчить, желудокъ переварить пищу, чтобы животный организмъ преуспѣвалъ!

Глубокая истина заключалась въ словахъ м-ра Паттерсона; оставалось только пожалѣть, что ни Горацій, ни Виргилій, ни какой либо другой поэтъ древняго Рима не выразили этой мысли въ стихахъ.

Такъ прошелъ послѣдній день стоянки «Рѣзваго».

За десертомъ Роджеръ Гинсдаль обратился къ товарищамъ и произнесъ тостъ за здоровье капитана Пакстона, выразивъ

*) Напитокъ и пища

сожалѣніе, что капитанъ не предсѣдательствуетъ за столомъ. Нильсъ Арбо пожелалъ, чтобы въ теченіе всего путешествія они всегда чувствовали такой прекрасный аппетитъ, какъ въ этотъ день.

— А почему бы намъ не чувствовать аппетита?—возразилъ наставникъ, нѣсколько оживившійся послѣ рюмки портвейна.— Морскою воздухъ будетъ всегда возбуждать его!

— Ого!—сказалъ Тони Рено, насмѣшливо поглядывая на него.— Но съ морскою-то болѣзною придется считаться!

— Вотъ еще!—презрительно сказалъ Джонъ Говардъ.— Велика важность, если немного потощить!

— Впрочемъ,—замѣтилъ Альбертъ Льювенъ,—еще не доказано, что лучше для борьбы съ морскою болѣзною,—сытый или тощій желудокъ.

— Тощій...—сказалъ Губертъ Перкинсъ.

— Сытый...—возразилъ Аксель Вилборнъ.

— Друзья мои,—прервалъ ихъ м-ръ Гораций Паттерсонъ,—вѣрьте моему опыту: важнѣе всего, привычка къ переменнымъ движеніямъ корабля. Такъ какъ во время плаванія изъ Бристоля въ Кинстоунъ мы успѣли къ нимъ привыкнуть, намъ нечего бояться морской болѣзни. Привычка—главное!

Сама мудрость говорила устами этого достойнаго мужа.

— Вотъ видите, мои юные друзья,—продолжалъ онъ,—я никогда не забуду одного примѣра, подтверждающаго мои слова...

— Приведите намъ его!—закричали всѣ, сидѣвшіе за столомъ.

— Извольте,—сказалъ м-ръ Паттерсонъ, закидывая голову назадъ.— Одинъ ученый ихтіологъ—имя его я забылъ—произвелъ надъ рыбами удивительный опытъ, доказывающій силу привычки. У него былъ акваріумъ. Въ этомъ акваріумѣ жилъ себѣ беззаботно и весело карпъ. Въ одинъ прекрасный день ученому пришла въ голову мысль приучить карпа жить безъ воды. Онъ сталъ вытаскивать карпа изъ воды сначала на нѣсколько секундъ, затѣмъ на нѣсколько минутъ, потомъ на нѣсколько часовъ, наконецъ, дней, такъ что умное животное стало, наконецъ, дышать на воздухѣ, на сушѣ, такъ сказать...

— Не можеть быть!—воскликнулъ Магнусъ Андерсъ.

— Факты налицо,—сказалъ м-ръ Паттерсонъ,—и факты, имѣющіе научное основаніе!

— Но,—сказалъ недовѣрчиво Луи Клодіонъ,—тогда и человѣкъ, въ силу привычки, могъ бы жить въ водѣ?

— Это очень возможно, мой милый Луи!

— Однако,—спросилъ Тони Рено,—скажите, какова была дальнѣйшая судьба интереснаго карпа. Живъ онъ еще?

— Нѣтъ, умеръ, послѣ того, какъ послужилъ для этихъ удивительныхъ опытовъ, умеръ случайно, и это, пожалуй, самый интересный моментъ всей его исторіи. Разъ онъ нечаянно упалъ въ акваріумъ и утонулъ! Не случись этого, онъ жплъ бы сто лѣтъ, какъ всѣ карпы!

Въ это время послышалась команда.

— Всѣ на верхъ!

Команда Гарри Маркела прервала разсказъ въ тотъ самый моментъ, когда воспитанники покрыли криками «ура» правдивое повѣствованіе. Но пассажиры всѣ хотѣли участвовать въ подъемѣ парусовъ.

Свѣжій вѣтерокъ дулъ съ сѣверо-востока.

Четыре матроса стояли у шпилья и собирались вертѣть его. Пассажиры стали имъ помогать. Джонъ Карпентеръ съ нѣсколькими матросами отдавали марсея, брамсея, клпвера, нижніе паруса и поднимали реи, чтобы закрѣпить и натянуть ихъ, лишь только якорь подтянуть до опонера.

— Поднимай!—скомандовалъ опять Гарри Маркель. Шпиль повернули еще разъ и вытащили якорь.

— Закрѣплай!—командовалъ Гарри Маркель.

Корабль сталъ удаляться отъ Робертсъ-Кова, и мальчики подняли при крикахъ «ура» британскій флагъ.

М-ръ Горацій Паттерсонъ стоялъ около Гарри Маркела у нактоуза.

— Наконецъ-то, мы пустились въ дальнее плаваніе,—сказалъ онъ,—дальнее и полезное, м-ръ Пакстонъ. По распоряженію щедрой м-съ Кятленъ Сеймуръ, каждый изъ насъ получитъ въ награду семьсотъ фунтовъ, при отъѣздѣ изъ Барбадоса!

Гарри Маркель, ничего не знавшій объ этомъ распоряженіи посмотрѣлъ на м-ра Паттерсона, потомъ, молча, отошелъ отъ него.

Было половина девятого. Пассажиры могли еще различать огни Кинсель-Эрбура и Корракилли-Бейскій маякъ.

Между тѣмъ Джонъ Карпентеръ подошелъ къ Гарри Маркелу.

— Такъ сегодня ночью?—спросилъ онъ.

— Ни сегодня, ни въ послѣдующія ночи!—отвѣчалъ Гарри Маркель.—Цѣнность каждаго пассажира увеличится на обратномъ пути на семьсотъ фунтовъ!

XI.

Въ открытомъ морѣ.

На утро солнце, этотъ «аккуратнѣйшій *factotum* міра», какъ называлъ его Чарльзъ Диккенсъ, возшло на расчищенномъ вѣтеркомъ горизонтѣ. «Рѣзвый» былъ въ открытомъ морѣ.

Гарри Маркель, какъ мы видѣли, рѣшилъ отложить исполненіе своего преступнаго замысла.

Въ концѣ концовъ, ему не трудно было разыгрывать роль капитана Пакстона, разъ никто изъ пассажировъ не зналъ его въ лицо, а всѣ матросы экипажа убиты. Избавившись отъ м-ра Паттерсона и его питомцевъ, «Рѣзвый» могъ безнаказанно плыть въ Тихій океанъ.

Но намѣренія дерзкаго злодѣя вдругъ измѣнились. Теперь онъ замышлялъ довести трехматовый корабль до мѣста назначенія, переплыть Антильское море, дать мальчикамъ получить въ Барбадосѣ награду и бросить ихъ за бортъ только по отплытіи съ Антильскихъ острововъ.

Все это предпріятіе не безопасно. Такъ думали нѣкоторые изъ членовъ шайки, между прочимъ, и Корти, далеко не безразличный къ деньгамъ. Вѣдь на какомъ-нибудь изъ Антильскихъ острововъ могъ встрѣтиться челоувѣкъ, знавшій капитана Пакстона или кого-нибудь изъ моряковъ его экипажа, хотя, конечно, въ составѣ экипажа могли произойти перемѣны до отъѣзда на Антильскіе острова.

— Положимъ, — соглашался Корти, — матроса два могли смѣниться... Но какъ объяснить отсутствіе капитана Пакстона?

— Невозможно, — отвѣчалъ Гарри Маркель. — Къ счастью, какъ я узналъ изъ его бумагъ, капитанъ Пакстонъ никогда не бывалъ въ Западной Индіи ни на «Рѣзвонѣ», ни на какомъ либо другомъ кораблѣ. Можно поэтому предполагать, что его тамъ никто не знаетъ. Предпріятіе наше рискованно, съ этимъ я согласенъ, но, по моему, стоитъ рискнуть: сумма, общинная Антильскимъ школьникамъ м-съ Китленъ Сеймуръ...

— Я раздѣляю мнѣніе Гарри, — сказалъ Джонъ Карпентеръ. — Рискнуть стоитъ. Важно было отплыть изъ Кинстоуна, и мы теперь уже въ тридцати миляхъ отъ него. Относительно преміи, которую получить каждый изъ молодыхъ джентльменовъ...

— Въмѣсто нихъ, премія цѣликомъ достанется каждому изъ насъ. Насъ тоже, какъ и ихъ, десять человѣкъ!

— Ты вѣрно рассчиталъ, — сказалъ боцманъ. — Кромѣ преміи, намъ достанется трехмачтовый корабль. Дѣло выгодное, и я берусь растолковать это товарищамъ!

— Поймутъ они или не поймутъ, это дѣло рѣшенное, — сказалъ Гарри Маркель. — Пусть только каждый исполняетъ во время плаванія возложенную на него роль и не возбуждаетъ подозрѣнія ни словомъ, ни дѣломъ. Я, съ своей стороны, буду строго слѣдить за этимъ!

Въ концѣ концовъ, Корти сдался на доводы Гарри Маркела и, мало по малу, при мысли о выгодахъ предпріятія, совсѣмъ успокоился. Какъ говорилъ Джонъ Карпентеръ, Кинстоунскимъ бѣглецамъ уже нечего было бояться преслѣдовавѣй полиціи.

Какъ ни дерзко было новое предпріятіе Гарри Маркела, онъ заслужилъ всеобщее одобреніе. Оставалось только представить дальнѣйшій ходъ дѣла судьбѣ.

Гарри Маркель сталъ снова просматривать документы корабля, особенно бумаги капитана Пакстона, имѣвшія отношеніе къ путешествію на Антильскіе острова, согласно программѣ.

Конечно, было бы пріятнѣе, прежде всего, отправиться на островъ Барбадосъ, гдѣ пассажиры должны назѣстать м-съ Китленъ Сеймуръ и получить отъ нея премію. Тогда, вмѣсто

плаванія съ острова на островъ, Гарри Маркелъ могъ бы прямо съ Барбадоса направить корабль въ открытое море. Ночью пассажировъ можно выбросить за бортъ. Потомъ «Рѣзвый» поплыветъ на юго-востокъ, мимо мыса Доброй-Надежды.

Но надо было слѣдовать предписанному м-съ Китленъ Сеймуръ маршруту. М-ръ Горацій Паттерсонъ и мальчишки знали этотъ маршрутъ, надо было сообразоваться съ нимъ и Гарри Маркелу.

Маршрутъ былъ составленъ вполне цѣлесообразно: «Рѣзвый» долженъ былъ подойти къ Антильскимъ островамъ съ сѣверной стороны и, послѣдовательно направляясь на югъ, обойти всю цѣпь острововъ.

Первая остановка будетъ на островѣ Св. Томы, вторая— на островѣ Св. Креста, гдѣ Нилсъ Арбо и Аксель Викборнъ найдутъ какъ бы клочекъ своей родины—Даніи.

Затѣмъ «Рѣзвый» броситъ якорь въ портъ Св. Мартина, на половину французской, наполовину голландской колоніи, гдѣ родился Альбертъ Льювенъ.

Въ четвертый разъ «Рѣзвый» зайдетъ въ гавань острова Св. Вареоломея, единственной шведской колоніи въ Антильѣ, отечества Магнуса Андерса.

Во время пятой остановки судна Губертъ Перкинсъ навѣститъ англійскую колонію на островѣ Антигуа, а во время шестой стоянки Луи Клодіонъ посѣтитъ принадлежащую французамъ Гваделупу.

Наконецъ, «Рѣзвый» высадитъ своихъ пассажировъ: Джона Говарда на англійскомъ островѣ Доминикъ, Тони Рено—во французскомъ владѣніи Мартиникъ, а Роджера Гинсдаля на принадлежащемъ англичанамъ островѣ Сентъ-Люси.

Послѣ этихъ девяти остановокъ корабль направится на англійскій островъ Барбадосъ, мѣстожительство м-съ Китленъ Сеймуръ. М-ръ Горацій Паттерсонъ представитъ благотворительницѣ лауреатовъ Антильской школы. Они поблагодарятъ ее и пустятся въ обратный путь въ Европу.

Такова программа путешествія, и Гарри Маркелу осталось точно сообразоваться съ ней. Точное исполненіе про-

граммы было въ интересахъ самихъ злоумышленниковъ. Если только несчастнаго Пакстона никто не знаетъ на Антильскихъ островахъ, что весьма вѣроятно, планы Гарри Маркела могутъ удался, и никто не заподозритъ, что «Рѣзвый» попалъ въ руки пиратовъ съ «Галифакса».

Можно надѣяться, что плаваніе въ Атлантическомъ океанѣ въ это время года, когда въ тропическомъ поясѣ дуютъ пассатные вѣтры, на прекрасномъ кораблѣ, пройдетъ совершенно удачно.

Выйдя изъ англійскихъ водъ, Гарри Маркель направилъ корабль на юго-западъ, а не на юго-востокъ, какъ долженъ былъ поступить, еслибы пассажиры были убиты въ предыдущую ночь. «Рѣзвый» стремился бы тогда скорѣе въ Индійскій, а затѣмъ въ Тихій океанъ. Между тѣмъ какъ теперь онъ отправлялся къ берегамъ Антильи и долженъ былъ подъ сороковымъ градусомъ долготы переплыть тропикъ Рака. Итакъ, «Рѣзвый» подъ бомъ-брамселями, лиселями и штагъ-парусами плылъ, склоняясь штирбортомъ подъ напоромъ свѣжаго вѣтерка, и дѣлалъ по одиннадцати миль въ часъ.

Никто еще не страдалъ отъ морской болѣзни. Поддерживаемый парусами, «Рѣзвый» такъ легко скользилъ по волнамъ, что боковой качки почти не ощущалось.

Однако, послѣ завтрака м-ръ Паттерсонъ вдругъ почувствовалъ себя дурно. Благодаря предусмотрительности мистрисъ Паттерсонъ, въ его чемоданѣ нашлись всѣ рекомендуемыя рецептами Вергаля средства, которыя, по словамъ слѣдующихъ людей, помогаютъ бороться съ морской болѣзью, «*relagalgia*», какъ называлъ ее научнымъ терминомъ эконокъ.

Кромѣ того, въ послѣднюю недѣлю пребыванія въ Антильской школѣ, предусмотрительный эконокъ прибѣгнулъ къ разнообразнымъ слабительнымъ средствамъ, чтобы приготовить себя къ путешествію и твердо вынести «шутки Нептуна». Свѣдущіе люди увѣряютъ, что такая подготовка въ высшей степени раціональна, и будущій пассажиръ «Рѣзваго» принялъ всѣ мѣры предосторожности.

Наконецъ, не забыть былъ и еще одинъ добрый совѣтъ.

М-ръ Горацій Паттерсонъ, передъ тѣмъ, какъ отплыть изъ Кинстоуна на «Рѣзвый», хорошо позавтракалъ въ компаніи молодыхъ лауреатовъ, провозгласившихъ тостъ за его здоровье.

М-ръ Паттерсонъ зналъ, что качка менѣе всего ощутительна посреди корабля. Килевая и боковая качка сильнѣе всего на носу и на кормѣ. Но въ началѣ плаванія онъ рискнулъ остаться на ютѣ. Онъ храбро разгуливалъ себѣ взадъ и впередъ, походкой настоящаго моряка, широко разставляя ноги, чтобы не потерять равновѣсія. Почтенный экономъ совѣтовалъ и другимъ последовать его примѣру. Но молодежь, съ свойственнымъ ея возрасту легкомысліемъ, презрительно отнеслась къ рекомендуемымъ мѣрамъ предосторожности.

На этотъ разъ м-ръ Паттерсонъ кушалъ за завтракомъ съ меньшимъ аппетитомъ, чѣмъ обыкновенно, хотя корабельный поваръ состряпалъ завтракъ на славу. Послѣ десерта, онъ не сталъ прогуливаться, какъ всегда, а сѣлъ на скамейку на ютѣ и смотрѣлъ на расхаживавшихъ вокругъ Луи Клодіона и его товарищей. За обѣдомъ онъ ни къ чему не притронулся, и, когда встали изъ-за стола, Вага помогъ ему сойти въ каюту гдѣ онъ растянулся на койкѣ и закрылъ глаза.

На слѣдующее утро м-ръ Паттерсонъ проснулся въ дурномъ расположеніи духа и сѣлъ въ складномъ креслѣ на палубѣ.

— Ну, что новаго, капитанъ Пакстонъ?—спросилъ онъ слабымъ голосомъ у проходившаго мимо Гарри Маркела.

— Все по старому!—отвѣчалъ Гарри Маркель.

— Погода не перемѣнилась?

— И погода, и вѣтеръ по вчерашнему!

— Перемѣнъ не предвидится?

— Нѣтъ, развѣ только, что вѣтеръ свѣжѣетъ!

— Значитъ, все обстоитъ благополучно?

— Совершенно!

Можетъ быть, м-ръ Паттерсонъ въ душѣ признавалъ, что не все обстоитъ такъ же благополучно, какъ вчера. Подумавъ, что моціонъ можетъ быть полезенъ ему, онъ всталъ я, держась правой рукой за рыбину, прошелъ отъ юта до гротъ-мачты.

Это тоже слѣдовало сдѣлать по Вергалю, совѣтовъ котораго полезно придерживаться въ началѣ путешествія. Стараясь оставаться въ центральной части корабля, м-ръ Паттерсонъ надѣялся безъ особенныхъ неудобствъ перенести клевую качку, что касается боковой, на «Рѣзвомъ» она почти не ощущалась.

Въ то время, какъ м-ръ Паттерсонъ прогуливался такимъ образомъ нѣсколько неувѣреннымъ шагомъ, онъ повстрѣчался съ Корти. Послѣдній сказалъ ему:

— Позвольте мнѣ дать вамъ совѣтъ!

— Пожалуйста, другъ мой!

— Не смотрите на море—голова меньше кружится!

— Но,—возразилъ м-ръ Паттерсонъ, придерживаясь за крѣпкую перекладину,—я читалъ въ одномъ руководствѣ для путешественниковъ, еще не привыкшихъ къ морю, что слѣдуетъ именно смотрѣть въ морскую даль!

Правда, совѣтъ этотъ есть въ книгѣ Вергалия, въ которой, однако, можно также найти и второй, какъ ни противорѣчивы между собой оба эти указанія. М-ръ Паттерсонъ твердо рѣшилъ слѣдовать всѣмъ совѣтамъ, каковы бы они ни были. Вотъ почему м-съ Паттерсонъ, снаряжая мужа въ дорогу, дала ему и красный фланелевый поясъ, который былъ обмотанъ три раза вокругъ его тѣла.

Однако, несмотря на всѣ предосторожности, наставникъ чувствовалъ себя все хуже и хуже. Сердце, казалось, ходило у него въ груди, какъ маятникъ, и когда Вага доложилъ, что завтракъ поданъ, мальчики пошли къ столу, а м-ръ Паттерсонъ остался на палубѣ у гротъ-мачты.

Тогда Корти, едва удерживаясь отъ смѣха, сказалъ ему:

— Вамъ, сударь, не по себѣ потому что вы не слѣдуете покачиваніямъ корабля, даже, когда сидите!

— Но вѣдь это очень трудно, другъ мой!

— Ничуть. Вотъ посмотрите...

И Корти прошелся передъ нимъ, покачиваясь корпусомъ впередъ, когда корма уходила въ пѣну волнъ, откидываясь назадъ, когда носъ корабля погружался въ волны.

М-ръ Паттерсонъ всталъ, но сталъ терять равновѣсіе.

— Нѣтъ, не могу,—бормоталъ онъ.—Помогите мнѣ. Море сегодня злое!

— Это сегодня-то злое море? Помилуйте, да оно гладко, какъ зеркало!—увѣрялъ Корти.

Пассажиры не оставили м-ра Паттерсона одного въ его безпомощномъ состояніи. Они поминутно прибѣгали справиться объ его здоровьѣ. Пробовали они развлечь его разговоромъ. Они давали ему новые совѣты, напоминая, что въ руководствѣ Вергалья есть еще много предписаній на случай морской болѣзни, которыхъ онъ не исполнилъ. М-ръ Паттерсонъ покорно исполнялъ все.

Губертъ Перкинсъ принесъ и налилъ въ рюмку рому. М-ръ Паттерсонъ пилъ его маленькими глотками.

Черезъ часъ Аксель Викборнъ принесъ мелиссовой настойки и далъ ему проглотить столовую ложку этого лѣкарства.

Тошнота продолжалась, даже кусокъ смоченнаго въ вишневой водкѣ сахару не помогъ.

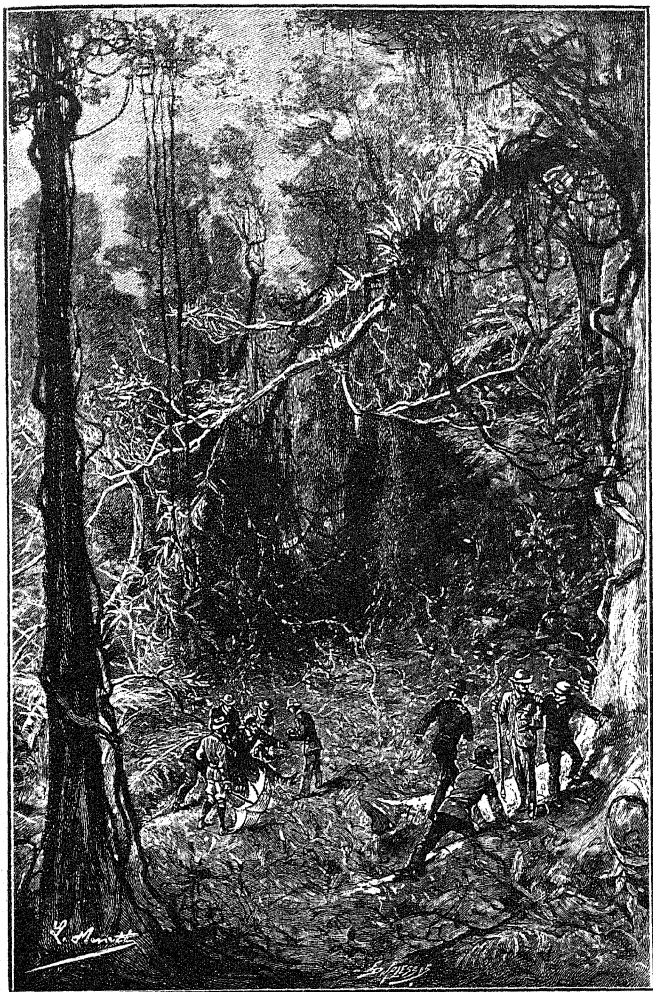
Наконецъ, м-ру Паттерсону стало совсѣмъ худо. Онъ пожелтѣлъ и позеленѣлъ. Пришлось перенести его въ каюту, гдѣ приступы болѣзни еще усилились. Луи Клодіонъ спросилъ его, всѣ ли мѣры предосторожности, рекомендуемыя руководствомъ, онъ принялъ.

— Да, да!—мычалъ онъ сквозь зубы. — На мнѣ надѣтъ даже маленькій мѣшечекъ съ нѣсколькими щепотками морской соли—м-съ Паттерсонъ сшила мнѣ его!

Въ самомъ дѣлѣ, ужъ если ни мѣшечекъ съ солью, ни флаanelевый кушакъ не помогали, нечего было дѣлать!

Три дня продолжался свѣжій вѣтеръ, и всѣ три дня м-ръ Паттерсонъ ужасно страдалъ. Несмотря ни на чьи просьбы, онъ не выходилъ изъ каюты, продолжая ad vomitum, какъ говоритъ священное писаніе, и какъ, вѣроятно, сказалъ бы самъ больной, еслибы былъ въ состояніи вспоминать латинскія изреченія.

Вдругъ онъ вспомнилъ, что м-съ Паттерсонъ положила ему въ чемоданъ мѣшечекъ съ вишневыми косточками. Все по тому же руководству Вергалья, чтобы предупредить или остановить

— «Вотъ змѣя!»—закричалъ Паттерсонъ, протягивая руку»..
(къ стр. 189).

морскую болѣзнь, слѣдовало держать во рту такую гигиеническую косточку. У м-ра Паттерсона былъ цѣлый мѣшокъ косточекъ: если случайно онъ проглотитъ одну, можно замѣнить ее другою.

М-ръ Паттерсонъ попросилъ Луи Клодіона развязать мѣшокъ и вынуть одну косточку. Онъ взялъ ее въ ротъ. Почти тотчасъ же онъ икнулъ, и косточка вылетѣла, какъ горохъ изъ пращи.

Но какъ же быть? Какимъ предписаніямъ слѣдовать? Всѣ предупредительныя и цѣлительныя средства истощены! Не предписано ли въ руководствѣ принять въ подобномъ случаѣ немного пищи? Да, но въ томъ же руководствѣ есть совѣтъ воздерживаться отъ ѣды...

Мальчики положительно не знали, что имъ дѣлать съ окончательно изнемогавшимъ м-ромъ Паттерсономъ. Они не оставляли его ни на минуту одного. Они помнили, что больного слѣдуетъ развлекать, не позволять мрачнымъ мыслямъ овладѣвать имъ. Но даже чтеніе любимыхъ авторовъ не въ силахъ было развлечь м-ра Паттерсона.

Въ концѣ концовъ, такъ какъ больному нуженъ былъ прежде всего воздухъ, а въ каютѣ было душно, Вага разостлалъ ему матрацъ на ютѣ.

М-ръ Горацій Паттерсонъ легъ на приготовленное для него ложе, убѣдившись на этотъ разъ, что ни энергія и сила воли, ни предписанія, перечисленные въ лѣчебникѣ, не помогаютъ отъ морской болѣзни.

— Какъ измучился нашъ бѣдняга экономя!—сказалъ Роджеръ Гинсдаль.

— Да, пожалуй, не напрасно снѣ составилъ духовное завѣщаніе!—отвѣчалъ Джонъ Говардъ.

Они преувеличивали—отъ такихъ болѣзней не умираютъ.

Наконецъ, такъ какъ тошнота все продолжалась, корабельный слуга тоже далъ совѣтъ.

— Есть еще одно средство, которое иногда помогаетъ!—сказалъ онъ.

— Ахъ, еслибы оно помогло на этотъ разъ! — вздохнулъ

м-ръ Паттерсонъ.—Скажите, какое это средство, если еще не поздно!..

— Держать въ рукахъ лимонъ во все время плаванія, днемъ и ночью!

— Дайте сюда лимонъ!—говорилъ м-ръ Паттерсонъ прерывающимся голосомъ.

Это была не выдумка, не шутка Ваги. Специалисты, рекомендующіе способы бороться съ морской болѣзью, предписываютъ, между прочимъ, и такое средство.

Къ несчастью, и оно не помогло. М-ръ Паттерсонъ, самъ желтый, какъ лимонъ, тщетно стискивалъ судорожнымъ движеніемъ руки лимонъ, облегченія не было, и сердце по прежнему колотилось въ груди.

Попробовалъ м-ръ Паттерсонъ надѣть очки со смазанными киноварью красными стеклами. Не подѣйствовало и это. Казалось, всѣ средства, извѣстныя въ корабельной аптекѣ, были истощены. Оставалось только ждать, что природа возьметъ свое, и болѣзнь прекратится сама собою.

Вслѣдъ за Вагой пришелъ съ совѣтомъ Корти.

— Вы не струсите, м-ръ Паттерсонъ?—спросилъ онъ.

Кивкомъ головы м-ръ Паттерсонъ далъ понять, что не знаетъ.

— Въ чемъ дѣло?—спросилъ Луи Клодіонъ, не довѣрившій терапіи моряковъ.

— Надо проглотить стаканъ морской воды, только и всего!—отвѣчалъ Корти. — Часто это средство оказывается дѣйствительнымъ!

— Не хотите ли попробовать, м-ръ Паттерсонъ?—спросилъ Губертъ Перкийсъ.

— Все, что угодно!—стоналъ несчастный.

— Ну,—сказалъ Тони Рено,—это еще не Богъ вѣсть какъ трудно!

— Нѣтъ, только одинъ стаканъ! — говорилъ Корти, спуска въ море бакъ и зачерпнувъ имъ прозрачной, какъ хрусталь, воды.

М-ръ Паттерсонъ съ рѣдкой энергіей испытывалъ всѣ сред-

ства, какія ему рекомендовали. Онъ приподнялся на матрацъ, принялъ дрожащею рукою стаканъ, поднесъ его къ губамъ и сдѣлалъ большой глотокъ.

Это былъ послѣдній ударъ. Кажется, еще никогда тошнота не сопровождалась такими спазмами, такими оудорогами, конвульсіями, отхаркиваніями, какъ въ этотъ разъ. Кончилось тѣмъ, что пациентъ лишился чувствъ.

— Нельзя же его оставить здѣсь въ такомъ положеніи, — сказалъ Луи Клодіонъ. — Я думаю, лучше перенести его въ каюту!

— Да, остается только положить его на койку, на которой, пожалуй, онъ проваляется до тѣхъ поръ, пока мы не придемъ на островъ Св. Томы! — сказалъ Джонъ Карпентеръ.

Можетъ быть, у боцмана мелькнула мысль, что если м-ръ Паттерсонъ отдастъ Богу душу до прибытія на Антильскіе острова, ему и его товарищамъ достанется на семьсотъ фунтовъ меньше...

Корти кликнулъ Вагу, и они вдвоемъ перенесли больного, который такъ и не приходилъ въ себя.

Убѣдившись въ бесполезности внутренняго лѣченія, рѣшили приняться за наружное, которое могло, быть можетъ, помочь. Роджеръ Гинсдаль вспомнилъ, что не попробовали еще одного средства, предписываемаго руководствомъ Вергала.

М-ра Паттерсона, который, кажется, не шевельнулся бы, не оказалъ бы сопротивленія даже, еслибы съ него стали сдирать кожу, раздѣли и стали растирать ему животъ жидкимъ коллодіемъ.

Растирали его не особенно бережно и нѣжно. Здоровенный Вага изо-всей силы растиралъ его, такъ что м-ръ Паттерсонъ могъ бы въ благодарность за усердіе по крайней мѣрѣ устроить обѣщанную матросу награду.

Въ концѣ концовъ, неизвѣстно отъ какой причины, пациентъ очнулся и знакомъ попросилъ прекратить растиранія. Онъ повернулся на койкѣ и какъ бы снова впалъ въ безчувственное состояніе.

Его оставили въ покоѣ, пока онъ самъ не позоветъ на по-

мощь. Дѣйствительно, могло случиться, что м-ръ Горацій Паттерсонъ придетъ въ себя лишь къ концу плаванія, что его умственные и физическія силы вернутся къ нему только, когда онъ вступитъ на твердую почву одного изъ острововъ архипелага.

Однако, практичный и серьезный экономъ будетъ вправѣ считать ошибочнымъ и лживымъ руководство Вергалья, заключающее въ себѣ не менѣе двадцати восьми рецептовъ, руководство, которому онъ такъ довѣрялъ.

Впрочемъ, кто знаетъ? Можетъ быть, изъ всѣхъ предписаній Вергалья наибольшаго довѣрія заслуживало именно двадцать-восьмое, которое мы приводимъ здѣсь дословно.

«Не надо ничего дѣлать, чтобы предохранить себя отъ морской болѣзни».

XII.

Въ Атлантическомъ океанѣ.

Плаваніе продолжалось при довольно благопріятныхъ условіяхъ, и даже состояніе м-ра Горація Паттерсона нѣсколько улучшилось. Излишне было бы говорить, что онъ отказался отъ мысли держать все время въ рукѣ лимонъ. Въ самомъ дѣлѣ, растиранія коллодіемъ, произведенныя Вагой, возымѣли свое дѣйствіе. Сердце ментора стало биться правильно, какъ часы въ квартирѣ эконома Антильской школы.

Иногда налеталъ шквалъ и съ яростью подбрасывалъ «Рѣз-ваго», но корабль легко выдерживалъ это. Пассажиры, особенно Тони Рено и Магнусъ Андерсъ, изумлялись ловкости, съ которою работали матросы подъ командою Гарри Маркела. Они помогали закрѣплять паруса, брасопить реи, брать рифы, все это было легко дѣлать благодаря устройству двойныхъ марселей. При всемъ этомъ м-ръ Паттерсонъ не присутствовалъ и не могъ совѣтовать имъ быть осторожнѣе, но онъ могъ быть покоенъ: Джонъ Карпентеръ слѣдилъ за юными моряками съ чисто отеческой заботливостью... и мы знаемъ, почему.

Впрочемъ, «Рѣзвый» продолжалъ плыть благополучно. Вѣтеръ по-прежнему дулъ восточный, бури не волновали море.

Много удовольствія во время плаванія доставляла мальчи-камъ рыбная ловля, которая шла удачно. Стоило бросить удочку, чтобы поймать рыбу. Больше всего любили это занятіе терпѣ-ливый Губертъ Перкинсъ и хладнокровный Альбертъ Льюенъ. Благодаря ловлѣ, меню корабельныхъ обѣдовъ было очень раз-нообразно. Не только пассажиры, но и весь экипажъ отвѣдали всевозможныхъ морскихъ рыбъ.

М-ръ Паттерсонъ охотно посмотрѣлъ бы на рыбную ловлю но онъ еще мало выходилъ изъ своей каюты и то, чтобы по-дышать воздухомъ. Онъ, конечно, съ интересомъ посмотрѣлъ бы также, какъ играютъ морскія свиньи и дельфины, рѣзвя-щіеся около корабля, послушалъ бы радостные возгласы маль-чиковъ при видѣ прыжковъ и скачковъ этихъ «морскихъ клоу-новъ».

— Вотъ эту парочку можно было бы поймать на лету!— говорить одинъ.

— А эти, того гляди, ударятся о форъ-штевень! — замѣ-чаетъ другой.

Эти граціозныя и гибкія животныя собирались иногда ста-домъ по пятнадцати, двадцати штукъ у носа или кормы ко-рабля. Они то обгоняли корабль, то ныряли съ одной стороны борта и выплывали изъ-подъ килы съ другой стороны; они дѣлали прыжки въ три фута надъ поверхностью воды, падали описавъ на воздухъ граціозную дугу; ихъ можно было видѣть въ глубинѣ зеленоватыхъ и прозрачныхъ водъ.

Нѣсколько разъ Джонъ Карпентеръ и Корти пытались, по просьбѣ мальчиковъ, поймать морскую свинью, вонзивъ въ нее острогу, но это не удавалось—рыба быстро уплывала.

Акулы, которыми кишитъ Атлантическій океанъ, ловятся легче. Онѣ такъ жадны, что бросаются на все, что бы ни упало въ море, будь-то шляпа, бутылка, обрубокъ дерева, конецъ ка-ната. Для ихъ ужасныхъ желудковъ не существуетъ несъѣдоб-ныхъ предметовъ. То, что не переваривается, остается въ нихъ.

7-го іюля поймали акулу двѣнадцати футовъ длины. Проглотивъ надѣтый въ видѣ приманки на крючокъ кусокъ мяса, она билась съ такою силою, что матросамъ съ трудомъ удалось вытащить ее на палубу. Луи Клодіонъ и другіе мальчики съ ужасомъ смотрѣли на исполинское чудовище. Джонъ Карпентеръ предупредилъ ихъ, чтобы они не подходили къ акулѣ, потому что удары ея хвоста странно опасны.

Акулу ударили топоромъ; но даже, когда ей вскрыли брюхо, она пыталась уйти, дѣлая ужасные прыжки съ одного борта корабля на другой.

М-ръ Горацій Паттерсонъ, къ сожалѣнію, не присутствовалъ при этомъ событіи; онъ навѣрно занесъ бы это интересное происшествіе въ свои путевыя замѣтки и согласился бы съ мнѣніемъ ученаго натуралиста Рокфора, который считаетъ французское названіе акулы «requin» искаженнымъ производнымъ словомъ отъ латинскаго «requiem.»

Время шло день за днемъ, и никто не жаловался на однообразіе. То и дѣло, случалось что-нибудь непредвидѣнное. Вотъ стая морскихъ птицъ кружится надъ реями. Роджеру Гинсдалю и Луи Клодіону удалось подстрѣлить нѣсколькихъ изъ нихъ выстрѣломъ изъ винтовки.

По распоряженію Гарри Маркела, матросы экипажа совсѣмъ не касались пассажировъ. Только боцманъ, Корти и корабельный слуга Вага имѣли съ ними сношенія. Самъ Гарри Маркель оставался по прежнему холоденъ и неразговорчивъ.

Довольно часто на встрѣчу «Рѣзвому» попадались нарушныя суда, пароходы; но они проходили далеко отъ корабля. Впрочемъ, Гарри Маркель съ умысломъ держался отъ нихъ подальше. Когда какой-нибудь корабль проходилъ контрагалсомъ вблизи «Рѣзваго», онъ придерживался къ вѣтру, чтобы увеличить раздѣляющее ихъ разстояніе. Мальчики, конечно, не замѣчали этого.

18-го числа, около трехъ часовъ пополудни «Рѣзваго» догналъ быстроходный пароходъ, шедшій на юго-западъ, т. е. въ томъ же направленіи, какъ «Рѣзвый».

Это былъ американскій пароходъ «Портландъ», возвращав-

шійся черезъ Магеллановъ проливъ изъ Европы въ Калифорнію.

Когда между обоими судами оставалось разстояніе всего въ одинъ кабельтовъ, капитаны обмѣнялись обычными вопросами:

— Какъ дѣла на кораблѣ?

— Все благополучно!

— Ничего новаго съ тѣхъ поръ, какъ отплылъ корабль?

— Ничего!

— Куда идете?

— На Антильскіе острова. А вы?

— Въ Санъ-Діего!

— Въ добрый часъ!

— Вамъ также желаемъ счастливаго плаванія!

«Портландъ», немного замедлившій свой ходъ, снова пустился на всѣхъ парахъ въ путь. Долго еще видѣли пассажиры облако дыма, которое онъ оставлялъ за собой, наконецъ, онъ исчезъ на горизонтѣ.

Послѣ двухъ недѣль плаванія Тони Рено и Магнусъ Андерсъ стали отыскивать на картѣ первый берегъ, который долженъ завидѣть часовой на верхушкѣ мачты корабля.

На пути, по которому слѣдовалъ «Рѣзвый», первые должны были показаться на горизонтѣ Бермудскіе острова.

Острова эти лежатъ подъ шестьдесятъ-четвертымъ градусомъ западной долготы и тридцать первымъ градусомъ сѣверной широты. Они принадлежатъ Англіи и находятся на пути, по которому проходятъ корабли, отправляющіеся изъ Европы въ Мексиканскій заливъ. Ихъ всего около четырехсотъ и главнѣйшіе изъ нихъ Бермуда, Св. Георгій, Куперъ, Сомерсетъ. На этихъ островахъ есть много якорныхъ мѣстъ, и суда здѣсь охотно останавливаются, чтобы починить попорченныя части корабля или запастись провіантомъ—и то, и другое крайне важно въ этой части Атлантическаго океана, гдѣ бури и шквалы—довольно частое явленіе.

19-го іюля «Рѣзвый» былъ еще миляхъ въ шестидесяти отъ острововъ, а пассажиры начали уже направлять зрительныя трубки на западъ. Для непривычнаго глаза трудно отли-

чить гористые берега отъ темныхъ облаковъ на границѣ моря и неба.

Однако, уже утромъ Джонъ Карпентеръ, Тони Рено и Магнусъ Андерсъ, различивъ вдали Бермудскіе острова, обмѣнялись слѣдующими фразами:

— Смотрите по направленію отъ штурбота!.. — говорилъ Тони.

— Видите, видите вершины горъ? — спрашивалъ Магнусъ Андерсъ.

— Вижу, мистеръ. Вершины эти прорѣзають облака и вышаются надъ ними!

Еще до заката солнца на западѣ смутно обрисовались круглые контуры береговыхъ утесовъ, а утромъ «Рѣзвый» проходилъ мимо острова Св. Давида, самаго восточнаго изъ всего архипелага.

Между тѣмъ, сильные шквалы давали себя чувствовать. Шквалы прерывались молніями, перерѣзавшими небо въ юго-восточномъ направленіи, и «Рѣзвый» пришлось привести къ вѣтру. Цѣлый день море волновалось. Чтобы не быть залптымъ волнами, корабль повернулъ подъ марселями.

Было бы благоразуміе и осторожнѣе, еслибы Гарри Маркель зашелъ въ одну изъ гаваней архипелага, напримѣръ, у острова Св. Георгія. Но онъ предпочелъ подвергнуться опасности кораблекрушенія, чѣмъ бросить якорь въ гавани англійской колоніи, гдѣ могли знать капитана Пакстона. Итакъ, онъ остался въ морѣ. Надо отдать справедливость, что онъ замѣчательно умѣло управлялъ кораблемъ. «Рѣзвый» потерпѣлъ лишь незначительныя поврежденія.

М-ръ Паттерсонъ перенесъ эту качку, длившуюся шестьдесятъ часовъ, лучше, чѣмъ можно было ожидать. Пострадали на этотъ разъ отъ качки, хотя и не такъ ужасно, какъ почтенный экономъ, и нѣкоторые изъ мальчиковъ: Джонъ Говардъ, Нильсъ Арбо и Альбертъ Льювенъ. Зато Луи Клодіонъ, Роджеръ Гинсдаль, Губертъ Перкинсъ, Аксель Викборнъ не могли налюбоваться борьбой разбушевавшихся стихій.

Что касается Тони Рено и Магнуса Андерса, они были вполнѣ

денными моряками. Ихъ сердце было покрыто тѣми *aes triplex* *), которыхъ не было у м-ра Паттерсона, въ чемъ онъ такъ за-видовалъ первому мореплавателю Горація.

Шкваломъ отбросило «Рѣзвый» на сотню миль отъ его пути. Эту потерю времени трудно наверстать, даже если корабль безъ дальнѣйшихъ злключеній достигнетъ мѣстъ, гдѣ пассатные вѣтры дуютъ съ востока на западъ. На несчастье Гарри Маркела, правильные попутные вѣтры, дувшіе все время послѣ отплытія изъ Кинстоуна, измѣнили ему. Во время плаванія между Бермудскими островами и Американскимъ материкомъ погода стояла переменная: то настанетъ штиль, и корабль едва, едва проходитъ одну милю въ часъ, то налетитъ шквалъ, матросы спѣшатъ убирать брамселя.

Мало-по-малу выяснилось, что пассажиры прибудутъ на островъ Св. Оомы нѣсколькими днями позже, чѣмъ предполагали. Родственники, вѣроятно, будутъ беспокоиться, узнавъ о запозданіи «Рѣзваго». Подводный телеграфъ далъ знать въ Барбадосъ объ отѣздѣ капитана Пакстона, о днѣ отплытія корабля изъ Корка. Прошло двадцать слишкомъ дней, а о суднѣ нѣтъ никакихъ извѣстій.

Правда, Гарри Маркелу и его товарищамъ было мало дѣла до этихъ страховъ. Ихъ грызло другое чувство—нетерпѣніе поскорѣ отдѣлаться отъ этой вынужденной поѣздки по Антильскимъ островамъ и плыть поскорѣ безъ всякихъ опасеній къ мысу Доброй Надежды.

20-го іюля, утромъ, «Рѣзвый» переплылъ тропикъ Рака, прошелъ Багамскій каналъ, который Флоридскимъ проливомъ соединяется съ Мексиканскимъ заливомъ.

Еслибы «Рѣзвый» прошелъ экваторъ, Роджеръ Гинсдаль и его друзья не преминули бы отпраздновать это событіе. Они охотно подчинились бы требованіямъ этого традиціоннаго тор-

*) „тройными досѣхами“. Въ одной изъ своихъ одъ римскій поэтъ Горацій описываетъ такъ смѣлость перваго мореплавателя: „Тройная дубовая обшивка, тройные досѣхи покрывали сердце челоуѣка, который довѣрилъ страшнымъ волнамъ свой хрупкій челнъ“.

жества и взяли бы на себя расходъ «на крестины» въ видѣ выдачи наградныхъ денегъ матросамъ. Но экваторъ находится на двадцать три градуса южнѣе, а праздновать переходъ черезъ двадцать третью параллель не было причины.

Еслибы м-ръ Горацій Паттерсонъ былъ здоровъ, онъ съ удовольствіемъ принялъ бы привѣтствія старика «Тропика» и его масляничнаго кортежа. Экономъ Антильской школы сдѣлалъ бы это съ присущими ему любезностью и достоинствомъ.

Впрочемъ, хотя никакого торжества не было, Гарри Маркелъ, по просьбѣ школьниковъ, приказалъ въ этотъ день выдать матросамъ двойную порцію.

По расчетамъ, «Рѣзвый» находился въ этотъ день въ двухъ стахъ пятидесяти миляхъ разстоянія отъ ближайшаго изъ Антильскихъ острововъ. Встрѣтивъ въ открытомъ морѣ, при устьѣ Багамскаго канала, Гольфстремъ, это теплое теченіе, распространяющееся до сѣверныхъ областей Европы, воды котораго не смѣшиваются съ водами Атлантическаго океана, «Рѣзвый» еще болѣе замедлится въ дорогѣ. Впрочемъ, въ этой мѣстности дуютъ постоянные пассатные вѣтры, которые помогутъ «Рѣзвому», и дня черезъ три часовой на верху мачты увидитъ горы острова Св. Томы, первой гавани, въ которую зайдетъ корабль.

Невольный страхъ овладѣвалъ экипажемъ, по мѣрѣ приближенія къ Антильскому архипелагу, среди котораго придется плавать нѣсколько недѣль, что небезопасно.

Джонъ Карпентеръ и Корти часто толковали по этому поводу. Игра предстояла опасная. Конечно, стоило рискнуть изъ за семи тысячъ фунтовъ. Но если имъ придется заплатить за это жизнь? Если въ нихъ узнаютъ пиратовъ съ «Галифакса» и Кинстоунскихъ бѣглецовъ и предадутъ въ руки правосудія? Теперь еще можно спастись: стоитъ только напасть ночью на далекихъ отъ всякаго подозрѣнія и безоружныхъ пассажировъ и выбросить ихъ за бортъ. А тамъ «Рѣзвый» можетъ поворотить черезъ фордевиндъ.

На всѣ доводы и опасенія друзей Гарри Маркелъ отвѣчалъ одно:

— Положитесь на меня!

Онъ увлекалъ друзей своей дерзостью и самонадѣянностью, и они говорили:

— Ну, рискнемъ!

25-го іюля до Антильскихъ острововъ оставалось всего около шестидесяти миль въ направленіи востъ-зюдъ-востъ. Дулъ свѣжій вѣтеръ. Вершины горъ Св. Томы покажутся еще до заката.

Тони Рено не сходилъ въ этотъ день съ фокъ-мачты, а Магнусъ Андерсъ не спускался съ гротъ-мачты: каждый изъ нихъ хотѣлъ первый крикнуть:

«Земля! Земля!»

XIII.

Разсыльное судно „Эссексъ“.

Около четырехъ часовъ вечера Тони Рено закричалъ. Но онъ возвѣщалъ не о приближеніи къ землѣ, а о появленіи на морѣ другого корабля.

На западѣ, въ пяти или шести миляхъ отъ лѣваго борта судна, показался на горизонтѣ дымокъ.

Это мчался на всѣхъ парахъ прямо на «Рѣзваго» пароходъ.

Черезъ полчаса можно было видѣть уже корпусъ парохода, а еще черезъ полчаса онъ былъ уже всего въ четверти мили отъ «Рѣзваго».

Пассажиры столпились на ютѣ и перебрасывались замѣчаніями.

— Это казенный пароходъ...—говорилъ одинъ.

— Да,—отвѣчалъ другой,—потому что на его гротъ-мачтѣ развѣвается флагъ!

— Это англійскій корабль!—продолжалъ первый.

— По имени «Эссексъ»!—прибавилъ второй.

Въ самомъ дѣлѣ, это имя можно было прочесть въ зрительную трубку на кормѣ въ моментъ, когда корабль дѣлалъ поворотъ.

— Мнѣ кажется, что корабль хочетъ подойти къ намъ!—сказалъ Тони Рено.

Казалось, онъ не ошибался — таково было, дѣйствительно, намѣреніе разсыльнаго судна «Эссексъ», вмѣстимостью въ сто тоннъ. Оно подняло флагъ.

Поняли маневръ корабля и Гарри Маркель и его товарищи. Не оставалось сомнѣнія, что «Эссексъ» хочетъ вступить въ переговоры съ «Рѣзвымъ» и, умѣривъ ходъ, приближается къ нему.

Ужасъ овладѣлъ негодяями. Нѣсколько дней тому назадъ на Антильскихъ островахъ могла быть получена телеграмма; могли какимъ-нибудь образомъ узнать о томъ, что произошло въ Кинстоунѣ передъ отплытіемъ «Рѣзваго», о захватѣ корабля шайкой Маркела, убійствѣ капитана Пакстона и его матросовъ; а теперь «Эссексъ» высланъ для поимки злодѣевъ.

А впрочемъ, если поразмыслить хорошенько, этого не могло быть. Трудно предположить, чтобы Гарри Маркель, не пощадившій капитана Пакстона и его экипажъ, пощадилъ пассажировъ и отправился бы съ ними на Антильскіе острова. Неужели у него хватить наглости вмѣсто того, чтобы бѣжать, вести корабль къ мѣсту назначенія? Такой неосторожности нельзя ожидать отъ него.

Гарри Маркель ожидалъ разгадки съ большимъ хладнокровіемъ, чѣмъ Джонъ Карпейтеръ и Кортн. Пусть командиръ «Эссекса» вступитъ съ ними въ переговоры. Тогда дѣло выяснится. Разсыльное судно остановилось на разстояніи нѣсколькихъ кабельтовыхъ и дало сигналъ «Рѣзвому» лечь въ дрейфъ, «Рѣзвый» началъ бросопить реи и почти совсѣмъ остановился.

По примѣру «Эссекса», подняли флагъ и на «Рѣзвомъ».

Еслибы «Рѣзвый» не послушалъ приказа казеннаго судна, его принудили бы повиноваться. Уйти отъ преслѣдованія быстроходнаго и сильнаго разсыльнаго судна не было возможности. Нѣсколько пушечныхъ выстрѣловъ совершенно парализовали бы «Рѣзваго».

Впрочемъ, какъ мы уже сказали, Гарри Маркель и не пытался уйти. Еслибы даже командиръ «Эссекса» потребовалъ, чтобы онъ пріѣхалъ къ нему, онъ исполнилъ бы приказаніе.

Появленіе «Эссекса», его желаніе начать переговоры съ «Рѣзвымъ» очень занимали м-ра Паттерсона, Луи Клодіона, Роджера Гинсдаля и ихъ товарищей.

— Ужъ не послали ли этотъ военный корабль на встрѣчу «Рѣзвому», чтобы мы пересѣли на него и могли поскорѣе прибыть на Антильскіе острова?

Мысль эта мелькнула въ пылкомъ воображеніи Роджера Гинсдаля, но никто не раздѣлялъ его мнѣнія.

Между тѣмъ, съ «Эссекса» спустили шлюпку. Два офицера сѣли въ нее.

Въ нѣсколько взмаховъ весель шлюпка подплыла къ «Рѣзвому».

Офицеры поднялись по трапу съ правой стороны корабля.

— Гдѣ командиръ?

— Это я!—отвѣчалъ Гарри Маркель.

— Вы капитанъ Пакстонъ?

— Капитанъ Пакстонъ!

— Вашъ корабль вышелъ изъ Кинстоунской гавани 30-го іюня.

— Да!

— Пассажиры «Рѣзвого», вѣроятно, лауреаты Антильской школы?

— Вотъ они!—отвѣчалъ Гарри Маркель, указывая на стоявшихъ на ютѣ м-ра Паттерсона и его спутниковъ, внимательно слѣдившихъ за переговорами.

Офицеры вмѣстѣ съ Гарри Маркеломъ подошли къ нимъ. Лейтенантъ британскаго флота, который началъ переговоры, отвѣтилъ на ихъ поклонъ и началъ въ сдержанныхъ и краткихъ выраженіяхъ, какими говорятъ англійскіе офицеры:

— Командиръ «Эссекса» очень радъ встрѣчѣ съ «Рѣзвымъ», капитанъ Пакстонъ. Мы тоже рады, что застаемъ васъ всѣхъ здоровыми!

Гарри Маркель поклонился, ожидая, что лейтенантъ объяснитъ цѣль своего посѣщенія.

— Благополучно-ли совершили вы плаваніе?—спросилъ офицеръ.—Какая была погода?

— Благопріятная,—отвѣчалъ Гарри Маркель.—Только разъ, вблизи Бермудскихъ острововъ, насъ настигъ штормъ!

— Это задержало васъ въ пути?

— Мы были принуждены привести судно къ дрейфу на-
двое суток!

— М-ръ Паттерсонъ... изъ Антильской школы?—обратился
лейтенантъ къ наставнику, стоявшему во главѣ пассажировъ.

— Точно такъ, лейтенантъ,—отвѣчалъ эконокъ, кланяясь
съ обычной любезностью.—Честъ имѣю представить вамъ моихъ
юныхъ спутниковъ и прошу васъ принять увѣреніе въ моемъ
истинномъ уваженіи...

— Подпись: «Горацій Паттерсонъ»!—прошепталъ Тони Рено.
Разговаривавшіе дружески пожали другъ другу руку.

Лейтенантъ попросилъ Гарри Маркела показать ему эки-
пажъ корабля. Джону Карпентеру это показалось подозритель-
нымъ и не безопаснымъ. Не сирота устраиваетъ офицеръ всѣмъ
имъ осмотръ.

Тѣмъ не менѣе, по приказанію Гарри Маркела, онъ вы-
слалъ матросовъ на палубу, гдѣ они выстроились у гротъ-
мачты. Хотя пираты и старались придать лицу «честное вы-
раженіе», они могли показаться офицерамъ нѣсколько подозри-
тельными личностями.

— У васъ только девять матросовъ? спросилъ лейтенантъ.

— Девять!—отвѣчалъ Гарри Маркель.

— Между тѣмъ, намъ сказали, что экипажъ «Рѣзваго» со-
стоитъ изъ десяти человѣкъ, не считая васъ, капитанъ Пакстонъ!

Гарри Маркель попробовалъ уклониться отъ отвѣта на
этотъ неудобный вопросъ.

— Смѣю спросить, лейтенантъ,—спросилъ онъ, въ свою
очередь,—чему я обязанъ удовольствіемъ видѣть васъ у себя
на кораблѣ?

Вопросъ былъ понятенъ, и лейтенантъ отвѣчалъ:

— На Барбадосѣ беспокоятся о судьбѣ «Рѣзваго», который
запоздалъ. Особенно беспокоятся родственники пассажировъ въ
Европѣ и на Антильскихъ островахъ. М-съ Китленъ Сеймуръ
обратилась къ губернатору, и Его Превосходительство распо-
рядился выслать на встрѣчу «Рѣзвому» «Эссексъ». Вотъ по-
чему мы здѣсь и, повторяю, очень рады, что опасенія наши
не сбылись!

М-ръ Горацій Паттерсонъ не могъ удержаться, чтобы не отвѣтить на это выраженіе сочувствія. Съ большимъ достоинствомъ онъ выразилъ отъ имени пассажировъ и своего благодарность командиру «Эссекса», его офицерамъ, м-съ Китленъ Сеймуръ и Его Превосходительству генералъ-губернатору англійскихъ колоній на Антильскихъ островахъ.

Гарри Маркель замѣтилъ, что не стоило такъ беспокоиться и посылать разсыльное судно изъ-за того, что «Рѣзвый» заюдалъ всего на двое сутокъ.

— Одно обстоятельство подало поводъ къ опасеніямъ за судьбу «Рѣзваго»!—отвѣчалъ лейтенантъ.

Джонъ Карпентеръ и Корти переглянулись. Они пожалѣли, что Гарри Маркель зашелъ слишкомъ далеко въ своихъ разспросахъ.

— «Рѣзвый» поднялъ паруса 30-го іюня вечеромъ, не такъ ли?

— Совершенно вѣрно,—отвѣчалъ Гарри Маркель съ обычнымъ хладнокровіемъ.—Мы снялись съ якоря такъ въ половинѣ восьмого вечера. Когда мы вышли, наступилъ штиль, и «Рѣзвый» заштилелъ на слѣдующій день въ виду берега, у мыса Робертсъ-Ковъ!

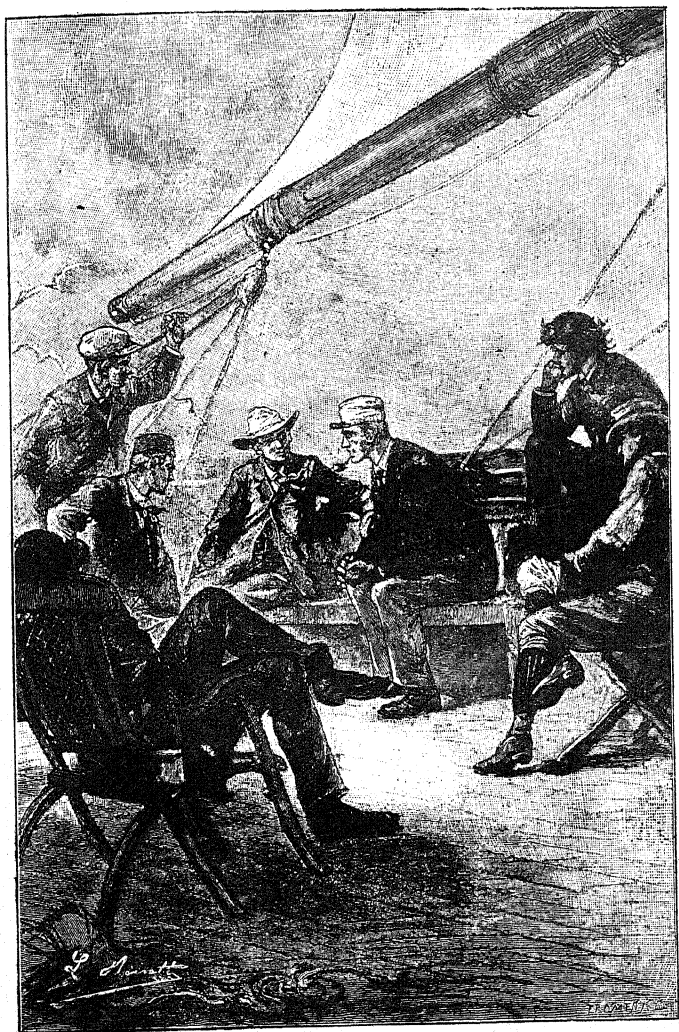
— Такъ вотъ, капитанъ Пакстонъ,—продолжалъ лейтенантъ,—на слѣдующій день именно къ этому берегу прибило волнами трупъ. По пуговкамъ куртки узнали, что это одинъ изъ матросовъ «Рѣзваго».

Дрожь пробѣжала по спинѣ у Джона Карпентера и другихъ разбойниковъ. Это навѣрно былъ трупъ одного изъ несчастныхъ убитыхъ ими матросовъ, тотъ трупъ, который видѣли пассажиры во время стоянки на якорѣ въ Робертсъ-Ковъ.

Лейтенантъ продолжалъ рассказывать, какъ о находкѣ трупа дали знать властямъ въ Барбадосѣ, какъ здѣсь, не безъ основанія, стали беспокоиться, не видя «Рѣзваго» въ назначенный срокъ.

— Вы потеряли одного матроса, капитанъ Пакстонъ?—спросилъ онъ.

— Да, матросъ Бобъ упалъ въ море въ то время, какъ мы

«Лауреаты бесѣдовали съ Виллемъ Митцемъ»... (къ стр. 209).

стояли на якорѣ въ Фармарской бухтѣ, и какъ мы ни старались, ни спасти, ни даже найти его намъ не удалось!

Объясненіе это не возбудило ни малѣйшаго подозрѣнія, на противъ, становилось понятнымъ, почему на кораблѣ не хватало одного матроса.

Пассажиры имѣли основаніе удивляться, почему имъ не рассказали о несчастномъ случаѣ. Одинъ изъ матросовъ погибъ еще до ихъ прибытія на корабль, а они ничего не знаютъ объ этомъ!

На вопросъ м-ра Горація Паттерсона относительно этого случая Гарри Маркель отвѣчалъ, что скрылъ несчастіе отъ молодыхъ пассажировъ, не желая, чтобы они пустились въ путь подъ тяжелымъ впечатлѣніемъ.

Отвѣтъ былъ вполнѣ правдоподобенъ, и никто не возражалъ.

Новое волненіе овладѣло присутствующими, когда лейтенантъ прибавилъ.

— Въ телеграммѣ, присланной изъ Кинстоуна въ Барбадосъ, сказано, что на гѣлѣ трупа (вѣроятно, это и былъ трупъ матроса Боба)—зіяла рана въ груди!

— Рана!—вскричалъ Луи Клодіонъ, а вся фигура м-ра Паттерсона выражала, что онъ во всемъ этомъ ничего не понимаетъ.

Гарри Маркель не затруднился отвѣтомъ и на этотъ разъ. Прекрасно владѣя собою, онъ продолжалъ:

— Матросъ Бобъ упалъ съ марса фокъ-мачты и ударился о кабестанъ, а потомъ его отбросило въ море. Вотъ, почему онъ пошелъ прямо ко дну, и мы не могли его найти!

Это объясненіе, какъ и предъидущія, могло показаться правдивымъ, еслибы лейтенантъ не досказалъ своей фразы:

— Рана у матроса не отъ ушиба, а отъ удара ножомъ въ сердце!

Снова страхъ овладѣлъ Джономъ Карпентеромъ и его друзьями. Чѣмъ все это кончится? Ужъ не поручено ли командиру «Эссекса» арестовать «Рѣзвый», отвести его въ Барбадосъ, гдѣ будетъ произведено слѣдствіе, которое, конечно, ничего хорошаго не обѣщаетъ? Личность ихъ будетъ удостовѣ-

рена. Ихъ отвезутъ въ Англію, и на этотъ разъ имъ не избѣжать наказанія. А главное, они не успѣютъ совершить еще одного преступленія, которымъ рассчитывали завершить свои подвиги послѣ отплытія «Рѣзваго» изъ Западной Индіи.

Но счастье не оставляло ихъ. Гарри Маркелу не пришлось искать объясненій удару ножомъ.

Въ то время какъ м-ръ Паттерсонъ, воздѣвъ руки къ небу, восклицалъ.

— Неужели рука убійцы поразила несчастнаго?

Лейтенантъ спокойно замѣтилъ:

— Телеграмма гласила, что, вѣроятно, матроса выбросило на берегъ живымъ, но здѣсь его нашла шайка бѣжавшихъ изъ Кинстоуской тюрьмы преступниковъ, которые и убили его ударомъ кинжала.

— Ахъ,—замѣтилъ Роджеръ Гинсдаль,—дѣло, должно быть, идетъ о шайкѣ пиратовъ съ «Галифакса», которые убѣжали изъ тюрьмы въ день нашего пріѣзда въ Кинстоунъ!

— Негодяи!—воскликнулъ Тони Рено.—А ихъ не удалось поймать, г. лейтенантъ?

— По послѣднимъ извѣстіямъ, полиціи еще не удалось напасть на ихъ слѣдъ. Во всякомъ случаѣ, они не могли убѣжать изъ Ирландіи, и рано или поздно ихъ арестуютъ!

— Этого можно искренно пожелать!—спокойно сказалъ Гарри Маркель, ни на минуту не терявшій присутствія духа.

Когда Джонъ Карпентеръ подошелъ вмѣстѣ съ Корти къ носу корабля, онъ тихо сказалъ ему:

— Умная башка нашъ капитанъ!

— Да,—отвѣчалъ тотъ,—за нимъ можно смѣло идти, куда бы онъ ни повелъ!

Офицеры передали м-ру Паттерсону и лауреатамъ поклонъ отъ м-съ Китленъ Сеймуръ. Она радовалась заранѣе при мысли о ихъ посѣщеніи, надѣялись, что они возможно дольше останутся на Барбадосѣ, если только ихъ не слишкомъ задержатъ на другихъ Антильскихъ островахъ, гдѣ ихъ тоже ожидаютъ съ нетерпѣніемъ.

Роджеръ Гинсдаль отъ имени товарищей просилъ офицеровъ

передать м-съ Китленъ Сеймуръ благодарность за все, что она сдѣлала для Антильской школы. Затѣмъ м-ръ Горацій Паттерсонъ произнесъ на прощанье одну изъ своихъ наиболѣе почувствованныхъ и витіеватыхъ рѣчей, но на бѣду въ концѣ рѣчи онъ смѣшалъ стихъ изъ Горація со стихомъ изъ Виргилія, что рѣдко случалось съ этимъ ученымъ человѣкомъ.

Офицеры простились съ капитаномъ и пассажирами, сошли по трапу въ шлюпку и уже хотѣли отчалить.

— Я думаю, капитанъ Пакстонъ,—крикнулъ вдругъ лейтенантъ,—что «Рѣзвый» завтра прибудетъ на островъ Св. Ѳомы, до котораго остается всего какихъ-нибудь пятьдесятъ миль?

— Я тоже думаю!—отвѣчалъ Гарри Маркель.

— Какъ только мы вернемся въ Барбадосъ, мы дадимъ телеграмму о нашемъ прибытіи!

— Благодарю васъ. Передайте, пожалуйста, мое почтеніе командиру «Эссекса»!

Шлюпка отчалила и въ одну минуту прошла разстояніе, отдѣлявшее ее отъ разсыльнаго судна.

Гарри Маркель и пассажиры салютовали тогда стоявшему на мостикѣ командиру. Имъ отдали салютъ.

Судно снялось съ якоря, раздались рѣзкіе свистки, и «Эссексъ» пустился въ путь на всѣхъ парахъ въ направленіи зюль-веста. Черезъ часъ онъ совершенно исчезъ изъ вида, виднѣлась только оставленная имъ полоска дыма.

«Рѣзвый» сталъ брасовать реи и поплылъ къ острову Св. Ѳомы.

Гарри Маркель и его друзья, встревоженные неожиданной встрѣчей съ «Эссексомъ», успокоились. Ни въ Англіи, ни на Антильскихъ островахъ никто не подозрѣвалъ, что они спаслись на кораблѣ, и даже именно на «Рѣзвомъ». Имъ положительно везло. Они могутъ смѣло плыть къ архипелагу. Ихъ примутъ съ почетомъ. Они будутъ заходить въ гавань то одного острова, то другого, безъ опасенія быть узванными. Въ послѣдній разъ они останутся въ Барбадосѣ, а ужъ оттуда оны, конечно, въ Европу не вернутся! Они на слѣдующій же день переименуютъ «Рѣзваго». Гарри Маркелу не затѣмъ будетъ

носить имя капитана Пакстона, ни м-ра Паттерсона, ни молодых пассажиров на корабль не будетъ. Дерзкій планъ долженъ удался. И пусть себѣ полиція разыскиваетъ въ Ирландіи пиратовъ съ «Галифакса»!

Послѣдняя часть путешествія прошла вполне благополучно. Погода стояла великолѣпная. Дулъ постоянный пассатный вѣтеръ, позволявшій «Рѣзвому» распустить все паруса, даже лиселя.

М-ръ Горацій Паттерсонъ окончательно привыкъ къ морю.

Изрѣдка только боковая или килевая качка вызывала въ немъ приступы морской болѣзни. Онъ даже снова занялъ свое мѣсто за столомъ и пересталъ держать во рту вишневья косточки.

— Держите косточку,—совѣтовалъ ему Корти,—это единственное средство отъ морской болѣзни!

— Мнѣ тоже кажется, другъ мой,—отвѣчалъ м-ръ Паттерсонъ,—и, къ счастью, у меня, благодаря предусмотрительности м-съ Паттерсонъ, еще порядочный запасъ ихъ!

День клонился къ вечеру. Испытавъ лихорадку, которая овладѣваетъ людьми при отъѣздѣ, наши юные лауреаты съ такой же лихорадкой ожидали пріѣзда. Они горѣли нетерпѣніемъ ступить на твердую землю одного изъ Антильскихъ острововъ.

По мѣрѣ того, какъ «Рѣзвый» приближался къ архипелагу, навстрѣчу попадались довольно часто пароходы и парусныя суда. Одни направлялись черезъ Флоридскій проливъ въ Мексиканскій заливъ, другіе выходили изъ залива, отправляясь въ одинъ изъ портовъ Старога Свѣта. Сколько удовольствія доставляло юношамъ случай извѣстить сигналами о появленіи корабля на горизонтѣ, встрѣчаться, обмѣниваться салютами съ англійскими, французскими и испанскими кораблями, которые чаще всего плаваютъ въ этихъ водахъ!

До заката солнца «Рѣзвый» шелъ по семнадцатой параллели, на широтѣ острова Св. Томы, до котораго оставалось всего двадцать миль, т. е. всего нѣсколько часовъ плаванія.

Гарри Маркель справедливо не хотѣлъ, однако, плыть ночью между массой островковъ и рифовъ, окружающихъ архипелагъ, и отдалъ Джону Карпентеру приказъ закрѣпить паруса.

Ночь прошла спокойно. Вѣтеръ сталъ меньше. Солнце встало утромъ въ безоблачномъ небѣ.

Около девяти часовъ съ гротъ-мачты подали сигналъ. Тони Рено громко и радостно кричалъ:

— Земля! Земля за штирборгомъ!

XIV.

Островъ Св. Ёомы и Св. Креста.

Мы уже говорили, что Востъ-Индія состоитъ по меньшей мѣрѣ изъ трехсотъ острововъ и островковъ. На самомъ дѣлѣ названія «островъ» заслуживаютъ по своимъ размѣрамъ и значенію лишь сорокъ два острова. Лауреаты Антильской школы должны были посѣтить девять изъ нихъ.

Всѣ они принадлежатъ къ группѣ такъ называемыхъ Малыхъ Антильскихъ острововъ, извѣстныхъ также подъ именемъ острововъ «На вѣтру». Англичане дѣлятъ ихъ на двѣ группы: сѣверную часть ихъ, отъ острововъ Дѣвы до острововъ Доминики, они называютъ Ливардскими островами, южную часть, простирающуюся отъ острова Мартиники до Тринидада,— Виндвардскими островами.

Не стоитъ придерживаться этого послѣдняго наименованія. Группа острововъ, омываемая на западѣ Карибскимъ моремъ, болѣе заслуживаетъ названія острововъ «На вѣтру», потому что на нее прежде всего дуютъ пассатные вѣтры, дующіе съ востока на западъ.

Воды Атлантического океана и Антильского моря сливаются между этими островами. Элизе Реклю сравнилъ эти острова съ быками огромнаго моста, между которыми протекаютъ многочисленные теченія Мексиканскаго залива.

Не слѣдуетъ смѣшивать этотъ заливъ съ Антильскимъ моремъ. Это два совершенно различныхъ бассейна, отличающіеся другъ отъ друга и формой, и величиной. Первый имѣетъ миллионъ пятьсотъ тысячъ, второй—милліонъ девятьсотъ тысячъ квадратныхъ километровъ.

Какъ извѣстно, въ 1492 г. Христофоръ Колумбъ открылъ Антильскіе острова Консепціонъ, Фернандину, Изабеллу и, наконецъ, самый большой островъ—Кубу. Генуэзскій мореплавателъ водрузилъ на всѣхъ этихъ островахъ испанскій національный флагъ. Но онъ думалъ, что его каравеллы *) достигли дальней Азіи, острововъ Прянныхъ Зелій, и умеръ, не подозрѣвая, что онъ открылъ новый материкъ.

Съ тѣхъ поръ разныя европейскія державы оспаривали другъ у друга владѣнія на Антильскихъ островахъ, вели кровопролитныя войны, безпрестанную борьбу, совершали массовыя убійства. Распри не окончены и посейчасъ **).

Въ настоящее время можно сдѣлать слѣдующій приближенный подсчетъ:

Гаити-Санъ-Доминго—островъ независимый. Англіи принадлежатъ семнадцать острововъ, Франціи—пять и еще половина острова Св. Мартина, Голландіи—пять и остальная половина острова Св. Мартина; Испаніи—два, Даніи—три, Венецуэлѣ—шесть, Швеціи—одинъ.

Названіемъ «Вестъ-Индіи» Антильскіе острова обязаны ошибкѣ Христофора Колумба, думавшаго, что онъ высадился въ Азіи.

Группа Малыхъ Антильскихъ острововъ разбросана на пространствѣ шести тысячъ четырехсотъ восьми квадратныхъ километровъ отъ сѣвернаго острова Сомбреро до южнаго-Барбадосъ. Три тысячи пятисотъ пятьдесятъ квадратныхъ километровъ принадлежатъ Англіи, двѣ тысячи семьсотъ семьдесятъ семь—Франціи и восемьдесятъ одна тысяча—Голландіи.

На всѣхъ островахъ, въ общей сложности, семьсотъ девяносто двѣ тысячи жителей, изъ которыхъ четыреста сорокъ восемь тысячъ приходится на долю Англіи, триста тридцать шесть тысячъ—Франціи и восемь тысячъ двѣсти—Голландіи.

Датчанамъ принадлежатъ острова Дѣвны на пространствѣ

*) Каравелла—морское судно.

**) Еще въ 1898 году острова Куба и Порто-Рико были причиною испано-американской войны.

трехсотъ пятидесяти квадратныхъ километровъ съ тридцатью тысячами жителей, но въ этой же группѣ есть владѣнія и у англичанъ: сто шестьдесятъ пять километровъ съ пятью тысячами двумястами жителей.

Впрочемъ, эти острова могутъ быть причислены и къ группѣ Малыхъ Антильскихъ острововъ. Датчане завладѣли ими въ 1671 году и называютъ ихъ своими Вестъ-Индскими колоніями. Сюда относятся острова Св. Ёмы, Св. Іоанна и Св. Креста. На островѣ Св. Ёмы родился одинъ изъ нашихъ юныхъ путешественниковъ, шестой лауреатъ Антильской школы, Нильсъ Арбо.

Утромъ 26-го іюля послѣ благополучнаго двадцатидневнаго плаванія «Рѣзвый» долженъ былъ бросить якорь въ гавани этого острова. Отсюда путь «Рѣзваго» лежалъ на югъ, къ другимъ островамъ.

Островъ Св. Ёмы — не великъ, но у него — превосходная хорошо защищенная гавань. Въ ней могутъ бросить якорь до пятидесяти большихъ кораблей. Не даромъ англійскіе и французскіе флибустьеры долго оспаривали другъ у друга эту гавань въ тѣ времена, когда европейскіе флоты вели войну въ этихъ водахъ, какъ хищные звѣри, вырывая другъ у друга наиболѣе лакомые куски добычи, отнимая другъ у друга Антильскіе острова и снова теряя ихъ.

Братъ Нильса, Христіанъ Арбо, жилъ на островѣ Св. Ёмы. Братья не видались уже нѣсколько лѣтъ. Легко себѣ представить, съ какимъ нетерпѣніемъ ожидали они оба минуты, когда «Рѣзвый» войдетъ въ гавань.

Христіанъ, единственный родственникъ Нильса на островѣ, одиннадцатю годами старше Нильса, считался однимъ изъ самыхъ богатыхъ мѣстныхъ коммерсантовъ. Это былъ симпатичный человѣкъ, отличавшійся тою милою сдержанностью, которая характеризуетъ сѣверянъ. Поселившись въ датской колоніи, Арбо продолжалъ торговлю пищевыми продуктами и матеріалами, которую раньше велъ его дядя.

Еще не далеко было то время, когда торговля на островѣ Св. Ёмы была въ рукахъ евреевъ. Въ періодъ безпрестанныхъ

войнѣ на островахъ, и особенно съ тѣхъ-поръ, какъ окончательно была запрещена торговля неграми, торговое дѣло шло хорошо. Портъ Шарлотта-Амалія былъ объявленъ свободнымъ отъ платежа портовыхъ денегъ, и это содѣйствовало его процвѣтанію. Онъ представлялъ много удобствъ для кораблей всѣхъ національностей: въ немъ они находили защиту отъ пассатныхъ вѣтровъ и штормовъ, такъ какъ островъ хорошо защищенъ горами, а морская зыбь разбивается о длинную береговую косу. На небольшомъ островкѣ, лежащемъ вблизи, можно было за-
настись углемъ.

Береговой телеграфъ подалъ сигналъ о приближеніи «Рѣзвого». Корабль обошелъ мысы Ковель и Молентеръ, береговую косу и островокъ, миновалъ маякъ и вышелъ въ круглый открытый къ сѣверу бассейнъ, на берегу котораго показались первыя городскія зданія. Развернули семь-восемь саженьей якорной цѣпи, и «Рѣз-
вый» остановился на глубинѣ четырехъ-пяти метровъ.

Реклю справедливо замѣчаетъ, что островъ Св. Ёомы зани-
маетъ наиболѣе выгодное мѣстоположеніе, такъ какъ находится въ пунктѣ, откуда «удобнѣ всего распредѣлять товары между
остальными частями архипелага».

Понятно, почему флибустьеры съ самаго начала облюбовали
этотъ портъ. Скоро онъ сдѣлался центромъ торговли контрабандой съ испанскими колоніями и главнымъ рынкомъ сбыта «чернаго
дерева», т. е. негровъ, скупленныхъ на африканскомъ побережьи и привезенныхъ для продажи въ Вестъ-Индію. По-
этому датчане, завладѣвшіе портомъ, никогда не выпускали его изъ рукъ. Портъ достался датскому королю по наслѣдству
отъ Бранденбургскаго Курфюрста, пріобрѣвшаго его нѣкогда
отъ одного торговаго товарищества.

Лишь только «Рѣзвый» бръ силъ якорь, Христіанъ Арбе
поди́халъ въ шлюпкѣ къ кораблю, и братья упали другъ
другу въ объятія. Пожавъ руку м-ру Горацію Паттерсону и
его спутникамъ, коммерсантъ сказалъ:

— Друзья мои, надѣюсь, что вы будете моими гостями во
все время вашего пребыванія на ос.ровѣ Св. Ёомы. Сколько
времени будетъ стоять на якорѣ «Рѣзвый»?

— Три дня!—сказалъ Нильсъ Арбо.

— Только-то?

— Да, Христіанъ, не больше. Мнѣ очень жаль, потому что мы давно, давно не видѣлись...

— М-ръ Арбо,—сказалъ наставникъ,—мы охотно принимаемъ ваше любезное приглашеніе. Мы будемъ вашими гостями, пока корабль стоитъ у острова Св. Томы. Но отложить свой отъѣздъ мы не можемъ!

— Знаю, м-ръ Паттерсонъ, вамъ дано точное расписаніе, которому вы должны слѣдовать!

— Да, м-съ Китленъ Сеймуръ...

— Вы ее знаете, м-ръ Арбо?—спросилъ Луи Кладіонъ.

— Нѣтъ,—отвѣчалъ Христіанъ,—но я много о ней слышалъ: она извѣстна своей благотворительной дѣятельностью. А вамъ, капитанъ Пакстонъ,—продолжалъ онъ, обращаясь къ Гарри Маркелу,—позвольте выразить отъ имени родителей всѣхъ пассажировъ благодарность за всѣ ваши заботы о нихъ...

— Капитанъ вполне заслужилъ эту благодарность,—поспѣшилъ вставить словечко м-ръ Паттерсонъ.—Правда, море было немилостиво къ намъ, особенно ко мнѣ, *horresco-referens* *)! Но надо отдать справедливость капитану: онъ сдѣлалъ все, чтобы сдѣлать плаваніе удобнымъ и пріятнымъ..

Разсыпаться въ любезностяхъ было не въ характерѣ Гарри Маркела. Онъ даже чувствовалъ себя неловко подъ пристально устремленнымъ на него взглядомъ Христіана Арбо. Слегка поклонившись, онъ сказалъ только:

— Я ничего не имѣю противъ того, чтобы пассажиры «Рѣзваго» воспользовались вашимъ гостепрѣимствомъ, съ тѣмъ условіемъ, однако, чтобы отъѣздъ состоялся въ назначенный день, безъ отлагательствъ!

— Непремѣнно, капитанъ Пакстонъ,—возразилъ Христіанъ

*) *Horresco-referens*—„я содрагаюсь, рассказывая это“—слова нея, рассказывающаго о томъ, какъ змѣи задушили Лаокоона и его двухъ сыновей („Энеида“ *Виргилія* кн. II стихъ 204). *Прим. перев.*

Арбо.—А теперь милости просимъ вмѣстѣ съ ними ко мнѣ обѣдать!

— Благодарю васъ,—отвѣчалъ Гарри Маркель.—Надо сдѣлать кое какія починки на корабль, и я не могу отлучиться даже на часъ времени. Да и вообще я буду какъ можно меньше уѣзжать съ корабля!

Христіана Арбо удивила сухость отвѣта. Среди моряковъ и очень часто среди командировъ торговыхъ судовъ встрѣчаются грубые, мало образованные люди, съ угловатыми манерами. Но, знакомясь съ Гарри Маркеломъ и его экипажемъ, Христіанъ Арбо ожидалъ вынести изъ этого знакомства лучшее впечатлѣніе. А впрочемъ, капитанъ хорошо командовалъ «Рѣзвымъ», путешествіе прошло благополучно—чего же еще требовать?

Полчаса спустя, пассажиры вышли на набережной Шарлотты-Амалии и пошли къ дому Христіана Арбо.

Лишь только они сошли съ корабля, Джонъ Карпентеръ сказалъ Гарри Маркелу:

— Ну, Гарри, кажется, все идетъ, какъ по маслу?

— Да,—отвѣчалъ Гарри Маркель,—надо только очень остерегаться, когда будемъ заходить въ гавани!

— Будемъ осторожны, Гарри. Кому изъ насъ охота губить дѣло? Начали хорошо, надо довести его до конца!

— Конечно, Джонъ. Лишь бы на островѣ Св. Ёомы никто не зналъ капитана Пакстона. Смотри въ оба, чтобы никто изъ матросовъ не выходилъ на берегъ!

Гарри Маркель хорошо дѣлалъ, что не пускалъ матросовъ на берегъ. Посѣщая таверны и кабаки, они могли напиться пьяными—это случалось съ ними каждый разъ, какъ ихъ оставляли безъ надзора—и могли сболтнуть лишнее. Ужъ лучше было вовсе не пускать ихъ на берегъ.

— Ты правъ, Гарри,—сказалъ Джонъ Карпентеръ.—А если имъ ужъ очень захочется выпить, можно будетъ отпустить имъ двойную, даже тройную порцію. Пассажиры теперь пробудутъ три дня на берегу, не бѣда, если матросы выпьютъ лишнее!

Хотя матросы охотно вознаграждали себя за долгое воздержаніе во время плаванія всякій разъ, какъ они выходили на

берегъ, на этотъ разъ они сами слишкомъ хорошо понимали всю важность положенія. Чтобы не испортить дѣло, надо было избѣгать всякаго сношенія съ жителями острова, съ моряками всѣхъ національностей, которые посѣщаютъ портовые кабачки; надо было опасаться, чтобы одинъ изъ нихъ не узналъ котораго-нибудь изъ пиратовъ съ «Галпфакса». Итакъ, Гарри Маркель отдалъ приказъ, чтобы никто не выходилъ на берегъ, и чтобы не пускали на корабль постороннихъ лицъ.

Торговый домъ Христіана Арбо былъ на набережной. Въ этой части порта заключаются наиболѣе крупныя торговыя сдѣлки, о важности которыхъ читатель можетъ судить, если скажемъ, что только по ввозу товаровъ оборотъ достигаетъ пяти милліоновъ шестисотъ тысячъ франковъ въ годъ, при двѣнадцатитысячномъ населеніи.

На этомъ островѣ пассажиры не встрѣтили никакихъ затрудненій относительно языка: здѣсь говорили по-испански, по-датски, по-голландски, по-англійски, по-французски, точно въ классахъ Антильской школы.

На набережной былъ только магазинъ Христіана Нильса; самъ онъ жилъ въ окрестностяхъ, въ милѣ разстоянія отъ города. Домъ его былъ выстроенъ на склонѣ амфитеатромъ поднимающейся отъ морского берега горы.

Тамъ, среди роскошной тропической растительности, расположены виллы богатыхъ колонистовъ острова. Одной изъ наиболѣе удобныхъ и красивыхъ была вила Христіана Арбо.

Христіанъ Арбо женился семь лѣтъ тому назадъ на молодой датчанкѣ, дѣвушкѣ одного изъ лучшихъ семействъ колоніи. У нихъ было уже двѣ дочери. Молодая женщина радужно встрѣтила своего деверя, котораго видѣла въ первый разъ, и его товарищей. А молодой дядюшка горячо цѣловалъ и ласкалъ своихъ племянницъ.

— Какія же онѣ милашки! Какія душики!—говорилъ онъ.

— Какъ же могло быть иначе?—сказалъ м-ръ Паттерсонъ,—*tales pater... talis mater... quales filiae* *)!

*) Каковъ отецъ, какова мать—таковы и дочери.

Латинская поговорка заслужила всеобщее одобрение.

М-ру Паттерсону и всѣмъ пассажирамъ отвели помѣщеніе въ просторной виллѣ Арбо. Несмотря на удивительное умѣнье Рени Кофа, меню обѣдовъ на кораблѣ были довольно таки однообразное. Теперь наши путешественники могли немного отдохнуть отъ этого однообразія. Послѣ обѣда они отдыхали въ жаркое время дня въ тѣнистыхъ садахъ, которыми было окружено жилище Христіана Арбо. Во время этихъ бесѣдъ рѣчь часто заходила о покинутыхъ въ Европѣ семействахъ, о Нильсѣ Арбо, который, не имѣя родителей, по окончаніи образованія вернется къ брату. Сначала Нильсъ будетъ помогать брату въ его торговомъ домѣ, а потомъ Христіанъ Арбо не прочь былъ бы открыть отдѣленіе своей конторы на близъ лежащемъ островѣ Св. Іоанна, который датчане предлагали продать за пять милліоновъ піастровъ Соединеннымъ Штатамъ, предложеніе это, впрочемъ, было отклонено *).

Когда островъ Св. Томи показался слишкомъ малъ для сильно разившейся торговли, колонисты поселились и на островѣ Св. Іоанна; но этотъ послѣдній, всего въ три мили длины и двѣ ширины, тоже оказался слишкомъ малъ; тогда стали селиться на островѣ Св. Креста

М-ръ Христіанъ Арбо нѣсколько разъ выразилъ предубѣжденіе противъ капитана Пакстона и его экипажа; но м-ръ Паттерсонъ увѣрилъ его, что всѣ они заслуживаютъ только похвалы, и послѣднія сомнѣнія его разсѣялись.

Островъ Св. Томи представляетъ интересъ для путешественниковъ, и наши юноши одѣлали нѣсколько прогулокъ... Это очень бугроватый, вулканическаго происхожденія островъ съ многочисленными холмами, изъ которыхъ самый большой возвышается на тысячу четыреста футовъ надъ уровнемъ моря.

Экскурсанты непременно захотѣли подняться на вершину этой возвышенности и не пожалѣли: въ награду за усталость, испытанную во время восхожденія на гору, съ вершины ея представился чудный видъ. Какъ огромная рыба, плавающая

*) Въ настоящее время въ палатахъ обсуждается вопросъ объ уступкѣ Соединеннымъ Штатамъ всѣхъ трехъ датскихъ острововъ,

на поверхности Антильского моря, лежалъ островъ Св. Іоанна, окруженный островками Гансъ Лелликъ, Лоанго, Букъ, Саба, Савана, а вдали разстилалась блестящая на солнцѣ огромная водная равнина.

Островъ Св. Ѳомы простирается всего на протяженіи восьмидесяти шести квадратныхъ километровъ, т. е., по вѣрному замѣчанію Луи Клодіона, всего въ сто семьдесятъ два раза больше парижскаго Марсова поля.

Пробывъ, какъ было условлено, три дня въ виллѣ Арбо, путешественники возвратились на корабль, который готовъ былъ сняться съ якоря. М-ръ Арбо и его жена проводили нашихъ друзей. М-ръ Паттерсонъ поблагодарилъ ихъ за гостепріимство, а оба брата Христіанъ и Нильсъ крѣпко поцѣловались на прощанье.

28-го іюля вечеромъ «Рѣзвый» снялся съ якоря, поднялъ паруса, пользуясь сѣверо-восточнымъ вѣтромъ, вышелъ изъ гавани и поворотилъ на юго-западъ, къ острову Св. Креста, въ гавань котораго долженъ былъ зайти.

Разстояніе въ шестьдесятъ миль, раздѣляющее оба острова, было пройдено въ тридцать шесть часовъ.

Когда, стѣсненные на островахъ Св. Ѳомы и Св. Іоанна, колонисты захотѣли, какъ было сказано выше, переселиться на островъ Св. Креста, имѣющій двѣсти восемнадцать квадратныхъ километровъ величины, они застали здѣсь англійскихъ флибустьеровъ, завладѣвшихъ островомъ въ половинѣ XVI столѣтія.

Начались кровопролитныя схватки, борьба, въ которой англійскіе выходцы одержали верхъ. Эти авантюристы больше занимались морскими разбоями, чѣмъ организаціей колоніи и земледѣліемъ.

Въ 1750 году испанцамъ удалось изгнать англичанъ и завладѣть островомъ Св. Креста. Но они продержались здѣсь не долго. Французское войско заставило сдаться оставленный испанцами слабый гарнизонъ.

Къ этому времени относятся первыя попытки земледѣлія на островѣ Св. Креста. Раньше, чѣмъ принятыя за обработку

земли, пришлось выжечь густые лѣса внутри острова. За то почва послѣ пожаровъ оказалась въ высшей степени плодородной.

Съ тѣхъ поръ прошло полтора столѣтій, и, когда «Рѣзвый» зашелъ въ гавань, островъ представлялъ изъ себя хорошо обработанную, дающую обильные урожаи мѣстность.

Нечего и говорить, что на островѣ не было ни первобытныхъ его жителей караибовъ, ни англичанъ, которые первые завладѣли имъ, ни испанцевъ, которые ихъ смѣнили, ни французовъ, которымъ принадлежатъ первыя попытки колонизаціи. Въ половинѣ XVII вѣка островъ былъ даже совсѣмъ пустыннымъ. Лишенные дохода отъ контрабанды, колонисты рѣшили совсѣмъ покинуть островъ.

Въ теченіе тридцати семи лѣтъ, до 1733 года, островъ оставался необитаемымъ. Тогда Франція продала его Даніи за 750 тыс. фунтовъ, и съ этого времени островъ сталъ датскою колоніей.

Когда «Рѣзвый» приблизился къ острову, Гарри Маркель направилъ корабль въ портъ Барнесъ, или на датскомъ языкѣ Христіанстедъ—столицу острова Св. Креста. Городокъ лежитъ на сѣверномъ берегу небольшого залива. Второй по значенію городъ, Фредерикстедъ, былъ нѣкогда сожженъ неграми во время возстанія; онъ выстроенъ на западномъ берегу.

Въ Фредерикстедѣ родился Аксель Викборнъ, второй лауреатъ Антильскаго школы. У него не было больше родственниковъ на островѣ. Его родители продали двѣнадцать лѣтъ тому назадъ принадлежавшую имъ на островѣ землю и переселились въ Копенгагенъ.

Такимъ образомъ, во время остановки «Рѣзваго» у острова Св. Креста, пассажиры ограничились тѣмъ, что проводили почти весь день на берегу, гдѣ знакомые Акселя Викборна встрѣтили ихъ очень радушно, а вечеромъ возвращались на корабль.

Они объѣздили въ коляскахъ весь островъ. Еще до уничтоженія рабства, мѣстные плантаторы успѣли составить себѣ огромныя состоянія, и островъ Св. Креста справедливо считается самымъ богатымъ изъ Антильскихъ острововъ.

Кромѣ сахара, съ острова ежегодно вывозятъ въ Европу восемьсотъ кипъ хлопка.

Туристы проѣзжали по прекраснымъ пальмовымъ аллеямъ, соединявшимъ городъ съ окрестными деревнями. Къ сѣверу почва слегка спускается подъ гору, снова поднимается по направлению сѣверо-западнаго побережья, гдѣ на четыреста метровъ отъ уровня моря возвышается гора Игль.

При видѣ этого роскошнаго, плодороднаго острова Луи Клодѣонъ и Тони Рено искренно сожалѣли, что Франція не сохранила его въ своемъ владѣніи. Нильсъ Арбо и Аксель Викборнъ находили, что Данія сдѣлала прекрасное пріобрѣтеніе, и желали одного, чтобы островъ Св. Креста, принадлежавшій нѣкогда англичанамъ, французамъ, испанцамъ, навсегда остался за датчанами.

За исключеніемъ континентальной блокады, во время которой англійскій флотъ бомбардировалъ Копенгагенъ, Данія, по своему положенію въ Европѣ, къ счастью, не была замѣшана въ долгую и кровопролитную борьбу между Франціей и Англіей въ началѣ истекшаго столѣтія. Территорія этого второстепеннаго государства не пострадала отъ нашествія европейскихъ войскъ. Вслѣдствіе такого обособленнаго положенія Даніи, ея колоніямъ на Антильскихъ островахъ не пришлось переживать того, что пережили колоніи другихъ государствъ—отголосковъ ужасныхъ войнъ, дававшихъ себя чувствовать по ту сторону Атлантическаго океана. Датчане мирно трудились, и колоніи ихъ процвѣтали.

Впрочемъ, освобожденіе негровъ отъ рабства, въ 1862 году, вызвало нѣкоторые безпорядки, которые колоніальному правительству пришлось подавить силою. Освобожденные и отпущенные на свободу негры имѣли основаніе быть недовольными: имъ много обѣщали, между прочимъ, обѣщали дать въ неотъемлемое владѣніе участки земли, а между тѣмъ никто никогда не подумалъ сдержать это обѣщаніе. Негры высказывали свое недовольство, но это ни къ чему не повело. Тогда вспыхнуло возстаніе негровъ, во время котораго въ нѣсколькихъ частяхъ острова были совершены поджоги.

«Всѣ по очереди спустились въ шлюпку»... (къ стр. 218).

Вражда между колонистами и вольноотпущенниками еще не совсѣмъ погасла въ то время, когда наши туристы прибыли въ Кристианстедъ. Впрочемъ, внѣшнимъ образомъ, на островѣ было спокойно, и путешественники безпрепятственно объѣздили весь островъ. Если бы они прибыли на островъ годомъ позже, они попали бы въ самый разгаръ возстанія, во время котораго родной городъ Аксея Викборна былъ выжженъ неграми до основанія.

За послѣднія 7—8 лѣтъ населеніе острова Св. Креста, вслѣдствіе постоянной эмиграціи, уменьшилось на одну пятую.

1-го августа «Рѣзвый» вышелъ изъ гавани Христианстеда. Выйдя изъ фарватера подъ легкимъ вѣтромъ, онъ направился на востокъ, къ острову Св. Мартина.

XV.

Острова Св. Мартина и Св. Вареломея.

3-го августа, уже довольно поздно вечеромъ, «Рѣзвый», задержанный пассатами, наконецъ, подошелъ къ острову Св. Мартина.

Въ пяти миляхъ отъ гавани лауреаты завидѣли позолоченную лучами заходящаго солнца вершинѣ самой высокой горы острова, возвышающейся на 580 метровъ надъ уровнемъ моря.

Какъ извѣстно, островъ Св. Мартина принадлежитъ Голландіи и Франціи. Голландцы и французы, находящіеся въ числѣ пассажировъ «Рѣзваго», найдутъ здѣсь какъ бы уголокъ своей родины. Тони Рено, родившійся на Мартиникѣ, и Луи Клодіонъ, уроженецъ Гваделупы, конечно, не будутъ испытывать того, что ихъ товарищъ Альбертъ Льювенъ, который родился въ столицѣ острова Св. Мартина, Фильсбургѣ, гдѣ «Рѣзвый» броситъ якорь.

Какъ бы аванпостомъ къ острову Св. Мартина, на сѣверо-западѣ, неподалеку отъ Невиса и Св. Христофора, расположенъ маленькій островокъ Ангвилла. Ихъ раздѣляетъ узкій каналъ не болѣе двадцати пяти, тридцати метровъ глубиною. Такъ какъ острова эти коралловые, возможно, что, вслѣдствіе по-

стоянной работы полиповъ, дно канала со временемъ поднимается до уровня моря, даже безъ всякихъ вулканическихъ потрясеній почвы. Тогда острова Св. Мартина и Ангвилла соединяется въ одинъ островъ.

Что станется тогда съ этимъ островомъ, съ смѣшаннымъ населеніемъ изъ французовъ, голландцевъ и англичанъ? Уживутся ли эти три націи? Воцарится ли миръ подъ тремя флагами, и заслужить ли этотъ островъ, какъ послѣдній изъ цѣпи Антильскихъ острововъ, названіе «Троицы?»

На слѣдующій день на корабль явился лоцманъ, который провелъ судно черезъ проходъ въ Фильсбургскую гавань.

Городъ этотъ пріютился на узкой береговой полосѣ, отдѣленной узкимъ полукруглымъ заливомъ отъ довольно большого солончака, сдѣлавшагося предметомъ крупной эксплуатаціи. Впрочемъ, главное богатство острова—соляныя болота, они даютъ не менѣе трехъ милліоновъ шестисотъ тысячъ гектолитровъ въ годъ.

Нѣкоторые изъ этихъ болотъ приходится поддерживать, иначе они быстро пересохли бы отъ сильныхъ испареній. Съ этой цѣлью узкую полосу земли, отдѣляющую Фильсбургское болото отъ моря, приходится иногда прорывать, чтобы дать доступъ морской водѣ.

Никто изъ родственниковъ Альберта Льювена не жилъ на островѣ Св. Мартина. Лѣтъ пятнадцать тому назадъ всѣ они переехали въ Роттердамъ, въ Голландію. Самъ онъ уѣхалъ изъ Фильсбурга въ раннемъ дѣтствѣ. Вообще изъ всѣхъ лауреатовъ только у Губерта Перкинса остались родители на островѣ Антигуа. Такимъ образомъ, для Альберта Льювена представлялся случай еще разъ, и, можетъ быть, въ послѣдній, побывать на родинѣ.

Было бы ошибкою думать, что на полуголландскомъ, полуфранцузскомъ островѣ совсѣмъ нѣтъ англичанъ. На семь тысячъ душъ населенія приходится три тысячи пятьсотъ французовъ и три тысячи четыреста англичанъ; остальную часть населенія составляютъ голландцы.

Островъ пользуется полною административною автономією,

а торговля беспошлинная, потому и населеніе здѣсь богато. Правда, эксплуатація солончаковъ на островѣ въ рукахъ франко-голландской компаніи; но у англичанъ много другихъ отраслей торговли, главнымъ образомъ, торговля пищевыми продуктами, и ихъ богатые склады охотно посѣщаются покупателями.

«Рѣзвый» зашелъ въ гавань Фильсбурга всего на одни сутки.

Ни Гарри Маркелу, ни друзьямъ его ничего было опасаться, что ихъ узнаютъ. Опасность была больше на англійскихъ Антильскихъ островахъ, Сантъ-Люси, Антигуа, Доминикъ, и особенно Барбадосъ, резиденціи м-съ Китленъ Сеймуръ, гдѣ лауреаты Антильской школы, вѣроятно, останутся погостить подольше.

М-ръ Паттерсонъ и его юные спутники прошли по единственной улицѣ Фильсбурга, вдоль западнаго берега.

Казалось, можно было бы ограничиться этимъ посѣщеніемъ Альберта Льювена родного города, и «Рѣзвый» могъ бы идти дальше. Но не тутъ то было: Луи Клодіонъ и Тони Рено непременно захотѣли осмотрѣть сѣверную часть острова, принадлежащую французамъ.

Столица французскихъ владѣній на островѣ св. Мартина—Мариго. Тони Рено и Луи Клодіонъ хотѣли провести хоть одинъ день въ Мариго.

Наставника уже заранѣе уговорили согласиться на эту поездку, которая, впрочемъ, ни въ чемъ не измѣняла маршрута.

Почтенный руководитель нашелъ желаніе мальчиковъ вполне естественнымъ.

— Альбертъ повидалъ свой родной городъ,—сказалъ онъ,—отчего бы Луи и Тони, Arcades ambo *), не повидать родной земли?

М-ръ Горацій Паттерсонъ пошелъ къ Гарри Маркелу и сообщилъ ему о намѣреніи пассажировъ.

— Что вы скажете на это, капитанъ Пакстонъ?—спросилъ онъ.

*) „Arcades ambo“, слова Виргилія, значать „оба уроженца Аркадіи“ и сказаны поэтомъ о двухъ пастухахъ, Тирсисѣ и Коридонѣ, которые состязались въ игрѣ на флейтѣ.

Гарри Маркель предпочелъ бы порѣже заходить въ разные порты, и мы знаемъ, почему. Но на этотъ разъ онъ не нашелъ повода къ отказу. Отплывъ вечеромъ, «Рѣзвый» утромъ могъ быть уже въ Мариго, а откуда, черезъ двое сутокъ, могъ отправиться на островъ св. Вареоломея.

5-го числа, въ девять часовъ вечера, «Рѣзвый», подъ управленіемъ нанятаго въ Фильсбургъ лодмана, вышелъ изъ гавани. Ночь была свѣтлая, лунная. Море, защищенное прибрежными горами, было спокойно. Корабль плылъ на разстояніи меньше четверти мили отъ берега. Попутный вѣтеръ позволялъ кораблю, лавируя, плыть въ открытомъ морѣ.

До полуночи сидѣли пассажиры на палубѣ, любуясь моремъ, потомъ разошлись по каютамъ и проснулись только, когда «Рѣзвый» бросалъ уже якорь.

Мариго болѣе значительный торговый городъ, чѣмъ Фильсбургъ. Онъ выстроенъ на берегу канала, соединяющаго гавань съ прудомъ Симпсонъ. Портъ Мариго, такимъ образомъ, очень хорошо защищенъ отъ морской зыби. Сюда охотно заходятъ корабли дальняго плаванія и каботажныя суда, привлекаемые правомъ беспошлиннаго ввоза товаровъ. Мариго самый значительный городъ на островѣ св. Мартина.

Пассажиры не пожалѣли, что заѣхали въ Мариго. Французская колонія встрѣтила очень тепло не только двухъ своихъ соотечественниковъ, но и ихъ товарищей. Городъ далъ въ честь ихъ банкетъ. Тутъ не было никакихъ національных счетовъ— въ прибывшихъ видѣли только антильцевъ.

Раутъ былъ устроенъ по мысли одного изъ первыхъ коммерсантовъ города, Ансельма Гильона. Въ числѣ гостей, конечно, ожидали видѣть и капитана судна «Рѣзвый».

Гильонъ отправился на корабль и лично просилъ Гарри Маркела принять участіе въ банкетѣ, который состоится въ тотъ же день въ залѣ городской думы.

Но какъ ни смѣлъ былъ Гарри Маркель, принять приглашеніе онъ побоялся. Напрасно м-ръ Паттерсонъ помогалъ Ансельму Гильону уговаривать его. Капитанъ остался непоколебимъ въ своемъ рѣшеніи. Ни самъ онъ, ни его матросы

не будутъ выходить ни на островъ св. Мартина, ни св. Фомы и св. Креста.

— Очень жалъ, капитанъ Пакстонъ,—сказалъ Ансельмъ Гильонъ.—Молодые люди такъ много говорили намъ о васъ, о вашихъ заботахъ о нихъ, имъ такъ хотѣлось публично выразить вамъ свою благодарность, все это побудило меня просить васъ отобѣдать съ нами, и я очень жалѣю, что мнѣ не удалось уговорить васъ!

Гарри Маркель отвѣтилъ сухимъ поклономъ, и Гильонъ отплылъ къ берегу.

Надо признаться, что, какъ на Христіана Арбо, капитанъ «Рѣзваго» произвелъ и на Гильона непріятное впечатлѣніе. Суровое и грубое выраженіе лица, на которомъ отразилась вся прошлая жизнь, полная злодѣяній и преступленій, не могло внушать довѣріе и симпатію. Но какъ не повѣрить похваламъ, расточаемымъ по адресу капитана пассажирами и м-ромъ Горациемъ Паттерсономъ? Къ тому же, его выбрала м-съ Китленъ Сеймуръ. Ужъ, конечно, ея выборомъ руководили хорошіе отзывы и серьезныя справки.

Въ довершеніе всего, дѣло Гарри Маркела и его шайки чуть было не пропало. Однако, этотъ случай только усилилъ довѣріе Гильона и другихъ знатныхъ гражданъ города Мариго къ личности капитана и его экипажу.

Дѣло было такъ. Наканунѣ прибытія «Рѣзваго» англійскій бригъ «Огненная Муха» стоялъ еще въ портѣ Мариго. Капитанъ брига хорошо зналъ м-ра Пакстона и восхвалялъ его, какъ прекраснаго человѣка и моряка. Если бы онъ зналъ, что въ гавань прибудетъ «Рѣзвый», онъ, конечно, подождалъ бы его, чтобы позать руку старому другу. Но «Огненная Муха» отплыла и, очень можетъ быть, ночью разошлась съ «Рѣзвымъ» на западномъ берегу острова.

Гильонъ упомянулъ въ разговорѣ съ Гарри Маркеломъ о капитанѣ «Огненной Мухи». Можно себѣ представить, какой страхъ овладѣлъ негодеемъ при мысли, что онъ чуть было не встрѣтился съ другомъ капитана Пакстона.

Но бригъ уже вышелъ въ море. Онъ шелъ въ Бристоль.

значить, не было опасности встрѣтиться съ нимъ у Антильскихъ острововъ.

Когда Гарри Маркель разсказалъ обо всемъ Джону Карпентеру и Корти, тѣ не могли не одобрить капитана.

Вечеромъ состоялся роскошный и веселый банкетъ. Пили, конечно, и за здоровье капитана Пакстона. Говорили о первой половинѣ благополучно совершившагося плаванія. Высказывали пожеланія, чтобы и вторая половина его прошла такъ же благополучно. Молодые антильцы увѣряли, что, подышавъ воздухомъ родины, они унесутъ съ собою изъ Вестъ-Индіи незабвенныя воспоминанія.

Когда они вернулись къ десяти часамъ вечера на корабль, м-ру Паттерсону казалось, что на «Рѣзвонѣ» ощутительна какая-то легкая качка, не то килевая, не то боковая. Между тѣмъ, море было спокойно, какъ озеро. Думая, что качка будетъ менѣе давать себя знать, если онъ ляжетъ, м-ръ Паттерсонъ пошелъ къ себѣ въ каюту, раздѣлся съ помощью услужливаго Ваги и заснулъ тяжелымъ сномъ.

Слѣдующій день пассажиры провели въ прогулкахъ по городу и его окрестностямъ.

Ихъ ожидали двѣ кареты. Самъ Ансельмъ Гильонъ взялся быть ихъ проводникомъ. Прежде всего, они хотѣли осмотрѣть мѣсто, гдѣ въ 1648 году между французами и голландцами былъ заключенъ договоръ по поводу раздѣла острова.

Надо было ѣхать къ небольшой горѣ, лежащей на востокъ отъ Мариго и носящей названіе «Горы Соглашенія».

Достигнувъ подошвы горы, экскурсанты вышли изъ экипажей и поднялись на гору пѣшкомъ и безъ особаго труда. На вершинѣ ея раскупорили нѣсколько бутылокъ и выпили шампанскаго въ память договора 1648 года.

Полнѣйшее согласіе царило между молодыми антильцами. Въ душѣ Рожера Гинсдаля шевелилась тайная мысль, что островъ св. Мартина, какъ и другіе острова, со временемъ можетъ сдѣлаться англійской колоніей; но Луи Клодіонъ, Тони Рено и Альбертъ Льювенъ крѣпко пожали другъ другу руки, искренно желая обѣимъ націямъ вѣчнаго мира.

Оба француза выпили за здоровье ея величества Вильгельмины, королевы Голландской, а голландец поднялъ бокалъ въ честь президента французской республики. «Ура» товарищей покрыло оба тоста.

М-ръ Горацій Паттерсонъ молчалъ во время этого дружескаго обмѣна пожеланій. Должно быть, онъ или истощилъ сокровища своего краснорѣчія наканунѣ, или хотѣлъ отдохнуть... Какъ бы то ни было, если не устами, то сердцемъ онъ принялъ горячее участіе въ этой международной демонстраціи.

Осмотрѣвъ самыя живописныя мѣста острова, позавтракавъ на морскомъ берегу и пообедавъ подъ деревьями великолѣпнаго лѣса привезенными съ собою запасами, туристы вернулись въ Марго. Попрощавшись съ Ансельмомъ Гильономъ, котораго они горячо благодарили, путешественники возвратились на корабль.

Всѣ успѣли отправить письма роднымъ. Написалъ письмо и м-ръ Паттерсонъ. Родственники и близкіе путешественниковъ уже съ 28-го іюля знали о прибытіи «Рѣзваго» на островъ св. Оомы. Имъ дано было знать объ этомъ телеграммой, и всѣ опасенія ихъ по поводу опозданія на нѣсколько дней были, такимъ образомъ, разсѣяны. Но все же надо было извѣстить родныхъ о себѣ подробнѣе, и письма, написанныя въ этотъ вечеръ и опущенныя на слѣдующій день въ почтовый ящикъ, черезъ двадцать четыре часа будутъ отосланы въ Европу.

Ночь прошла спокойно. Усталость послѣ прекрасной дневной прогулки дала себя знать, и мальчики спали, какъ убитые. Только Корти да Джону Карпентеру снилось, что «Огненная Муха», потерпѣвъ аварію, вернулась въ гавань. На ихъ счастье, то былъ только сонъ.

Около восьми часовъ утра «Рѣзвый», пользуясь отливомъ, вышелъ изъ гавани Марго и пошелъ по назначенію на островъ св. Вареломея.

Часовъ въ пять вечера съ мачты подали сигналъ, что на юго-западѣ показался пароходъ, который идетъ по одному направлению съ «Рѣзвымъ» и хочетъ обогнать его.

Тогда Корти всталъ у руля. Гарри Маркелу вовсе не хотѣлось приближаться къ пароходу.

На гротъ-мачтѣ парохода развѣвался французскій флагъ. Это былъ военный крейсеръ. Луи Клодюнъ и Тони Рено охотно обмѣнялись бы съ нимъ салютами, но стараніями Гарри Маркела разстояніе, раздѣлявшее оба судна, было не меньше мили, и нечего было думать поднять флагъ.

Крейсеръ шелъ полнымъ ходомъ по направленію нордъ-веста. Казалось, онъ шелъ на одинъ изъ Антильскихъ острововъ или же въ одинъ изъ южныхъ портовъ Соединенныхъ Штатовъ, напримѣръ, въ Ки-Вестъ, находящійся во Флоридѣ, въ который часто заходятъ суда всѣхъ національностей.

Крейсеръ скоро обогналъ «Рѣзваго», и еще до заката солнца не стало видно на горизонтѣ даже его дыма.

— Счастливаго пути!—сказалъ Джонъ Карпентеръ.—И надѣюсь, что мы больше не встрѣтимся. Не люблю я плавать въ компаніи военныхъ судовъ!

— Непріятно также очутиться въ обществѣ полицейскихъ агентовъ!—прибавилъ Корти.—Такъ и кажется, что эти господа собираются спросить васъ, откуда и куда вы идете, а между тѣмъ, не всегда можно сказать имъ это!

Островъ св. Вареоломея, единственное шведское владѣніе въ Вестъ-Индіи, составляетъ какъ бы продолженіе англійскаго острова Ангвилла и франко-голландскаго острова св. Мартина. Поднимись дно морское между этими островами на восемьдесятъ футовъ, и всѣ они составятъ одинъ островъ въ семьдесятъ пять километровъ. При вулканическомъ происхожденіи острововъ и морского дна такое поднятіе почти очень возможно въ будущемъ.

Рожеръ Гинсдаль замѣтилъ по этому поводу, что такое поднятіе почвы можетъ произойти относительно всѣхъ Антильскихъ острововъ, какъ на тѣхъ, которые лежатъ на вѣтрѣ, такъ и на островахъ подъ вѣтромъ. Если въ далекомъ будущемъ острова эти соединятся и образуютъ родъ материка при входѣ въ Мексиканскій заливъ, если материкъ этотъ соединится съ Америкой, что за споры возникнуть тогда изъ-за новыхъ владѣній между Англіей, Франціей, Даніей и Голландіей!

Но, вѣроятно, конецъ распрямъ европейцевъ положилъ бы тогда

принципъ ученія Монроэ, рѣшивъ вопросъ въ пользу Соединенныхъ Штатовъ. «Америка для американцевъ и только для нихъ однихъ!» Они прибавили бы только еще одну новую звѣздочку къ пятидесяти звѣздамъ, украшавшимъ въ то время поле союзнаго флага.

Островъ, вѣрнѣе островокъ, св. Вареоломея очень не великъ: въ двѣ съ половиною мили длиною и величиною всего въ двадцать одинъ квадратный километръ.

Островъ защищенъ фортомъ Густавомъ. Столица его Густавія—довольно незначительный городокъ, хотя, въ виду своего мѣстоположенія въ центрѣ Антильскихъ острововъ, онъ можетъ со временемъ пріобрѣсти значеніе, какъ мѣсто стоянки для пароходовъ, совершающихъ прибрежное плаваніе. Здѣсь родился Магнусъ Андерсъ, семейство котораго уже пятнадцать лѣтъ тому назадъ переселилось въ Гетеборгъ, въ Швецію.

Островъ этотъ нѣсколько разъ переходилъ изъ однихъ рукъ въ другія. Съ 1648 по 1784 годъ онъ принадлежалъ французамъ. Въ это время Франція уступила его Швеціи въ обмѣнъ на концессию пакгаузовъ на Категатъ, а именно, въ Гетеборгъ, и на нѣкоторыя другія политическія привиллегіи. Но слѣващійся скандинавскимъ, населенный норманнами, островъ, по своимъ стремленіямъ, обычаямъ, нравамъ остался и, кажется, останется навсегда французскимъ.

Солнце зашло, а острова св. Вареоломея еще не было видно. До острова оставалось самое большое двадцать миль, и хотя вѣтеръ затихъ, и корабль подвигался медленно, «Рѣзвый» долженъ былъ достигнуть мѣста назначенія на зарѣ слѣдующаго дня.

Въ четыре часа утра Магнусъ Андерсъ вышелъ изъ каюты и взобрался по выбленкамъ гротъ-мачты до брамъ-реи.

Молодой шведъ хотѣлъ первый подать сигналъ, лишь завидитъ свой родной островъ. Около шести часовъ утра онъ увидѣлъ мѣловыя скалы, возвышающіяся посреди острова и имѣющія триста два метра высоты.

«Земля!.. Земля!..—закричалъ онъ изо всѣхъ силъ. Товарищи бросились на палубу.

«Рѣзвый» направился къ западному берегу острова св. Вареолемея въ портъ Каренажъ, главный портъ острова.

Вѣтеръ былъ слабый, но «Рѣзвый» приближался довольно скоро. По мѣрѣ того, какъ онъ подходилъ къ гавани, море становилось все спокойнѣе.

Часовъ въ семь вечера пассажиры уже ясно различили на вершинѣ мѣловой горы, гдѣ развѣвался шведскій флагъ колоніи, группу людей.

— Эта церемонія водруженія шведскаго флага совершается каждое утро при пушечномъ выстрѣлѣ!—объяснилъ Тони Рено.

— Странно,—сказалъ Магнусъ Андерсъ, — что церемонія начинается только сейчасъ. Обыкновенно она происходитъ при восходѣ солнца, теперь прошло уже три часа отъ восхода!

Замѣчаніе было справедливо, такъ что, въ концѣ концовъ, можно было усумниться, для церемоніи ли собралась эта кучка людей.

Гавань Густавія—прекрасное мѣсто стоянки для судовъ, углубленіемъ не болѣе трехъ метровъ. Отъ морской зыби гавань хорошо защищена молами.

Прежде всего, пассажиры увидѣли въ портѣ тотъ самый крейсеръ, который обогналъ ихъ наканунѣ. Онъ стоялъ на якорѣ съ спущенными парусами. Даже фонари на немъ не были зажжены. Казалось, онъ зашелъ въ портъ, чтобы простоять тамъ нѣсколько времени. Тони Рено и Луи Клодіонъ очень обрадовались этому и уже собирались побывать на крейсерѣ, рассчитывая на радушный пріемъ. Но Гарри Маркела и его друзей видъ крейсера не только не радовалъ, а даже тревожилъ.

«Рѣзвый» былъ всего въ четверти мили разстоянія отъ порта, да и какой поводъ могъ придумать Гарри Маркель, чтобы не входить въ портъ? Вѣдь островъ св. Вареолемея заранѣе былъ отмѣченъ въ маршрутѣ, какъ пунктъ, куда корабль долженъ зайти. Волей—не волей, Гарри Маркель, впрочемъ, нѣсколько болѣе спокойный, чѣмъ Джонъ Карпентеръ и остальные разбойники, сдѣлалъ поворотъ, чтобы войти въ проходъ гавани. Вдругъ раздался пушечный выстрѣлъ.

Въ то же время на вершинѣ горы взвился флагъ.

Каково было удивленіе Магнуса Андерса, когда онъ и товарищи, вмѣсто шведскаго флага, увидѣли трехцвѣтный французскій флагъ.

Только Гарри Маркелу и его друзьямъ было безразлично, какой бы національности ни принадлежалъ флагъ. Они признавали только одинъ флагъ—черный флагъ пиратовъ, подъ которымъ «Рѣзвый» будетъ пѣнать волны Тихаго океана.

— Французскій флагъ!—вскричалъ Тони Рено.

— Французскій?—спрашивалъ Луи Клодіонъ.

— Ужъ не ошибся ли капитанъ Пакстонъ?—сказалъ Рожеръ Гинсдаль. — Не прошли ли мы на Гваделупу или Мартинику?

Но Гарри Маркель не ошибся. «Рѣзвый» прибылъ на островъ св. Вареоломея и черезъ три четверти часа бросилъ якорь въ портъ Густавіа.

Магнусъ Андерсъ опечалился. До сихъ поръ на островахъ св. Оомы, св. Креста, св. Мартина, всюду, куда заходилъ ихъ корабль, датчане и французы видѣли свой національный флагъ, и вотъ, въ самый день его пріѣзда въ шведскую колонію, здѣсь сняли шведскій флагъ...

Дѣло скоро выяснилось. Островъ св. Вареоломея былъ только что уступленъ Франціи за двѣсти семьдесятъ семь тысячъ пятьсотъ франковъ. Сами колонисты, почти все норвежцы по происхожденію, дали согласіе на эту уступку. Дѣло было рѣшено въ этомъ смыслѣ большинствомъ голосовъ (триста пятьдесятъ противъ одного).

Бѣдный Магнусъ Андерсъ, конечно, не могъ протестовать. Къ тому же, у Швеціи, должно быть, были уважительныя причины пойти на уступку своей единственной колоніи на Вестъ-индскомъ архипелагѣ. Ему пришлось примириться съ судьбою и, наклонившись къ своему товарищу Тони Рено, онъ сказалъ ему на ухо:

— Въ концѣ-концовъ, ужъ если передавать островъ въ чье-нибудь владѣніе, такъ лучше французамъ, чѣмъ кому-нибудь другому!

Ч А С Т Ь В Т О Р А Я.

I.

А н т и г у а.

Шведская колонія на островѣ св. Вареломея перешла во владѣніе Франціи; но этого не могло случиться съ островомъ Антигуа. Магнусъ Андерсъ не засталъ уже своей родины въ скандинавскомъ владѣніи; но Губертъ Перкинсъ застанетъ свое отечество по прежнему во владѣніи Великобританіи.

Англія не такъ-то легко разстается съ своими владѣніями: у нея закребушія руки, она болѣе склонна завладѣть чужими приобрѣтеніями на островахъ, какъ и на сушѣ, чѣмъ уступать свои. Она задержала и еще задерживаетъ большинство острововъ Вестъ-Индіи, а со временемъ, можетъ быть, британскій флагъ станетъ развѣваться и на какомъ-нибудь новомъ островѣ.

Антигуа не всегда принадлежала честолюбивому Альбіону. До начала XVII столѣтія на островѣ жили туземцы карайбы, затѣмъ островъ перешелъ въ руки французовъ.

Туземцы оставили островъ не безъ причины. На островѣ совсѣмъ нѣтъ рѣкъ. Изрѣдка встрѣчаются прѣсноводныя степныя рѣчки, но и онѣ пересыхаютъ. Пробывъ на островѣ всего нѣсколько мѣсяцевъ, французы тоже рѣшили покинуть его и перебрались снова на островъ св. Христофора, откуда пришли. Въ виду колоніальныхъ нуждъ, на Антигуа надо было построить огромныя водохранилища.

Это поняли англичане, поселившіеся на Антигуа въ 1632 году. Они устроили превосходныя цистерны, благодаря которымъ правильно орошаемая почва оказалась вполне пригодной для табачныхъ плантацій. Культура табаку обезпечила благосостояніе острова.

Въ 1668 г. вспыхнула война между Англіей и Франціей. Снаряженная на Мартиникъ экспедиція прибыла на корабляхъ въ Антигуа, разрушила плантаціи, взяла въ плѣнъ черныхъ

невольниковъ, и цѣлый годъ островъ оставался опустошеннымъ, словно на немъ никогда не было человѣческой души.

Богатый владѣлецъ съ острова Барбадоса, полковникъ Кодингтонъ, пожалѣвъ о гибели сооруженій, сдѣланныхъ на островѣ англичанами. Онъ отправился туда съ цѣлой толпой рабочихъ, сталъ привлекать туда колонистовъ, развелъ, кромѣ табачныхъ, еще плантаціи сахарнаго тростника и привелъ островъ въ его прежнее состояніе.

Полковника Кодингтона назначили генераль-капитаномъ всѣхъ острововъ подъ вѣтромъ, которые принадлежали Англіи. Этотъ энергичный администраторъ далъ толчекъ промышленности и торговлѣ англійскихъ колоній, но послѣ его смерти онъ снова пришли въ упадокъ.

Приближаясь къ острову Антигуа, Губертъ Перкинсъ долженъ былъ увидѣть свою родину въ такомъ же цвѣтущемъ состояніи, въ какомъ оставилъ ее пять лѣтъ тому назадъ, когда уѣхалъ въ Европу, чтобы получить образованіе.

Между островами св. Варооломея и Антигуа не болѣе семидесяти, восьмидесяти миль. Но когда «Рѣзвый» вышелъ въ открытое море, вѣтеръ упалъ, былъ почти штиль, и корабль шелъ медленно. Онъ прошелъ мимо острова св. Христофора, который долго былъ яблокомъ раздора между англичанами, испанцами, пока, въ 1713 году, по Утрехтскому договору, не перешелъ окончательно къ англичанамъ. Имя Христофора островъ получилъ въ честь Колумба, открывшаго его вслѣдъ за островами Дезидерадъ, Доминика, Гваделупа, Антигуа. Это какъ бы подпись великаго генуэзскаго мореплавателя на дивной страницѣ Вестъ-Индіи.

Островъ Св. Христофора имѣетъ форму гитары, туземцы называютъ его «плодороднымъ», а французы и англичане «матерью Антильскихъ острововъ». Проходя на разстояніи четверти мили отъ его береговъ, пассажиры наслаждались красотой его природы. Столица острова, Санъ-Киттсъ, лежитъ у подножія горы Обезьянъ, у залива, на западномъ берегу, среди садовъ и пальмовыхъ рощъ. Вулканъ «Мизери», переименованный со времени освобожденія негровъ въ «Либерти», предста-

вляеть изъ себя гору въ тысячу пятьсотъ метровъ вышины, и по склонамъ его дыматся змѣйки сѣрнаго газа. Два потухшихъ кратера вулкана являются какъ бы природными водоемами, въ которыхъ собирается дождевая вода, обезпечивающая острову его плодородіе. Островъ имѣетъ 76 квадратныхъ километровъ протяженія; населеніе достигаетъ 30 т. человекъ; жители занимаются, главнымъ образомъ, насажденіемъ сахарнаго тростника, дающаго сахаръ высшаго достоинства.

Было бы крайне интересно высадиться на островъ Св. Христофора, хотя бы на однѣ сутки, осмотрѣть его пастбища и плантаціи. Но Гарри Маркель не особенно желалъ этого; надо было также сообразоваться съ маршрутомъ; къ тому же среди антильскихъ школьниковъ не было уроженцевъ этого острова.

12-го апрѣля утромъ береговой телеграфъ острова Антигуа далъ сигналъ о прибытіи «Рѣзваго». Христофоръ Колумбъ называлъ островъ именемъ одной изъ церквей города Вальядолида. Острова не было видно издалека, такъ какъ онъ мало возвышается надъ поверхностью моря. Его самый возвышенный пунктъ всего въ двухстахъ семидесяти метрахъ надъ уровнемъ моря. Антигуа сравнительно большой островъ—въ двѣсти семьдесятъ девять миль поверхностью.

Когда у входа въ гавань показался британскій флагъ, Губертъ Перкинсъ закричалъ «ура», а товарищи его присоединились къ нему.

«Рѣзвый» вошелъ въ гавань съ сѣверной стороны острова.

Гарри Маркель хорошо ознакомился съ мѣстностью по картамъ, и ему не понадобилась помощь мѣстнаго лопмана. Онъ смѣло вошелъ въ гавань, хотя входъ въ портъ довольно труденъ. Крѣпость Джэмсъ осталась налѣво, мысъ Лоблоли—направо. «Рѣзвый» сталъ на якорь въ гавани, гдѣ корабли, глубоко не болѣе четырехъ, пяти метровъ, находятъ прекрасное мѣсто стоянки.

Въ глубинѣ залива находится столица Сентъ-Джонъ, имѣющая шестнадцать тысячъ жителей. Улицы города расположены подъ прямымъ угломъ, такъ что городъ напоминаетъ шахмат-

ную доску. Роскошная тропическая растительность придаетъ городу много прелести.

Когда «Рѣзвый» вошелъ въ гавань, отъ берега тотчасъ же отплыла двухвесельная шлюпка и направилась къ кораблю.

Гарри Маркель и его товарищи волновались, и не безъ основанія. Могла же, наконецъ, англійская полиція узнать о кровавой драмѣ, разыгравшейся на «Рѣзвомъ» въ Фармарской бухтѣ, могли всплыть и другіе трупы, даже трупъ самого капитана Пакстона и навести на мысль, кто же замѣняетъ его на кораблѣ?

Но скоро всѣ успокоились. Въ шлюпкѣ сидѣли родственники Губерта Перкинса. Его мать, отецъ и двѣ младшія сестры не могли дождаться, когда пассажиры выйдутъ на берегъ. Уже нѣсколько часовъ они смотрѣли, не покажется ли вдали корабль. Они вошли на корабль раньше даже, чѣмъ онъ сталъ на якорь, и Губертъ Перкинсъ очутился въ объятіяхъ отца и матери.

Послѣ первыхъ привѣтствій, Губертъ Перкинсъ познакомилъ своихъ отца, мать и сестеръ сначала съ м-ромъ Горациемъ Паттерсономъ, затѣмъ съ товарищами. М-съ Перкинсъ обратила вниманіе на здоровый, цвѣтущій видъ мальчиковъ и поблагодарила м-ра Паттерсона за его заботы о нихъ. Въ свою очередь м-ръ Паттерсонъ указалъ на капитана Пакстона, какъ на лицо, много заботившееся о здоровьѣ пассажировъ.

Гарри Маркель принялъ благодарность съ своею обычною холодною и, откланявшись, пошелъ на носъ корабля.

М-ръ Перкинсъ пригласилъ м-ра Паттерсона и его питомцевъ ежедневно посѣщать его за все время пребыванія здѣсь.

М-ръ Перкинсъ пригласилъ къ себѣ и капитана, но тотъ какъ всегда въ подобныхъ случаяхъ, извинялся, а Губертъ сказалъ отцу, что настаивать бесполезно.

Когда Губертъ съ семействомъ сѣлъ въ шлюпку и уѣхалъ, мальчики начали приводить въ порядокъ свои дѣла, писать письма, чтобы отослать ихъ съ вечернею почтою въ Европу. Нельзя обойти молчаніемъ и восторженное посланіе м-ра Паттерсона. которое м-съ Паттерсонъ получила черезъ три недѣли.

«Корабль бросало, какъ щепку...» (къ стр. 230).

Было также написано письмо по адресу директора антильской школы, 314, Оксфордская ул., Лондонъ, Великобританія, письмо, въ которомъ м-ръ Ардагъ нашелъ самыя точныя свѣдѣнія о стипендіатахъ м-съ Китленъ Сеймуръ.

Тѣмъ временемъ Гарри Маркель бросилъ якорь, стараясь, чтобы «Рѣзвый» остановился вдали отъ другихъ судовъ, посреди порта. Матросовъ, которые будутъ доставлять пассажировъ, было рѣшено не пускать на корабль. Самъ капитанъ рѣшилъ ограничиться двумя поѣздками на берегъ въ день прибытія и отплытія корабля, въ виду исполненія необходимыхъ формальностей въ морскомъ бюро.

Къ одиннадцати часамъ снарядили большую шлюпку. Два матроса сѣли за весла, Корти—на руль. Скоро шлюпка доставила пассажировъ на берегъ.

Четверть часа спустя, гости сидѣли вокругъ обильно уставленнаго кушаньями стола, въ уютномъ помѣщеніи м-ра Перкинса, и рассказывали о своихъ путевыхъ впечатлѣніяхъ.

М-ръ Перкинсъ былъ симпатичный человѣкъ, лѣтъ сорока пяти, съ просѣдью, и добродушнымъ взглядомъ сѣрыхъ глазъ. Онъ держался съ достоинствомъ. Вся колонія относилась къ нему съ уваженіемъ и благодарностью за оказываемыя членамъ исполнительнаго совѣта услуги. М-ръ Перкинсъ зналъ въ совершенствѣ исторію Вестъ-Индіи и могъ дать м-ру Паттерсону самыя точныя свѣдѣнія, указать подлинныя документы этой исторіи. М-ръ Горацій Паттерсонъ, конечно, не пропуститъ такого прекраснаго случая наполнить интересными данными свои путевыя замѣтки, которыя онъ ведетъ съ неменьшей точностью, чѣмъ расходныя книги.

М-съ Перкинсъ, креолка по происхожденію, была женщина лѣтъ сорока пяти. Любезная, внимательная, добрая женщина эта посвятила всю себя воспитанію своихъ двухъ дочерей, десятилѣтней Берты и двѣнадцатилѣтней Мэри. Можно себѣ представить, какъ велика была радость матери, увидѣвшей сына послѣ четырехлѣтней съ нимъ разлуки.

Приближалось, впрочемъ, время, когда Губерту можно будетъ возвратиться въ Антигуа гдѣ живутъ и рассчитываютъ

остаться навсегда его родители. Черезъ годъ онъ кончитъ курсъ въ Антильской школѣ.

Послѣ завтрака было рѣшено осматривать Сентъ-Джонъ и его окрестности. Гости посидѣли, впрочемъ, еще съ часть времени въ роскошномъ саду виллы. М-ръ Перкинсъ разсказалъ м-ру Паттерсону много интереснаго объ уничтоженіи рабства въ Антигуа. Въ 1824 г. Англія, безъ всякихъ подготовительныхъ и переходныхъ мѣръ, въ противоположность тому, что происходило въ другихъ колоніяхъ, объявила неграмъ свободу. Правда, новый законъ возлагалъ на освобожденныхъ извѣстные обязательства; но скоро негры избавили и отъ этихъ обязательствъ, и они воспользовались всѣми преимуществами и всѣми невыгодами полной свободы.

Взаимныя, чисто семейныя отношенія, существовавшія между владѣльцами и рабами, во многомъ облегчили этотъ крутой переворотъ. По освободительному акту, въ одинъ день было отпущено на свободу 34 т. негровъ. Бѣлое населеніе колоніи не превышало въ это время 2 т. человѣкъ. Тѣмъ не менѣе, не произошло никакихъ злоупотребленій, никакихъ насилій и кровопролитій. Переходъ рабовъ на свободное состояніе совершился мирно: освобожденные охотно оставались у своихъ прежнихъ хозяевъ въ качествѣ наемныхъ слугъ и продолжали работать на ихъ плантаціяхъ. Колонисты, съ своей стороны, постарались сбезпечить своихъ бывшихъ рабовъ: они урегулировали часы работы и заработную плату, выстроили для нихъ болѣе гигиеническія, чѣмъ бывшія хижины, жилища. Улучшена была и пища черныхъ слугъ. Прежде ихъ кормили исключительно соленой рыбой, да корнями растений; теперь они стали получать свѣжее мясо. Ихъ стали лучше кормить и лучше одѣвать.

Перемѣны къ лучшему въ бытѣ чернокожихъ хорошо отзывались и на благосостояніи колоніи. Общественные доходы все росли въ то время, какъ административные расходы уменьшались.

Проѣзжая по острову, м-ръ Паттерсонъ и его юные спутники восхищались прекрасно обработанными полями на изве-

стковыхъ слояхъ плоскогорья. Всю на пути попадались образцово содержавшіяся фермы, не чуждыя никакихъ сельско-хозяйственныхъ усовершенствованій.

Мы уже сказали, что на островѣ ощущался недостатокъ въ прѣсной водѣ, и что пришлось устроить водосмы для сбереженія дождевой воды. По этому поводу м-ръ Перкинсъ сообщилъ, что туземцы называли когда-то въ насмѣшку островъ «Якама», т. е. «Струящійся». Въ настоящее время его водохранилища снабжаютъ водою и городъ и окрестности. Искусно проведенный дренажъ оздоравливаетъ островъ и въ то же время предохраняетъ его отъ неурожая, подобныхъ неурожаямъ 1779 и 1784 г.г., опустошившимъ мѣстность. Отъ засухи и недостатка питьевой воды въ то время погибли тысячи головъ рогатаго скота, не мало пострадали и люди.

Все это рассказалъ нашимъ путешественникамъ м-ръ Перкинсъ, не безъ гордости показывая имъ огромныя цистерны, въ два милліона пятьсотъ тысячъ кубическихъ метровъ, которыя снабжали Санъ-Джонъ количествомъ воды, даже большимъ, чѣмъ потребляемое ежедневно большими европейскими городами.

Подъ руководствомъ м-ра Перкинса, мальчики сдѣлали нѣсколько поѣздокъ не только въ окрестности города, но и въ глубь острова. Но каждый вечеръ пассажиры возвращались на корабль.

Путешественники посѣтили и другой портъ, Инглишъ-Арбуръ, лежащій на южномъ берегу острова Антигуа. Этотъ портъ болѣе огражденъ, чѣмъ Санъ-Джонъ; въ немъ выстроены зданія казармъ и арсеналовъ, въ виду защиты острова. Самая гавань представляетъ собою, собственно, нѣсколько кратеровъ, которые мало-по-малу понизились и были залиты моремъ.

Быстро пролетѣли четыре дня остановки на островѣ Антигуа. Съ утра отправлялись на экскурсію. Было очень жарко, но мальчики довольно хорошо переносили жару. Вечеромъ Губертъ Перкинсъ возвращался домой, а его друзья шли на корабль и отдыхали на корабельныхъ койкахъ. Тони Рено увѣрялъ, что и Губертъ не почуветъ на кораблѣ только потому.

что «забѣлять что то» вродѣ женитьбы на молодой креолкѣ съ острова Барбадоса, и что передъ отъѣздомъ въ Европу всѣ они попируютъ на сговорѣ.

Мальчики смѣялись, а м-ръ Паттерсонъ принималъ всѣ эти фантазіи въ серьезъ.

15-го августа, наканунѣ отъѣзда, на кораблѣ Гарри Маркела произошла тревога.

Къ «Рѣзвому» подошла шлюпка англійскаго брига «Флагъ», прибывшаго изъ Ливерпуля. Шлюпка причалила, одинъ изъ матросовъ поднялся на палубу корабля и сказалъ, что хочетъ видѣть капитана.

Гарри Маркель во все время остановки корабля въ портѣ былъ только одинъ разъ на берегу, поэтому отвѣтить, что капитана нѣтъ на кораблѣ, было неудобно.

Гарри Маркель посмотрѣлъ въ оконце своей каюты, что за человѣкъ его спрашиваетъ. Онъ слышалъ его голосъ, но не показывался. Онъ не зналъ матроса, какъ, очевидно, не зналъ и его матросъ. Но могло случиться, что матросъ этотъ нѣкогда плавалъ подъ командой капитана Пакстона и теперь захотѣлъ навѣстить его.

Вотъ она опасность, опасность, угрожавшая каждый разъ, какъ корабль заходилъ въ гавань! Конецъ тревогамъ и опасеніямъ настанетъ лишь тогда, когда они отплывутъ съ острова Барбадоса, разстанутся навсегда съ Антильскими островами.

Корти встрѣтилъ матроса, лишь только онъ вышелъ на палубу.

— Вы хотите говорить съ капитаномъ Пакстономъ? — спросилъ онъ.

— Съ нпмъ, если только онъ командуетъ «Рѣзвымъ», вышедшимъ изъ Ливерпуля!

— Вы его знаете?

— Нѣтъ, но у него въ экипажѣ служить, кажется, одинъ мой пріятель!

— Какъ его зовутъ?

— Форстеръ. Джонъ Форстеръ!

Узнавъ, въ чемъ дѣло, Гарри Маркель вышелъ. Онъ успокоился, какъ успокоился и Корти.

— Я капитанъ Пакстонъ!—сказалъ онъ.

— Капитанъ...—началъ матросъ, отдавая ему честь.

— Что надо?

— Хотѣлъ бы повидаться съ товарищемъ!

— Кто такой?

— Джонъ Форстеръ!

Гарри Маркель хотѣлъ было отвѣтить, что Джонъ Форстеръ утонулъ въ Коркскомъ заливѣ, но вспомнилъ, что назвалъ выброшеннаго на берегъ матроса Бобомъ. Пассажирамъ «Рѣз-ваго» могло показаться подозрительнымъ, что утонуло два матроса раньше, чѣмъ корбль успѣлъ сняться съ якоря. Поэтому Гарри Маркель сказалъ только:

— Джона Форстера нѣтъ на кораблѣ!

— Нѣтъ?—удивился матросъ.—А я-то думалъ, что увижу его!

— Джона Форстера нѣтъ больше на кораблѣ, говорю я вамъ!

— Съ нимъ что-нибудь случилось?..

— Онъ захворалъ въ моментъ отбѣзда и долженъ былъ остаться на берегу!

Корти еще разъ подивился находчивости своего начальника. Хорошо, однако, что матросъ не зналъ въ лицо капитана Пакстона; не то Гарри Маркелу и его друзьямъ пришлось бы плохо. Но матросъ поблагодарилъ капитана и сѣлъ въ шлюпку, опечаленный тѣмъ, что не повидался съ товарищемъ.

Когда шлюпка была далеко, капитанъ и экипажъ поняли свою опасную игру.

II.

Г в а д е л у п а.

Гваделупа состоитъ изъ двухъ большихъ острововъ.

Западный островъ, собственно Гваделупа, которую караибы называли нѣкогда Курукуера, именуется также и Бассъ-Терръ (Бассе-Тегге—Низменная Земля), хотя онъ наиболѣе возвышен-

ный изъ окружающихъ острововъ. Названіе это происходитъ отъ положенія острова по отношенію къ пассатнымъ вѣтрамъ.

Восточный островъ отмѣчается на картахъ подъ именемъ Грандъ-Терръ (Grande-Terre—Большая Земля), хотя на самомъ дѣлѣ онъ по размѣрамъ меньше Западнаго. На обоихъ островахъ сто тридцать шесть тысячъ жителей.

Бассъ-Терръ и Грандъ Теръ раздѣлены рѣкою, вода которой солона. Рѣка эта, ширина которой колеблется отъ тридцати до ста двадцати метровъ, судоходна, но ею могутъ проходить суда, сидяція въ водѣ не глубже семи футовъ. «Рѣзвый» могъ бы рискнуть пройти этою рѣкою только во время прилива, но и то было бы неосторожно. Гарри Маркель обошелъ островъ съ восточной стороны. Въмѣсто предполагаемыхъ двадцати четырехъ часовъ, «Рѣзвый» плылъ сорокъ часовъ и 18 го августа вошелъ въ заливъ, въ который впадаетъ соленая рѣка, и на берегу котораго лежатъ Поантъ-а-Питръ.

«Рѣзвый» долженъ былъ пройти узкимъ каналомъ между разбѣянными у входа въ бухту островками.

Семья Луи Клодіона уѣхала съ Гваделупы уже пять лѣтъ тому назадъ; только его дядя остался жить въ Поантъ-а-Питрѣ. Родители Луи съ остальными дѣтьми поселились во Франціи, въ Нантѣ, гдѣ отецъ его завѣдывалъ торговою фирмою. Луи Клодіонъ уѣхалъ съ острова, когда ему было пятнадцать лѣтъ; онъ хорошо помнилъ мѣстность и заранѣе радовался при мысли, что покажетъ тоаарнищамъ всѣ достопримѣчательности своей родины.

«Рѣзвый», какъ уже сказано, подходилъ къ острову съ востока. Прежде всего, путешественники увидѣли Грандъ-Вижи на Грандъ-Терръ, затѣмъ мысъ Гро-Капъ, бухту Св. Маргариты, наконецъ, на юго-западной сторонѣ Грандъ-Терръ мысъ Шато.

Луи Клодіонъ показалъ товарищамъ на восточной сторонѣ Муль, третій по значенію городъ колоніи съ десяти тысячнымъ населеніемъ. Здѣсь обыкновенно нагруженные сахаромъ корабли выжидаютъ благоприятной погоды, чтобы выйти въ море.

Гавань Муля хорошо защищена отъ сильныхъ въ этой части моря бурь.

Подходя къ юго-восточному мысу Грандъ-Терръ, пассажиры увидѣли Дезидераду, тоже принадлежащій французамъ островокъ, первый, который попадаетъ на пути идущихъ изъ Европы кораблей. Издалека видна на островѣ возвышенность въ двѣсти семьдесятъ восемь метровъ.

Дезидерада осталась вѣво, а «Рѣзвый» обогнулъ мысъ Шато, изъ-за котораго показался другой, расположенный южнѣе, островокъ Птитъ-Терръ, тоже примыкающій къ группѣ Гваделупы.

Дядя Луи Клодіона, Анри Барранъ, владѣлъ богатыми плантаціями на Гваделупѣ. Самъ онъ жилъ въ Поантъ-а-Питрѣ, но имѣнія его находились за городомъ. Всѣ знакомые любили его за общительный, симпатичный характеръ, оригинальность, остроуміе. Анри Баррану было сорокъ шесть лѣтъ; это былъ страстный охотникъ, спортсменъ, любитель хорошо поѣсть, настоящій дворянинъ-помѣщикъ, если такъ можно выразиться объ антильскомъ колонистѣ. Въ довершеніе всего Барранъ былъ старый холостякъ, типичный американскій дядюшка, на наследство послѣ смерти котораго могли рассчитывать его племянники и племянницы.

Анри Барранъ съ восторгомъ обнялъ Луи Клодіона.

Между тѣмъ м-ръ Паттерсонъ подошелъ къ Баррану съ церемоннымъ поклономъ:

— Позвольте, мосье, представить вамъ моихъ воспитанниковъ!—сказалъ онъ.

— Эге!—вскричалъ плантаторъ,—Вы, должно быть, м-ръ Паттерсонъ? Какъ поживаете, м-ръ Паттерсонъ?

— Недурно, насколько это возможно послѣ перенесенной нами боковой и килевой качки!

— А я васъ вѣдь знаю,—персбилъ его Барранъ,—какъ знаю и всѣхъ воспитанниковъ Антильской школы, при которой вы состоите священникомъ!

— Вы хотѣли сказать, экономомъ, мосье Барранъ...

— Экономъ, священникъ, это одно и то же!—весело рас-

хохотался плантаторъ.— Одинъ ведетъ счеты здѣсь, на землѣ, другой—тамъ, на небѣ! Лишь бы отчетность была вѣрна!

Болтая такимъ образомъ, Баррантъ переходилъ отъ одного пассажира къ другому и на послѣдокъ такъ крѣпко пожалъ руку м-ръ Паттерсону, что если бы тотъ былъ дѣйствительно священникомъ, то дня два не могъ бы благословлять своихъ питомцевъ.

— Высаживайтесь-ка поскорѣе на берегъ,—торопилъ словоохотливый колонистъ.—Я васъ всѣхъ помѣщу у себя. У меня домъ большой. Будь васъ тысяча человекъ, у меня мѣста и добра на всѣхъ хватитъ. Пожалуста, и вы пріѣзжайте ко мнѣ съ молодыми людьми, м-ръ Паттерсонъ, да и вы тоже, капитанъ Пакстонъ, если ничего не имѣете противъ!

Какъ всегда, Гарри Маркель отклонилъ приглашеніе, а Баррантъ не настаивалъ.

— Мосѣ Баррантъ, — считъ нужнымъ замѣтить наставникъ, — мы очень благодарны вамъ за гостепріимство, за столь любезное, какъ бы это выразиться...

— А вы не выражайтесь никакъ, будетъ лучше, м-ръ Паттерсонъ!

— Мы, можетъ быть, стѣснимъ васъ...

— Это меня-то стѣсните? Я самъ не привыкъ стѣсняться, и меня никто стѣснить не можетъ!

Затѣмъ Баррантъ сѣлъ въ шлюпку, на которой пріѣхалъ, съ нимъ вмѣстѣ сѣлъ и племянникъ.

Бассъ-Терръ расположенъ живописнѣе, чѣмъ Поантъ-а-Питръ Онъ выстроенъ при устьѣ Ривьеръ-Озербъ (Rivière-aux Herbes), у самого мыса острова. Расположенные амфитеатромъ зданія города, красивые окрестные холмы придаютъ городу живописный видъ. Но Анри Баррантъ, вѣроятно, не согласился бы съ нашимъ мнѣніемъ, потому что, если Гваделупа была для него самымъ прекраснымъ островомъ, то Поантъ-а-Питръ казался ему первымъ городомъ Гваделупы. Онъ не любилъ, когда при немъ упоминали о томъ, что Гваделупа въ 1759 году сдалась на капитуляцію англичанамъ, переходила во власть англичанъ въ 1794 и въ 1810 годахъ и

только по договору 30-го мая 1814 года окончательно была возвращена Франціи.

Во всякомъ случаѣ, Поанть-а-Пинть городъ, который стоитъ посмотрѣть, а Баррана съумѣетъ показать товаръ лицомъ, показывая своимъ гостямъ родной городъ. Мальчики пока проѣзжали черезъ городъ по дорогѣ въ Розъ-Круа, виллу Баррана, гдѣ ихъ ожидали дядя и племянникъ.

Путешественники осмотрѣли прекрасныя владѣнія Анри Баррана. Благодаря устройству искусственнаго орошенія, обширныя сахарныя плантаціи давали хорошій урожай. Барранъ могъ справедливо гордиться и своими кофейными плантаціями. Осмотрѣли также луга, на которыхъ гидравлическая сѣть поддерживала свѣжесть и влагу, плантаціи алоэ, хлопчатника, маниока, иньема, табачныя плантанціи, картофельныя поля и фруктовые сады богатаго владѣльца.

На всѣхъ поляхъ и плантаціяхъ Баррана работали вольнонаемные слуги, хозяинъ обращался съ ними такъ хорошо, что они скорѣе согласились бы быть навсегда его крѣпостными, чѣмъ покинуть Розъ-Круа.

20-го августа путешественники оправилсь на маленькомъ парходикѣ изъ Поанть-а-Питра въ Бассъ-Терръ, чтобы осмотрѣть и эту часть Гваделупы.

Важный въ политическомъ отношеніи, Бассъ-Терръ считается однако третъестепеннымъ городомъ Гваделупы. Бассъ-Терръ удивительно красивъ по своему мѣстоположенію, хотя Анри Барранъ и не хотѣлъ съ этимъ согласиться. Зданія города расположены амфитеатромъ по склону холмовъ; всюду роскошная растительность; загородныя виллы утопаютъ въ зелени; въ воздухѣ слышится морская прохлада. Самъ Анри Барранъ остался въ Розъ-Круа, но Луи Клодіонъ хорошо зналъ мѣстность и могъ показать товарищамъ все, что есть достопримѣчательнаго въ Бассъ-Террѣ: замѣчательный ботаническій садъ, санаторію Жакобъ и пр.

Четыре дня провели пассажиры на Гваделупѣ, совершая прогулки и поѣздки по острову. Барранъ все это время угощалъ ихъ лукулловскими обѣдами. Но пора было пускаться

въ дальнѣйшій путь, плыть дальше, на Мартинику, гдѣ, можетъ быть, ихъ ожидать не менѣе сердечный и радушный пріемъ.

Говорить въ присутствіи Баррана о Мартиникѣ—значило сердить его. Еще наканунѣ отъѣзда онъ сказалъ Паттерсону:

— Представьте, что французское правительство оказываетъ Мартиникѣ нѣкоторое предпочтеніе. Это меня бѣситъ!

— Чѣмъ же выражается это предпочтеніе?—спросилъ м-ръ Паттерсонъ.

— Ахъ! Да хоть бы тѣмъ, что французскіе заатлантическіе пароходы останавливаются въ Форъ-де-Франсѣ, тогда какъ они, естественно, должны были бы приходить въ портъ Поантъ-а-Питръ!...

— Въ самомъ дѣлѣ. Но жители Гваделупы могутъ заявить?

— Заявить,—вскричалъ плантаторъ. — А кто возьмется заявить?

— Развѣ у васъ нѣтъ представителя во французскомъ парламентѣ?

— Есть, сенаторъ и два депутата,—отвѣчалъ Барранъ,—они дѣлаютъ, что только могутъ, въ интересахъ колоніи!

— Это ихъ обязанность!—одобрилъ наставникъ.

Вечеромъ 21-го августа Анри Барранъ проводилъ своихъ гостей до «Рѣзваго». Онъ поцѣловалъ племянника, простился со всѣми его товарищами, потомъ вдругъ спросилъ:

— А что, если бы вы махнули рукой на Мартинику и остались погостить еще недѣлку въ Гваделупѣ?

— А какъ же мой островъ - то?—воскликнулъ Тони Рено.

— Ну, мой милый, островъ твой не уйдетъ, увидишь его и въ другой разъ!

— Очень вамъ благодарны, мосе Барранъ,—вступился Паттерсонъ,—вы очень, очень добры, но мы должны слѣдовать предписаніямъ м-съ Китленъ Сеймуръ!

— Ну, съ Богомъ! Ступайте на Мартинику, друзья мои!—сказалъ Барранъ.—Только остерегайтесь змѣй, которыми кишитъ островъ. Говорятъ, что это англичане занесли ихъ туда передъ тѣмъ, какъ сдали островъ французамъ!

— Не можетъ быть!—ужаснулся наставникъ.—Ни за что

не повѣрю, чтобы мои соотечественники были способны на такой поступокъ!

— Я привожу слова историка, — отвѣчалъ плантаторъ. — Если васъ тамъ ужалилъ змѣя, м-ръ Паттерсонъ, такъ и знайте, что она британская...

— Британская или какая иная, — замѣтилъ Луи Клодionъ, — мы будемъ ихъ остерегаться, дядя!

— Да, скажите-ка, каковъ вашъ капитанъ? — спросилъ Барранъ уже передъ тѣмъ, какъ уходитъ.

— Отличный, — отвѣчалъ Паттерсонъ. — Мы имъ очень, очень довольны. Лучшаго выбора м-съ Китленъ Сеймуръ не могли сдѣлать!

— Жаль! — покачалъ головою Барранъ.

— Жаль, говорите вы? Но почему же?

— Потому что, еслибы у васъ былъ плохой капитанъ, «Рѣзвый» могъ бы сѣсть на мель при выходѣ изъ гавани, и вы тогда остались бы погостить въ Розъ-Круа еще на нѣсколько недѣльскъ!

III.

Островъ Доминика

Выйдя изъ бухты Поантъ-а-Питръ, «Рѣзвый», подъ попутнымъ восточнымъ вѣтромъ, направился къ острову Доминикъ, лежащему миль около ста на югъ.

Тони Рено и Магнусъ Андерсъ лучше всѣхъ товарищей научились управлять кораблемъ. Они, какъ настоящіе матросы, стояли на вахтѣ, даже ночью, хотя наставникъ и уговаривалъ этихъ неосторожныхъ и смѣлыхъ мальчиковъ.

— Довѣряю ихъ вамъ, капитанъ Пакстонъ, — повторялъ онъ Гарри Маркелу. — Подумайте, ну, что если случится несчастіе! Смотрю, какъ они взбираются на мачты, и думаю, что вотъ, вотъ...

— Ихъ снесетъ вѣтромъ?.

— Ну, да, снесетъ во время боковой или килевой качки,

и что они упадутъ въ море. Вѣдь я долженъ отвѣчать за нихъ, капитанъ!

Гарри Маркель сказалъ, что онъ не допуститъ мальчиговъ ни до какой неосторожности, такъ какъ и его отвѣтственность не меньше. М-ръ Паттерсонъ, растрогавшись, благодарилъ его, но эти изліянія не могли растопить ледяной холодности лже-Пакстона.

Почтенный воспитатель могъ быть покоенъ: Тоия Рено и Магнусъ Андерсъ были не только отважны, но и ловки. Кромѣ того, ихъ ревниво оберегаль Джонъ Карпентеръ, который ни за что не хотѣлъ потерять ихъ награду. Была еще другая причина оберегать мальчиговъ: сломай одинъ изъ нихъ себѣ руку или ногу, пришлось бы отложить отъѣздъ, а «Рѣзвому» опасно было заходить въ гавани и подолгу стоять на якорѣ у Антильскихъ острововъ.

Матросы не имѣли почти никакихъ сношеній съ пассажирами. Послѣдніе могли даже замѣтить, что матросы избѣгаютъ встрѣчъ съ ними, не фамильярничаютъ, какъ обыкновенно водится на корабляхъ. Только Вага да Корти заговариваютъ съ ними, всѣ остальные, послушные приказу Гарри Маркела, держатся въ сторонѣ. Рожера Гинсдаля и Луи Клодіона иногда удивляла такая сдержанность, они замѣчали иногда, что разговаривавшіе между собою матросы умолкали при ихъ приближеніи; но все таки это не пробуждало въ нихъ никакихъ подозрѣній.

Что касается м-ра Паттерсона, то онъ ровно ничего не замѣчалъ. Онъ находилъ, что путешествіе протекаетъ при самыхъ благопріятныхъ условіяхъ — это было вполне справедливо, — и радовался, что можетъ прогуливаться по палубѣ *pede maritimo*, не спотыкаясь на каждомъ шагу.

Довольно продолжительный штиль задержалъ корабль, и онъ прибылъ подъ легкимъ нордъ-вестомъ на островъ Доминику только около пяти часовъ дня 24 го августа.

Въ столицѣ острова, Виль-де-Розо (*Ville des Roseaux*), около пяти тысячъ жителей. Она лежитъ на восточномъ берегу острова и горы защищаютъ ее отъ частыхъ въ этой мѣстности нас-

сатныхъ вѣтровъ. Но гавань недостаточно защищена отъ зыби открытаго моря, особенно во время сильныхъ приливовъ, и стоять на якорѣ здѣсь не особенно спокойно. Поэтому, при малѣйшемъ намекѣ на бурю, корабли спѣшатъ выбраться изъ гавани Виль-де Розо и идти въ другую.

Такъ какъ «Рѣзвый» долженъ былъ остановиться у острова Доминики на нѣсколько дней, Гарри Маркелъ благоразумно предпочелъ бросить якорь не въ Виль-де Розо, тѣмъ болѣе, что въ сѣверной части острова есть прекрасный рейдъ Портсмутъ, гдѣ корабли находятъ вѣрный пріютъ отъ урагановъ и циклоновъ, которые часто бушуютъ въ этой мѣстности.

Въ этомъ городѣ родился восемнадцать лѣтъ тому назадъ Джонъ Говардъ, четвертый лауреатъ конкурса. Городъ въ это время разрастался и общалъ сдѣлаться, въ близкомъ будущемъ, важнымъ торговымъ центромъ.

Пассажиры высадились на островъ Доминику въ воскресенье; еслибы они прибыли сюда 5-го ноября, они отпраздновали бы годовщину открытія острова Христофоромъ Колумбомъ въ 1493 году.

Знаменитый мореплаватель назвалъ островъ въ честь Воскресенія, которое праздновалось въ этотъ день на каравеллахъ.

Доминика—значительная англійская колонія. Островъ имѣетъ семьсотъ пятьдесятъ четыре километра поперечности и насчитываетъ въ настоящее время тридцать тысячъ жителей, которые населили островъ послѣ изгнанія его первобытныхъ жителей—караибовъ. Хотя на островѣ есть плодородныя долины, прекрасная питьевая вода, богатые строительнымъ деревомъ лѣса, испанцы не вдругъ поселились на немъ.

Какъ и другіе острова Вестъ-Индіи, Доминика переходила нѣсколько разъ отъ одной европейской державы къ другой.

Родители Джона Гаварда уѣхали изъ Портсмута шесть лѣтъ тому назадъ и проживали въ Манчестерѣ, въ Ланкастерскомъ графствѣ.

Мальчикъ сохранилъ кое-какія воспоминанія объ островѣ, такъ какъ ему было уже двѣнадцать лѣтъ во время, когда м-ръ и м-съ Говардъ уѣхали изъ колоніи. Другихъ родственниковъ

у него на островѣ не было. Не было у него ни брата, какъ у Нильса Арбо на островѣ Св. Томы, ни дяди, какъ у Луи Клодіона на Гваделупѣ. Можетъ быть, найдутся какіе-нибудь друзья его родителей, которые встрѣтятъ Антильскихъ школьникова.

Но если не найдется ни друзей, ни знакомыхъ семейства Говардовъ, молодой Говардъ рѣшилъ тотчасъ по прїѣздѣ въ Портсмутъ навѣстить двухъ добрыхъ стариковъ. Товарищи не должны разсчитывать на такой сердечный прїемъ, какъ у м-ра Христіана Арбо на островѣ Св. Томы, на широкое гостепрїимство Аври Баррана въ Гваделупѣ, но все-таки Джонъ Говардъ и его друзья встрѣтятъ и здѣсь дружескій привѣтъ.

Въ Портсмутѣ жила съ своимъ мужемъ старая негрятянка, бывшая служанка семьи Говардовъ. Говарды обезпечили ее, и она скромно доживала свой вѣкъ.

То-то обрадуется Кэтъ Гринда, когда увидитъ Джона, котораго когда-то носила на рукахъ! Ни она, ни мужъ ея не ожидаютъ его. Они не знаютъ, что «Рѣзвый» остановился у острова Доминики, и что «маленькіи» Джонъ прїѣдетъ на корабль и поспѣшитъ навѣстить ихъ.

«Рѣзвый» сталъ на якорь, и пассажиры вышли на берегъ. Корабль долженъ пробыть у острова Доминики двое сутокъ. Мальчики днемъ будутъ осматривать городъ, а вечеромъ возвращаться на корабль. Каждый вечеръ ихъ будетъ ожидать шлюпка, которая будетъ доставлять ихъ на корабль.

Такъ распорядился Гарри Маркель, не желавшій имѣть никакихъ сношеній съ Портсмутомъ, исключая неизбежныхъ морскихъ формальностей. Въ англійскомъ портѣ легче, чѣмъ гдѣ бы то ни было, встрѣтить людей, которые могли знать капитана Пакстона или кого-нибудь изъ его матросовъ.

Гарри Маркель остановился и запретилъ матросамъ выходить на берегъ. Припасовъ на «Рѣзвомъ» было еще довольно, надо было купить только муки и мяса, и капитанъ рѣшилъ сдѣлать это съ соблюденіемъ всяческихъ предосторожностей.

Джонъ Говардъ довольно хорошо помнилъ планъ города Портсмута и могъ служить проводникомъ своимъ товарищамъ.

Прежде всего, Джонъ намѣревался пойти въ домикъ старыхъ Гринда и обнять свою старую няню Поэтому прямо съ корабля онъ отправился черезъ городъ въ предместье, за послѣдними домами котораго начинались уже поля.

Мальчики шли не долго. Черезъ четверть часа ходьбы, они стояли уже передъ скромной, чистенькой хижиной, окруженной фруктовымъ садомъ. На дворѣ хижины клевали кормъ куры и другая домашняя птица.

Старикъ хозяинъ работалъ въ саду; старуха хлопотала въ кухнѣ; она вышла на порогъ въ моментъ, когда Джонъ открылъ калитку полисадника.

Крикъ радости вырывался у Кэтъ, когда она узнала мальчика, котораго не видала уже шесть лѣтъ. Но она узнала бы его и черезъ двадцать лѣтъ! Узнала бы сердцемъ, не глазами!.

Кэтъ не могла наглядѣться на «свое дитятко». Какъ Джонъ выросъ! Какъ перемѣнился! Какой сталъ! Но она его все таки узнала! А старикъ еще не вѣрить! И она заключала юношу въ свои объятія и плакала отъ радости.

Онъ рассказалъ ей о всемъ семействѣ Говардовъ, объ отцѣ матери, братьяхъ, сестрахъ! Всѣ здоровы и часто вспоминаютъ Кэтъ съ мужемъ. Ихъ не забыли. И въ доказательство Джонъ передалъ обоимъ привезенные для нихъ подарки. Джонъ обѣщалъ заходить къ старикамъ каждый день утромъ и вечеромъ, пока «Рѣзвй» стоитъ на якорѣ. Затѣмъ, выпивъ по стакану сахарной водки, т. е. ямайки, мальчики простились со стариками.

Во время своихъ экскурсій въ окрестности Портсмута Джонъ Говардъ и его товарищи пришли къ подошвѣ холма «Дьяволенокъ». Они поднялись и полюбовались открывающимся съ вершины видомъ. М-ръ Паттерсонъ порядкомъ утомился, поднимаясь на холмъ.

Съ вершины «Дьяволенка» видѣлись хорошо воздѣланные сады. Торговля фруктами и сѣрой, которой очень много на островѣ, составляетъ главное богатство его жителей. Кофейныя плантаціи тоже общаются со временемъ выгоднымъ дѣломъ.

На слѣдующій день путешественники осматрѣли Виль-де-Розо, хорошенькій, но не торговый городокъ съ пятидесячнымъ населеніемъ. Англійское правительство лишило его всякаго значенія.

«Рѣзвый», какъ извѣстно, долженъ былъ сняться съ якоря 26 го августа. Въ пять часовъ вечера мальчики въ послѣдній разъ прогуливались по городской набережной, а Джонъ Говардъ пошелъ въ послѣдній разъ навѣстить старую Кэтъ.

Когда онъ шелъ одною изъ выходившихъ на набережную улицъ, къ нему подошелъ человѣкъ лѣтъ пятидесяти, отставной морякъ, и сказалъ ему, указывая на стоявшій въ гавани «Рѣзвый»:

— Красивый корабль, баринъ, моряку есть чѣмъ полюбоваться!

— Правда ваша,—возразилъ Джонъ Говардъ,—не только красивый, но и прекрасный корабль. Онъ только что прибылъ изъ Европы на Антильскіе острова!

— Знаю, знаю,—отвѣчалъ морякъ,—знаю и то, что вы м-ръ Говардъ и идете къ старой Кэтъ и ея мужу!

— Вы съ ними знакомы?

— Мы сосѣди!

— Ну, вотъ, я иду проститься съ ними. Завтра мы идемъ дальше!

— Какъ, уже завтра?

— Да, намъ еще предстоитъ побывать на Мартиникѣ. Сантъ-Люси, Барбадосѣ...

— Все это мнѣ извѣстно. Скажите-ка, кто командуетъ «Рѣзвымъ»?

— Капитанъ Пакстонъ!

— Капитанъ Пакстонъ?—повторилъ матросъ.—Да я его знаю!

— Знаете?

— Еще бы мнѣ, Нэду Бутлеру, не знать его! Мы вмѣстѣ плавали на «Нортумберлендѣ» въ южныхъ моряхъ. Этому будетъ лѣтъ пятнадцать. Тогда онъ былъ еще только подшкиперомъ. Теперь ему должно быть подъ сорокъ?

— Пожалуй, что такъ!—сказалъ Джонъ Говардъ.

— Маленькій, толстый?

— Нѣтъ, скорѣе высокаго роста!

— Рыжеволосый?

— Нѣтъ, брюнетъ!

— Странно,—сказалъ матросъ—а вѣдь я, какъ сейчасъ, вижу его!

— Если вы знакомы съ капитаномъ,—продолжалъ Джонъ Говардъ,—пойдите, навѣстите его. Онъ будетъ радъ повидать стараго товарища!

— Въ самомъ дѣлѣ!

— Но тогда сегодня же, и посکوѣе. «Рѣзвый» снимается съ якоря завтра, чуть свѣтъ!

— Спасибо за добрый совѣтъ. Конечно, я постараюсь повидать капитана до отхода корабля!

Они расстались, и Джонъ Говардъ пошелъ въ верхнюю часть города.

А морякъ тѣмъ временемъ сѣлъ въ лодку и велѣлъ плыть къ кораблю.

Гарри Маркелу и его товарищамъ на этотъ разъ грозила серьезная бѣда. Нэдъ Бутлеръ плавалъ вмѣстѣ съ капитаномъ Пакстономъ два года и хорошо зналъ его. Что скажетъ и подумаетъ онъ, при видѣ Гарри Маркела, не имѣвшаго ни малѣйшаго сходства съ бывшимъ подшкиперомъ «Нортумберленда».

Когда матросъ остановился у трапа, прогуливавшійся по палубѣ Корти крикнулъ ему:

— Ей! Другъ, что тебѣ надо?

— Поговорить съ капитаномъ Пакстономъ!

— Ты его знаешь?—насторожился Корти.

— Еще бы не знать! Мы съ нимъ вмѣстѣ плавали по южнымъ морямъ!

— Вотъ какъ! А что тебѣ отъ него надо?

— Да просто повидаться съ нимъ хочу. Вѣдь повидаться съ старыми сослуживцами всегда пріятно!

— Еще бы!

— Ну, такъ я войду на корабль!

— Да, вотъ капитана-то Пакстона сейчасъ нѣтъ!

— Я подожду!

— Онъ возвратится поздно вечеромъ!

— Вотъ такъ незадача!—сказалъ матросъ.

— Что и говорить, незадача!

— Ну, а завтра, равнѣе, чѣмъ «Рѣзвый» снимется съ якоря?

— Завтра, если хочешь, можно!

— Еще бы не хотѣть повидать капитана Пакстона, да и онъ, если бы зналъ, что я здѣсь, былъ бы радъ мнѣ!

— Вѣрю!—насмѣшливо сказалъ Корти.

— Передай ему, пожалуйста, что пріѣзжалъ Нэдъ Бутлеръ съ «Портумберланда!» .

— Ладно!

— Ну, до завтра!

— До завтра!

Нэдъ Бутлеръ отплылъ къ берегу.

Корти пошелъ въ каюту къ Гарри Маркелу и рассказалъ ему все.

— Этотъ матросъ знаетъ въ лицо капитана Пакстона!—сказалъ Гарри Маркель.

— И пріѣдетъ опять завтра утромъ!—прибавилъ Корти.

— Пусть пріѣзжаетъ, насъ онъ здѣсь больше не застанетъ!

— «Рѣзвый» долженъ отплыть въ девять часовъ, Гарри!

— «Рѣзвый» отплыветъ, когда будетъ нужно. Но ни слова объ этомъ матросѣ пассажирамъ!

— Понятно, Гарри! Ахъ, я охотно пожертвовалъ бы своей долей барыша, лишь бы намъ поскорѣе убраться изъ этихъ мѣстъ. Не ладно здѣсь...

— Осталось потерпѣть еще всего двѣ недѣли, Корти!

М-ръ Горацій Паттерсонъ и его товарищи вернулись на корабль въ десять часовъ вечера. Джонъ Говардъ простился съ старой Кэтъ и ея мужемъ. Какъ цѣловала она его на прощанье! Сколько поклоновъ посылала всѣмъ членамъ семьи!

Пассажиры собиравшійся уже расходиться по каютамъ, чтобы вытянуть усталые члены на койкахъ, какъ вдругъ Джонъ Говардъ спросилъ, не былъ ли на кораблѣ матросъ, по имени

Нэдъ Бутлеръ, который желалъ повидать своего стараго товарища, капитана Пакстона.

— Былъ,—отвѣчалъ Корти,— да не засталъ капитана, который въ это время былъ въ морскомъ бюро!

— Ну, значитъ, Бутлеръ прійдетъ завтра раньше, чѣмъ корабль снимется съ якоря!

— Да, такъ и рѣшено!—отвѣчалъ Корти.

Черезъ четверть часа отовсюду слышались громкое похрепываніе пассажировъ, и громче всѣхъ раздавалось храпѣніе м-ра Паттерсона.

Пассажиры не услышали поднявшейся на корабль около трехъ часовъ утра возни: это «Рѣсвий» снимался съ якоря.

Когда, въ девять часовъ утра, пассажиры вышли на палубу, они были уже въ пяти, шести миляхъ отъ острова Доминики.

— Уже отплыли!—воскликнули въ одинъ голосъ Тони Рено и Магнусъ Андерсъ.

— Снялись съ якоря, пока мы спали!—сказалъ Тони.

— Я боялся, что погода переменится и воспользовался береговымъ вѣтромъ!

— Ахъ!—сказалъ Джонъ Говардъ,—А бѣднягъ Бутлеру такъ хотѣлось видѣть васъ, капитанъ!

— Бутлеръ... да, да припоминаю... мы дѣйствительно съ нимъ плавали,—отвѣчалъ Гарри Маркель.—Но ждать было нельзя!

— Бѣдный!—продолжалъ Джонъ Говардъ.—Онъ будетъ очень жалѣть! Впрочемъ, не знаю, узналъ ли бы онъ васъ. Онъ считаетъ васъ человѣкомъ толстымъ, маленькаго роста, рыжеволосымъ...

— У старика память отшибло!—коротко замѣтилъ Гарри Маркель.

— Ну, и хорошо же мы сдѣлали, что удрали!—прошепталъ Корти на ухо боцману.

IV.

Островъ Мартиника.

Еще разъ Гарри Маркель избѣжалъ опасности. Еще три раза грозитъ не меньшая опасность на островахъ Мартиникѣ, Санъ-Люси и Барбадосѣ. Удастся ли избѣжать ей такъ же легко. Ему всегда во всемъ была удача въ теченіе первой части его разбойничьихъ походовъ на морѣ до момента, когда его съ товарищами арестовали на «Галифаксѣ». Счастье снова улыбнулось ему и позже—ему удалось бѣжать изъ Кинестоунской тюрьмы и завладѣть «Рѣзвымъ». Съ тѣхъ поръ счастье не покидало его. Такъ ему удалось даже избѣжать встрѣчи съ Нэдомъ Бутлеромъ. Что же касается описанія капитана Пакстона, сдѣланнаго матросомъ одному изъ пассажировъ, неимѣющаго ничего общаго съ внѣшностью Гарри, то этому онъ не придавалъ никакого значенія. Пассажиры уже забыли объ этомъ и думать. Онъ вѣрилъ въ свою счастливую звѣзду, вѣрилъ, что доведетъ до конца своей преступный планъ.

Вершины горъ Доминики едва виднѣлись вдаль, въ пяти шести миляхъ на югъ. Вѣтеръ свѣжѣлъ.

Разстояніе между островами Доминикой и Мартиникой почти то же, какъ между Гваделупой и Доминикой. Но на островѣ Мартиникѣ—высокія горы, и въ ясную погоду ихъ видно за шестьдесятъ миль. Вѣроятно, пассажиры увидятъ ихъ еще до заката солнца. А на утро «Рѣзвый» прибудетъ въ столицу острова—Форъ-де-Франсъ.

Островъ дѣлится на два округа, Сенъ-Пьеръ и Форъ-де-Франсъ, девять кантоновъ и двадцать девять общинъ.

Небо было чисто, море блестяло, все пронизанное солнечными лучами. Ни облачка. Чуть замѣтная правильная зыбь доходила съ открытаго моря. Стрѣлка барометра стояла на «ясно».

Дуль, хотя и слабый, сѣверовосточный попутный «Рѣзвому» вѣтеръ. Обыкновенно между закатомъ и восходомъ солнца спускаютъ верхніе паруса; на этотъ разъ этого не сдѣлали

Напрасно старались пассажиры разглядѣть, не виднѣется ли вдали вершина Монъ-Пеле, возвышающаяся на тысячу триста пятьдесятъ шесть метровъ надъ уровнемъ моря. Уже темнѣло, а ничего не было видно. Къ девяти часамъ вечера пассажиры разошлись по каютамъ, двери которыхъ, по случаю сильной жары, не закрывались всю ночь.

Ночь была на диво тихая. Въ пять часовъ утра мальчики уже всѣ высыпали на палубу.

— Вотъ Монъ-Пеле *). Я сейчасъ же узналъ его!—вскричалъ Тони Рено, указывая на югъ.

— Будто бы узналъ?—усумнился Рожеръ Гинедаль.

— Конечно же! Вѣдь не измѣнился же онъ за эти пять лѣтъ. А вотъ и три остроконечныя верхушки Карбета!

— Ну, и глаза у тебя, Тони!

— Хорошіе. Увѣряю васъ, что это Монъ-Пеле, только гора эта вовсе не «лысая», а поросшая лѣсомъ, какъ и всѣ другія горы моего родного острова. А вы ихъ увидите много, если мы только поднимемся на Вокленъ. Вы невольно залюбуетесь моимъ островомъ, самымъ прекраснымъ изъ всѣхъ Антильскихъ острововъ!

Никто не противорѣчилъ восторженному мальчику, противорѣчать было опасно—онъ могъ отвѣтить дерзостью.

Впрочемъ, Тони Рено не преувеличивалъ, восхваляя Мартинику. Это второй по величинѣ изъ острововъ Антильской цѣпи, онъ имѣетъ девятьсотъ восемьдесятъ семь квадратныхъ километровъ и сто семьдесятъ семь тысячъ жителей: десять тысячъ бѣлыхъ, пятнадцать тысячъ азіатовъ, сто пятьдесятъ тысячъ черныхъ и людей цвѣтной расы, по большей части туземнаго происхожденія. Этотъ гористый островъ весь поросъ великолѣпнымъ лѣсомъ вплоть до вершины горъ. Воды на островѣ достаточно, такъ что въ ней не ощущается недостатка даже во время тропической жары. Рѣки его большей частью судоходныя, а въ гавань его могутъ входить даже большіе корабли.

*) Mont Pelé въ буквальномъ переводѣ значитъ „облупленная“ гора, какъ бы „Лысая Гора“.

Вѣтеръ попрежнему дулъ слабый, только послѣ полудня стало свѣжѣть, и матросы, наблюдавшіе съ мачтъ, наконецъ, увидѣли мысъ Макубу, съ сѣверной стороны Мартиники.

Около часу ночи вѣтеръ усилился, и «Рѣзвый» обогнулъ восточную часть острова.

На зарѣ показалась вдаль гора Жакобъ, лежащая къ берегу ближе, чѣмъ Монъ-Пеле, вершина которой тоже выплывала изъ утренняго тумана.

Въ семь часовъ утра на сѣверозападномъ берегу острова показался городъ.

— Сень-Пьеръ Мартиникъ!—закричалъ Тони Рено, потомъ громко запѣлъ припѣвъ старинной французской пѣсни:

„C'est le pays, qui m'a donné le jour!“

Тони Рено дѣйствительно родился въ Сень-Пьерѣ. Но семейство его переехало съ Мартиники во Францію, и у него не было на островѣ ни одного родственника.

Столицею Мартиники считается Форъ-де-Франсъ, лежащій на томъ же берегу при входѣ въ гавань, носившую прежде названіе Форъ-Рокъ, которая теперь носить то же названіе, какъ и городъ. Однако, въ торговомъ отношеніи Форъ-де-Франсъ имѣетъ менѣе значенія, чѣмъ Сень-Пьеръ. Въ Сень-Пьерѣ двадцать шесть тысячъ, въ Форъ-де-Франсѣ—пятнадцать. Кромѣ того, на западномъ берегу Мартиники есть посады Лорентенъ, южнѣе Сентъ-Эспри, Діаманъ, Мевю и Трпните.

Сень-Пьеръ—главная резиденція администраціи колоніи, и торговля здѣсь не такъ стѣснена, какъ въ Форъ-де-Франсѣ, гдѣ въ силѣ военные законы и правила, который съ своими сильно вооруженными крѣпостцами Трибю и Мульяжъ призванъ служить какъ бы оплотомъ острову *).

*) Нельзя обойти молчаніемъ бѣдствія, которое нѣсколько лѣтъ спустя разразилось надъ Мартиникой. Утромъ 8-го мая 1902 года часть острова была разрушена землетрясеніемъ и изверженіемъ вулкана. Пары и пепелъ, выбрасываемые кратеромъ Монъ-Пеле, опустошили Сень-Пьеръ, находящійся въ двадцати двухъ километрахъ отъ Форъ-де-Франса. Тысячи жителей погибли, задыхаясь горячими парами. Пострадала, впрочемъ, только часть острова на берегу Каранбскаго моря, на которой много вулкановъ.

Въ девять часовъ «Рѣзвый» вошелъ въ круглый заливъ, въ глубинѣ котораго находится гавань. Дальше, у подножія горы, пріютился городъ. Мелководная рѣчка раздѣляетъ городъ на двѣ части.

Элизе Реклю охотно повторяетъ слова, сказанныя о Сенъ-Пьерѣ историкомъ Дютертромъ: «Это одинъ изъ тѣхъ городовъ, которыхъ не забываетъ иностранецъ. Нравы здѣсь такъ пріятны, климатъ такъ хорошъ, жизнь такъ проста и легка, что я не знаю ни одного человѣка, который, побывавъ тамъ разъ, не стремился бы туда возвратиться».

Вѣроятно, именно такое желаніе овладѣло и Тони Рено: онъ волновался и горячился болѣе, чѣмъ когда бы то ни было. Товарищи могли быть увѣрены, что онъ покажетъ имъ все рѣзительно на родномъ островѣ. «Рѣзвый» будетъ стоять на якорѣ всего четыре дня, но они успѣютъ все осмотрѣть. При горячемъ желаніи все видѣть, съ такимъ проводникомъ, какъ Тони Рено, поѣздки будутъ смѣнять одна другую, и они осмотрятъ все вплоть до столицы Мартиники. Не видѣть столицы все равно, что быть во Франціи и не видѣть Парижа или, какъ говорилъ Тони Рено, «поѣхать въ Дьепиъ и не видѣть моря».

Но при такихъ условіяхъ надо пользоваться полной свободой. Нечего и думать возвращаться каждый вечеръ на корабль. Гдѣ ихъ застигнетъ ночь, тамъ и будутъ ночевать. Конечно, это связано съ нѣкоторыми расходами, но экономъ Антильской школы умѣло ведетъ счеты, да къ тому же на Барбадосѣ всѣ путешественники получаютъ награду. Чего же тутъ разсчитывать?

Въ первый день осматривали Сенъ-Пьеръ. Городъ живописнымъ амфитеатромъ раскинулся по склону горы и утопаетъ въ зелени роскошныхъ пальмъ и другихъ тропическихъ деревьевъ. Внутри городъ такъ же интересенъ, какъ и снаружи. Его низкіе, выкрашенные въ желтый цвѣтъ, дома не отличаются красотою, но они выстроены прочно и приспособлены, въ виду частыхъ на Антильскихъ островахъ землетрясеній и страшныхъ урагановъ, вродѣ опустошившаго въ 1776 году всю поверхность острова.

Тони Рено показалъ товарищамъ домъ, въ которомъ онъ родился, и въ которомъ теперь помѣщается складъ колоніальныхъ товаровъ.

На слѣдующій день путешественники поднялись по поросшимъ лѣсомъ склонамъ на вершину Монъ-Пеле. Подниматься было трудно, но зато Тони Рено и его товарищи были вознаграждены прекраснымъ видомъ, открывавшимся оттуда. Островъ, какъ разрывъ древесный листокъ, разстился на голубой лазури Антильскаго моря. На юго-востокъ обѣ части Мартиники соединяются узкимъ перешейкомъ всего въ два километра ширины. Первая часть представляетъ изъ себя полуостровъ Каравеллъ, между гаванью Трините и бухтой Габіонъ. Вторая часть вся покрыта холмами и горами, досигающими пяти сотъ метровъ вышины, въ числѣ ихъ находится и Вокленъ. Остальные возвышенности де-Констанъ, де-Роберъ, де-Франсуа, де-ла Плэнъ живописно возвышаются на поверхности острова. Наконецъ, на берегу, къ юго-западу закругляется бухта дю Диаманъ, а на юго-востокъ обрисовывается вершина Солончака, образуя какъ бы черенокъ этого плавучаго листка.

Восхищеніе мальчиковъ было такъ велико, что они не находили словъ его выразить и молчали. Даже самъ м-ръ Горацій Паттерсонъ не нашелъ ни одного приличнаго случая латинскаго стиха.

— Что я вамъ говорилъ, а?—спрашивалъ Тони Рено.

Обозрѣвая островъ съ вершины Монъ-Пеле, можно было судить о его богатствѣ и плодородіи. Островъ этотъ—одна изъ наиболѣе густо населенныхъ странъ міра—на каждый квадратный километръ приходится сто семьдесятъ восемь жителей.

По мѣрѣ того, какъ жители стали заниматься культурой кокосоваго дерева, индиго и орлеана, кофейныя плантаціи почти совсѣмъ заброшены. Плантаціи сахарнаго тростника занимаютъ не менѣе сорока тысячъ гектаровъ, и изъ нихъ добываютъ на восемнадцать, двадцать милліоновъ сахара, рому и сахарной водки.

На островъ ежегодно ввозится товаровъ на двадцать два милліона, а вывозится на двадцать одинъ милліонъ франковъ.

Тысяча восемьсотъ кораблей приходятъ и уходятъ изъ портовъ Мартиники, оживляя мѣстную торговлю.

Нѣсколько желѣзныхъ дорогъ, соединяющихъ центръ острова, гдѣ помѣщаются главнѣйшіе заводы, съ портами, обслуживаютъ мѣстность. Кромѣ того, на островѣ есть и удобныя для ѣзды экипажей дороги, болѣе девятисотъ километровъ длиною.

На слѣдующій день, 30-го августа, стояла прекрасная погода. Туристы отправились въ Форъ-де-Франсъ. Вся веселая компанія помѣстилась въ шарабанѣ. Лица у всѣхъ отъ морского свѣжаго вѣздуха покрылись здоровымъ загаромъ.

Плотно позавтракавъ въ хорошей гостинницѣ, они посѣтили столицу острова, расположенную на берегу залпа. Посреди города горделиво возвышается Фортъ-Рояль. Мальчики осмотрѣли также арсеналь и военный портъ, придающіе городу отпечатокъ милитаризма. Духъ милитаризма не уживается съ духомъ мирнаго гражданства, потому Форъ-де-Франсъ—городъ преимущественно военный, а не торговый, чѣмъ и отличается отъ Сень-Пьера.

Форъ-де-Франсъ не избѣжалъ участи многихъ другихъ городовъ Западной Индіи. Въ 1839 году онъ пострадалъ отъ землетрясенія, жертвою котораго сдѣлалось множество жителей *). Послѣ землетрясенія городъ снова отстроился: роскошныя аллеи проложены отъ города до окрестныхъ холмовъ. По великолѣпной аллеѣ де-ла-Саванъ веселая гурьба школьниковъ-туристовъ отправилась къ крѣпости Сень-Луи и пришла на усаженную пальмами площадь, посреди которой красуется бѣлый мраморный памятникъ императрицѣ Жозефинѣ, этой вѣнценосной креолкѣ, имя которой свято чтится на ея родинѣ, Мартиникѣ.

Осмотрѣвъ городъ, отправились осматривать окрестности. Тони Рено просто не давалъ товарищамъ перевести духъ. Они поднялись на сосѣднюю съ Балатскимъ лагеремъ возвышенность, побывали и въ санаторіи, въ которую помѣщаютъ прибывшихъ изъ Европы солдатъ, чтобы они успѣли привыкнуть къ климату. Затѣмъ школьники поѣхали къ теплымъ ключамъ.

*) Въ 1890 году почти весь городъ былъ уничтоженъ пожаромъ.

Замѣтимъ, что хотя на Мартиникѣ много змѣй, до сихъ поръ юноши и ихъ наставникъ не встрѣтили ни одного изъ этихъ ядовитыхъ гадовъ.

Юный чичероне повелъ даже своихъ товарищей въ крѣпость Ламентевъ, путь къ которой лежитъ черезъ густые лѣса. Дорогой случился слѣдующій инцидентъ, который не можемъ обойти молчаніемъ, потому что онъ относится къ м-ру Горацію Паттерсону.

31-го августа, наканунѣ отъѣзда съ острова Мартиники, экскурсанты, подкрѣпившись сномъ, отправились на соединяющій обѣ части острова перешеекъ. Ъхали, какъ всегда, весело перебрасываясь шутками. Намѣреваясь позавтракать въ лѣсу, путешественники взяли съ собой съѣстныхъ припасовъ, и у каждого была полная фляжка воды.

Они ѣхали уже нѣсколько часовъ. Наконецъ, Тони Рено и другіе мальчики вышли изъ экипажа, прошли лѣсомъ полкилометра и вышли на поляну, которая какъ нельзя больше подходила для привала.

Менѣ проворный, чѣмъ молодежь, м-ръ Паттерсонъ отсталъ шаговъ на сто. Но это какъ-то не обратили вниманія, думая, что онъ догонитъ товарищей.

Подождали минутъ десять, но наставникъ не показывался. Луи Клодіонъ началъ звать его, крича:

— М-ръ Паттерсонъ!—Сюда, м-ръ Паттерсонъ!

Никакого отвѣта не послѣдовало.

— Ужъ не заблудился ли онъ?—сказалъ, вставая, Роджеръ Гинсдаль.

— Онъ долженъ быть здѣсь гдѣ-нибудь по близости!—отвѣтилъ Аксель Бикборнъ.

Начали кричать хоромъ:

— М-ръ Паттерсонъ!.. Мистеръ Паттерсонъ!..

Мальчики начали беспокоиться и рѣшили идти искать ментора. Лѣсъ былъ густой, заблудиться въ немъ было не трудно. Хищныхъ звѣрей на Антильскихъ островахъ нѣтъ, но зато можно встрѣтить ядовитыхъ трехъ-угольно-головыхъ змѣй, ужаленіе которыхъ смертельно.

Послѣ получасовыхъ безплодныхъ поисковъ мальчики встрѣжились не на шутку. Сто разъ разносилось имя м-ра Паттерсона по всѣмъ направленіямъ лѣса, м-ръ Паттерсонъ исчезъ безслѣдно.

Наконецъ, они пришли въ самую чащу лѣса. Здѣсь, подѣ деревьями, въ почти непроницаемыхъ заросляхъ ліанъ, они увидѣли хижину или нѣчто вродѣ охотничьяго домика.

Ужъ не сюда ли, по невѣдомой причинѣ, скрылся м-ръ Паттерсонъ? Во всякомъ случаѣ хижина была заперта, а дверь даже снаружи заложена.

— Его здѣсь нѣтъ!—сказалъ Нильсъ Арбо.

— Все-таки надо посмотрѣть!—сказалъ Магнусъ Андерсъ.

Сняли перекладину,—и открыли дверь.

Въ хижинѣ никого не было. Только на полу валялось нѣсколько охапокъ сѣна, да на стѣнѣ висѣли охотничій ножъ въ ножнахъ, ягдташъ и нѣсколько звѣриныхъ и птичьихъ шкурокъ.

Едва Луи Клодіодъ и Роджеръ Гинсдаль успѣли войти въ хижину, какъ крики оставшихся снаружи товарищей «вотъ онъ! вотъ онъ!» заставили ихъ выйти изъ хижины.

Въ двадцати шагахъ отъ дома, подѣ деревомъ, безъ шляпы, съ судорожно искривленными чертами лица, съ сжатыми въ кулаки руками, лежалъ м-ръ Паттерсонъ, казалось, безъ всякихъ признаковъ жизни.

Луи Клодіонтъ, Джонъ Говардъ, Альбертъ Льювентъ бросились къ м-ру Паттерсону... Сердце билось... Онъ живъ...

— Что съ нимъ могло случиться?—сказалъ Тони Рено.

-- Не укусила ли его змѣя?..

Да, можетъ быть, на м-ра Паттерсона напала трехъ-угольно-головая змѣя, которая такъ часто встрѣчается на Мартиникѣ и еще на двухъ изъ малыхъ Антильскихъ острововъ. Эти опасные гады достигаютъ иногда размѣровъ шести футовъ; по цвѣту они почти не отличаются отъ корней растений, среди которыхъ прячутся. Поэтому очень трудно уберечься отъ ихъ быстрого и внезапнаго нападенія.

Такъ какъ м-ръ Паттерсонъ еще дышалъ, пріняли всѣ

мѣры, чтобы привести его въ чувство. Лун Клодіонъ осмотрѣлъ его и не нашелъ никакихъ признаковъ укушенія. Почему же тогда это застывшее выраженіе ужаса на его лицѣ?

М-ра Паттерсона осторожно прислонили къ дереву, приподняли ему голову, принесли изъ протекавшей вблизи рѣчки свѣжей воды, смочили ему виски, влили въ ротъ нѣсколько капель рому.

Наконецъ, онъ открылъ глаза и прошепталъ:

— Змѣя... змѣя!

— М-ръ Паттерсонъ... м-ръ Паттерсонъ...—отвѣчалъ Луи Клодіонъ, пожимая ему руки.

— Уползла ли змѣя?

— Какая змѣя?

— Та, которую я видѣлъ на вѣтвяхъ этого дерева!

— На вѣтвяхъ? На какомъ деревѣ?

— Осторожнѣе, Бога ради! Вотъ на томъ...

Изъ отрывочныхъ фразъ м-ра Паттерсона мальчики поняли, что онъ набрелъ на огромное пресмыкающееся, повисшее на вѣтви дерева. Животное загибриговало его, какъ птицу. Онъ старался не поддаваться магнетизму его глазъ, но змѣя такъ и притягивала его къ себѣ своимъ взглядомъ. Когда онъ былъ уже такъ близко, что могъ дотронуться до гада, движимый инстинктомъ самосохраненія, онъ ударилъ его палкой, въ минуту, когда животное готово было обвиться вокругъ его тѣла. Но гдѣ же эта змѣя? Убилъ ли онъ ее? Можетъ быть, она еще ползаетъ гдѣ-нибудь въ травѣ... *latet anguis in herbâ?*

Мальчики поспѣшили успокоить м-ра Паттерсона. Нигдѣ не видно змѣи.

— Вотъ она! Вотъ!—закричалъ онъ вдругъ, выправившись и протянувъ руку.

— Тамъ! Тамъ!—повторялъ онъ прерывающимся отъ испуга голосомъ.

Взоры всѣхъ устремились по направленію, куда указывалъ м-ръ Паттерсонъ, продолжая кричать:

— Я вижу, вижу ее!

Дѣйстви ельно, на нижнихъ вѣтвяхъ дерева висѣла огром-

ныхъ размѣровъ трехъ-угольно-головая змѣя. Глаза ся еще блестя, языкъ былъ высунуть изъ пасти; но все тѣло ея висѣло вялое, недвижимое, безъ признаковъ жизни.

М-ръ Паттерсонъ, повидимому, удачно нанеся ударъ. Ударъ, должно быть, былъ сильный, если сразу убилъ такое огромное пресмыкающееся. Но послѣ нанесеннаго имъ сильнаго удара, м-ръ Паттерсонъ ушелъ безъ чувствъ подъ деревомъ и не помнить, что было дальше.

Побѣдителя стали поздравлять. Нѣтъ ничего удивительнаго, что снѣ захотѣлъ взять съ собою на корабль убитое имъ чудовище, въ расчетѣ сдѣлать изъ него чучело въ одномъ изъ ближайшихъ городовъ, гдѣ «Рѣзвый» будетъ стоять на якорѣ.

Джонъ Говардъ, Магнусъ Андерсъ и Нильсъ Арбо сняли змѣю съ дерева и вынесли на поляну. Путники закусили, выпили за здоровье м-ра Паттерсона и пошли на перешеекъ. Черезъ три часа они сѣли снова въ шарабанъ, куда была уложена и змѣя, а къ восьми часамъ вечера возвратились въ Сень-Пьеръ.

Когда они прибыли на корабль, Джонъ Карпентеръ и Корти приняли изъ лодки змѣю и растанули ее во всю длину на палубѣ. М-ръ Паттерсонъ смотрѣлъ на нее съ чувствомъ страха и удовлетворенія. Какими красками опишетъ онъ свое приключеніе м-съ Паттерсонъ! Какое почетное мѣсто отведутъ этому страшному и достойному удивленія трехъугольно-головому чудовищу съ Мартиники въ библіотекѣ Антильской школы! Такими приблизительно словами намѣревался выразиться экономя въ письмѣ къ м-ру Джуліану Ардагу.

Послѣ чреватаго событіями дня, *dies notanda lapillo*, какъ сказалъ Гораций—оставалось только, въ ожиданіи отъѣзда, пообѣдать и подкрѣпиться сномъ.

Однако, раньше, чѣмъ разошлись по каютамъ, Тони Рено потихоньку отозвалъ товарищей и сказалъ имъ такъ, чтобы м-ръ Паттерсонъ не могъ слышать:

— Ну, и удивляю же я васъ!

— Чѣмъ?—спросилъ Губертъ Перкинсъ.

— А знаете, какое я сдѣлалъ открытіе?

-- Открытіе?

— Да, что изъ змѣи м-ра Паттерсона не нужно дѣлать чучело!

— Почему?

— Потому, что оно уже набито!

Тони Рено говорилъ правду. Онъ узналъ это, ощупывая змѣю. Да, змѣя уже была убита какимъ-то охотникомъ, котсрый, сдѣлавъ изъ нея чучело, повѣсилъ на дерево недалеко отъ хижины! Отважный м-ръ Паттерсонъ убилъ уже мертвую змѣю...

Рѣшено было, что для виду змѣю отдадутъ чучельнику въ Сень-Люси. Чтобы не разочаровать добраго стараго эконома, ему оставить право гордиться своей побѣдой!

На зарѣ слѣдующаго дня «Рѣзвый» снялся съ якоря, и пассажиры скоро потеряли изъ виду высоты острова.

Говорятъ, что, уѣзжая съ острова Мартиники, всѣ жаждаютъ снова возвратиться туда. Можетъ быть, надежда побывать еще разъ на островѣ шевелилась и въ душѣ воспитанниковъ Антильской школы, не подозревавшихъ, какая судьба ожидаетъ ихъ всѣхъ впереди!

V.

Островъ Сень-Люси.

Отъ Мартиники до Сень-Люси плаваніе было во всѣхъ отношеніяхъ благополучное. Дулъ свѣжій нордъ-остъ, и «Рѣзвый» въ теченіе дня прошелъ восемьдесятъ миль разстоянія между Сень-Пьеромъ и Кастрисомъ, главнымъ портомъ англійскаго острова.

Такъ какъ къ острову Сень-Люси корабль долженъ былъ подойти поздно вечеромъ, Гарри Маркель рассчитывалъ лечь въ дрейфъ, чтобы войти въ каналъ при восходѣ солнца.

Утромъ еще виднѣлись вдали вершины Мартиникскихъ горъ. Тони Рено, первый увидѣвшій при приближеніи Монтъ-Пеле, послалъ ему и послѣдній прощальный привѣтъ.

Портъ Кастрисъ, лежащій между большими береговыми утесами, представляетъ живописную картину. Это какъ бы огромный циркъ, затопленный моремъ. Даже многотонныя суда находятъ вѣрный пріютъ въ гавани. Городъ расположенъ амфитеатромъ. Дома красиво раскинулись до самыхъ вершинъ горъ. Какъ большинство Антильскихъ городовъ, Кастрисъ выстроенъ на западѣ, такъ что горы защищаютъ его отъ морскихъ вѣтровъ и атмосферныхъ измѣненій.

У семейства Гинсдалей было на островѣ большое имѣніе, плантаціи, сахарные заводы, и все это процвѣтало. Всѣмъ этимъ завѣдывалъ управляющій м-ръ Эдуардъ Фальксъ, который, узнавъ о прибытіи сына и наслѣдника Гинсдалей предоставилъ себя въ его полное распоряженіе на все время стоянки корабля въ гавани.

Какъ уже было сказано выше, Гарри Маркелъ не хотѣлъ входить въ портъ ночью. И вотъ, пока еще не чувствовалось прилива, онъ направилъ корабль въ небольшую бухточку, чтобы его не отнесло въ море.

Утромъ Гарри Маркелъ увидѣлъ, что придется выждать нѣсколько часовъ раньше, чѣмъ сняться съ якоря. Ночью вѣтеръ утихъ и, вѣроятно, подуетъ съ запада, когда солнце поднимется на горизонтѣ.

Роджеръ Гинсдалъ появился на ютѣ раньше всѣхъ, мало-по-малу собрались и остальные товарищи, м-ръ Паттерсонъ пришелъ послѣдній подышать свѣжимъ воздухомъ. Вечеромъ контуры берега было трудно разглядѣть, теперь они съ живѣйшимъ интересомъ разглядывали побережье.

Послѣ девяти часовъ вечера подулъ вѣтеръ съ моря, какъ и ожидалъ Гарри Маркелъ. Впрочемъ, вѣтеръ былъ западный. Сенъ-Люси лежитъ совершенно отдѣльно отъ другихъ острововъ, между Антильскимъ моремъ и Атлантическимъ океаномъ, онъ ни откуда не защищенъ отъ вѣтровъ и зыби.

«Рѣзвый» приготовился сняться съ якоря. Лишь только подняли якорь, «Рѣзвый» подъ марселями пошелъ впередъ, огибая одинъ изъ мысовъ, которые замыкаютъ портъ Кастрисъ.

«На палубѣ показались пираты» (къ стр. 234 .

Рожеру Гинсдалю очень хотѣлось, чтобы остановка на Сень-Люси продолжалась подольше, чѣмъ на остальныхъ Антильскихъ островахъ. Ему хотѣлось подробно осмотрѣть островъ съ товарищами. Но, по маршруту, въ Сень-Люси полагалось оставаться три дня, и предписаніе надо было исполнить.

На островѣ не оставалось болѣе никого изъ родственниковъ Рожера Гинсдала, всѣ они переселились въ Лондонъ. Такимъ образомъ, Рожеръ прїѣзжалъ въ свои довольно значительныя владѣнія, какъ молодой наслѣдный лордъ.

«Рѣзвый» сталъ на якорь въ Каренажъ, и около десяти часовъ Рожеръ Гинсдаль и его товарищи вмѣстѣ съ м-ромъ Паттерсономъ высадились на берегъ.

Городъ былъ чистенькій, съ большими площадями, широкими улицами, съ массой зелени и казался скорѣе французскимъ, чѣмъ англійскимъ городкомъ.

— Право, мы здѣсь точно во Франціи!—не удержался Тони Рено.

Рожеръ Гинсдаль отвѣтилъ на это замѣчаніе презрительной гримасой.

На пристани мальчиковъ встрѣтилъ управляющій, который изъяснилъ готовность сопровождать ихъ во всѣхъ ихъ прогулкахъ по городу и его окрестностямъ. М-ръ Эдуардъ Фальксъ долженъ былъ показать имъ великолѣпныя плантаціи Гинсдалей, особенно плантаціи сахарнаго тростника, которыми славится Сень-Люси и соперничаетъ съ островомъ Св. Христофора, гдѣ выдѣлывается самый лучшій сахаръ.

На островѣ было всего тысяча бѣлыхъ жителей. Черное и цвѣтное населеніе увеличилось особенно съ тѣхъ поръ, какъ прекращены были работы по Панамскому каналу, вслѣдствіе чего много рабочихъ осталось безъ дѣла.

Домъ, въ которомъ прежде жило семейство Рожера Гинсдала, а теперь жилъ управляющій, лежалъ на окраинѣ города и былъ достаточно великъ, чтобы въ немъ могли помѣститься всѣ пассажиры «Рѣзваго». Рожеръ предложилъ своимъ товарищамъ поселиться въ немъ на три дня пребыванія въ Сень-Люси. Каждому будетъ отведена отдѣльная комната, м-ру

Паттерсону—самая лучшая, обѣдать будутъ въ большой столовой, и всѣ экипажи имѣнья будутъ предоставлены въ ихъ распоряженіе.

Мальчики охотно приняли приглашеніе Рожера Гинсдаля, который, несмотря на присуція ему чванство и спѣсъ, былъ, въ сущности, добрый и услужливый юноша.

Особенную зависть питалъ онъ къ Луи Клодіону. Въ Антилской школѣ они считались изъ-за мѣста. Изъ конкурса они вышли оба съ равной честью, *dead heat* *), какъ говорятъ на скачкахъ, или *ex aequo*, какъ говорится по-латыни, что Тони Рено переводилъ, къ великому негодованію воспитателя, словами «на одной лошади», играя сл. *equus* и *aequus*.

Въ первый день пребыванія на Сентъ-Люси путешественники отправились осматривать плантаціи. Островъ отличается здоровымъ климатомъ. Четыре пятыхъ пространства покрыты лѣсомъ. Поднялись на гору Фортюне, въ двѣсти тридцать четыре метра вышиною, на которой выстроены казармы, и на возвышенности Азабо и Шазо, гдѣ устроена санаторія. Какъ видно, всѣ имена на островѣ французскія. Затѣмъ туристы посѣтили шипцы Сентъ-Алузи—потухшіе кратеры, которые, можетъ быть, когда-нибудь снова начнутъ дѣйствовать, такъ какъ въ сосѣднихъ прудахъ вода постоянно кипитъ.

Вечеромъ, когда они вернулись домой, Рожеръ Гинсдаль сказалъ м-ру Паттерсону:

— На Сентъ-Люси есть тоже змѣи, не менѣе опасныя, чѣмъ трехъугольно-головыя змѣи Мартиники. Надо остерегаться!

— Я ихъ больше не боюсь,—отвѣчалъ м-ръ Паттерсонъ, принимая величественную позу—Кстати, пока мы стоимъ здѣсь на якорѣ, я отдамъ сдѣлать чучело изъ убитой мною змѣи!

— Непремѣнно сдѣлайте это!—отвѣтилъ, едва удерживаясь отъ смѣха, Тони Рено.

На слѣдующій день м-ръ Фальксъ послалъ ужасное пресмыкающееся къ одному чучельнику въ Кастрисъ, которому Тони Рено объяснилъ, въ чемъ дѣло. Чучело змѣи было сдѣлано

*) Голова въ голову.

уже давно. М-ру Паттерсону, конечно, объ этомъ никто не скажетъ. Чучельникъ обѣщалъ прислать змѣю наканунѣ отплытія «Рѣзваго».

Вечеромъ, раньше чѣмъ лечь спать, м-ръ Паттерсонъ написалъ м-съ Паттерсонъ второе письмо. Сколько цитатъ изъ Горація, Виргилія, Овидія было приведено имъ въ этомъ письмѣ! Впрочемъ, м-съ Паттерсонъ давно привыкла къ этому.

На слѣдующій день, къ восьми часамъ, путешественники должны были возвратиться на корабль. Послѣдній вечеръ они провели въ домѣ у Рожера Гинсдаля.

Среди приглашенныхъ было нѣсколько друзей м-ра Эдуарда Фалькса и, какъ всегда, послѣ тостовъ за здоровье каждого, выпили и за здоровье м-съ Китленъ Сеймуръ. Черезъ нѣсколько дней молодые люди должны были увидѣть м-съ Сеймуръ. Они были уже недалеко отъ Барбадоса. У острова Барбадоса «Рѣзвый» въ послѣдній разъ бросить якорь. Лауреаты никогда не забудутъ дней, проведенныхъ на этомъ островѣ!

Между тѣмъ, въ послѣдній день пребыванія въ Сентъ-Люси случилось нѣчто, что чуть не погубило экипажъ.

Гарри Маркелъ, какъ извѣстно, отпуская своихъ матросовъ на берегъ только въ случаяхъ крайней необходимости. Этого требовала осторожность.

Но въ три часа надо было принять запасъ свѣжаго мяса и овощей, купленныхъ Рени Кофомъ на рынкѣ въ Кастрисѣ.

Гарри Маркелъ приказалъ спустить шлюпку, и поваръ отправился на берегъ съ однимъ изъ матросовъ, по имени Морденъ.

Прошло сорокъ минутъ, а шлюпка не возвращалась.

Гарри Маркелъ, Корти и Джонъ Карпентеръ начали беспокоиться. Не случилось ли бѣды? Отчего они не возвращаются? Ужъ не пришло ли изъ Европы какихъ извѣстій, навлекшихъ подозрѣніе на капитана и экипажъ «Рѣзваго»?

Наконцѣ, около пяти часовъ вечера шлюпка возвратилась.

Не успѣла она, однако, причалить, какъ Корти воскликнулъ:

— Рени—одинъ! Морденъ не вернулся съ нимъ!

— Гдѣ же онъ?—спросилъ Джонъ Карпентеръ.

— Напился и остался гдѣ-нибудь въ кабацѣ!—сказалъ Корти.

— Все-таки Рени долженъ былъ привезти его, во что бы то ни стало!—сказалъ Гарри Маркель.—Эготъ проклятый Морденъ съ пьяныхъ глазъ начнетъ болтать лишнее!

Дѣйствительно, такъ и случилось, какъ узнали изъ разсказа Рени Кофа. Пока Рени закупалъ, что нужно, на рынокѣ, Морденъ, ничего не сказавъ ему, скрылся. На кораблѣ ему не удавалось напиться, и теперь онъ, вырвавшись на свободу, отдавалъ дань своей страсти къ вину гдѣ-нибудь въ кабацѣ. Поваръ искалъ своего товарища. Онъ обошелъ всѣ таверны приморской части города, но нигдѣ не нашелъ этого негодяя Мордена, котораго охотно ошвартовалъ бы на днѣ лодки.

— Надо, во что бы то ни стало, разыскать его!—сказалъ Джонъ Карпентеръ.

— Нельзя оставить его въ Сень-Люси. Онъ все разболтаетъ. Когда онъ пьянъ, онъ не помнитъ, что говорить. За нами какъ разъ пошлютъ разсылное судно!

Гарри Маркель имѣлъ основаніе опасаться. Опасность была очевидна.

Итакъ, надо было найти Мордена. Капитанъ имѣлъ полное право разыскивать своего матроса. Достаточно удостовѣрить личность матроса—его тотчасъ же разыщутъ и пришлютъ къ командиру. Только бы онъ не наболталъ лишняго!

Гарри Маркель собирался уже ѣхать на берегъ, въ морское бюро, чтобы подать объявку о загулявшемъ матросѣ, какъ вдругъ къ «Рѣзвому» стала приближаться шлюпка.

Въ Каренажѣ была брандвахта, на которой лежала обязанность полицейскаго надзора въ портѣ. Это была одна изъ ея шлюпокъ. Въ ней сидѣло шесть полицейскихъ и офицеръ. Вотъ они уже въ полъ-кабельтовѣ разстоянія отъ «Рѣзваго».

— Морденъ въ шлюпкѣ!—вскричалъ Корти.

Въ самомъ дѣлѣ Морденъ сидѣлъ въ шлюпкѣ. Разставшись съ поваромъ, онъ отправился въ трактиръ самаго послѣдняго

разряда. Тамъ онъ напился пьянъ, какъ стелька. Его подобрали, и шлюпка брандвахты доставила его на корабль. Его съ трудомъ втащили по трапу.

Офицеръ вышелъ на палубу и спросилъ:

— Вы капитанъ Пакстонъ?

— Я! —отвѣчалъ Гарри Маркелъ.

— Этотъ пьяница дѣйствительно вашъ матросъ?

— Мой. Я уже собирался подать о немъ объявку, такъ какъ мы должны сняться съ якоря!

— Ну, такъ я привезу его вамъ, и сами видите, въ какомъ видѣ!

— Онъ будетъ наказанъ! —отвѣтилъ Гарри Маркелъ.

— Позвольте только одинъ вопросъ, капитанъ Пакстонъ, — продолжалъ офицеръ. — Этотъ пьяный матросъ говорилъ что-то безсвязное о какихъ-то схваткахъ въ Тихомъ океанѣ, о «Галифаксѣ», о которомъ недавно такъ много писали, о капитанѣ этого корабля. Гарри Маркелѣ, которому, какъ мы узнали, удалось бѣжать изъ Кинстоунской тюрьмы.

Гарри Маркелу стоило невѣроятныхъ усилій сохранить спокойствіе во время этой рѣчи офицера. Джонъ Карпентеръ и Корти, менѣе владѣвшіе собою, отвернулись и незамѣтно стошли въ сторону. По счастью, офицеръ не замѣтилъ ихъ смущенія и только спросилъ:

— Что бы это значило, капитанъ Пакстонъ?

— Право, не могу вамъ объяснить. —отвѣчалъ Гарри Маркелъ. — Этотъ Морденъ пьяница, а когда онъ пьянъ, ему, Богъ знаетъ, что лѣзетъ въ голову...

— Такъ онъ никогда не служилъ на «Галифаксѣ»?

— Никогда. Скоро десять лѣтъ, какъ онъ служить подъ моей командой!

— Но отчего же онъ говорилъ о Гарри Маркелѣ? —настаивалъ офицеръ.

— Исторія съ «Галифаксомъ» надѣлала много шума. Когда мы уѣзжали изъ Кинстоуна, тамъ много говорили о бѣгствѣ преступниковъ. Говорили о немъ и на нашемъ кораблѣ. Это, вѣрно, и засѣло у него въ голову. Не знаю, какъ объяснить иначе эту болтовню пьянаго матроса!

Офицеру не могло придти въ голову, что онъ разговариваетъ съ самимъ Гарри Маркеломъ, и что весь экипажъ «Рѣзвого» вовсе не экипажъ капитана Пакстона.

— 'Что же вы будете дѣлать съ этимъ матросомъ?—спросилъ онъ, наконецъ.

— Посажу на недѣлку въ трюмъ,—отвѣчалъ Гарри Маркель.—Пусть вытрезвится. Если бы онъ не былъ мнѣ нуженъ, я бы даже оставилъ его въ Сенъ-Люси; но мы потеряли уже одного матроса въ Кортскомъ заливѣ, а теперь я не могу обойтись безъ Мордена!

— А когда прѣдутъ ваши пассажиры, капитанъ Пакстонъ?

— Завтра утромъ, потому что мы рассчитываемъ завтра же сняться съ якоря!

— Счастливаго пути!

— Благодарю васъ!

Офицеръ сѣлъ въ шлюпку, и она отплыла на брандвахту.

Безчувственного Мордена пинками ногъ спустили въ трюмъ. По его милости чуть не открылась вся тайна Гарри Маркела.

На слѣдующій день въ восемь часовъ утра прибыли пассажиры. Рассказывать о вчерашнемъ случаѣ имъ не стали. Велика важность, что одинъ изъ матросовъ напился пьянъ.

«Рѣзвый» снялся съ якоря, поднялъ паруса, вышелъ изъ порта Кастрисъ и направился на югъ, къ острову Барбадосу.

VI.

Островъ Барбадосъ.

Несмотря на то, что островъ находится подъ покровительствомъ Англіи, онъ сохранилъ извѣстную долю независимости. Его собраніе состоитъ изъ двадцати четырехъ членовъ, избираемыхъ пятью тысячами плательщиковъ налоговъ. Собраніе находится подъ наблюденіемъ губернатора, законодательнаго совѣта и десяти членовъ, по назначенію короля. Имъ завѣдуетъ исполнительный совѣтъ, въ составъ котораго входятъ, кромѣ главныхъ чиновниковъ, одинъ членъ изъ верхней

палаты и четыре члена изъ нижней палаты. Островъ дѣлится на одиннадцать приходоѡ. Ежегодный бюджетъ его достигаетъ тысячи шестисотъ фунтоѡ, т. е. 40 милліоновъ франкоѡ.

Островъ Барбадосъ предводительствуетъ всѣми морскими силами малыхъ Антильскихъ островоѡ. По величинѣ островъ занимаетъ пятое мѣсто (четыреста тридцать квадратныхъ километровъ), по числу жителей—второе и по торговому значенію—третье мѣсто. На островѣ сто восемьдесятъ три тысячи жителей, треть которыхъ населяетъ Бриджтоунъ и его предмѣстья.

Изъ порта Кастрисъ, на Сентъ-Люси, до порта Бриджтоунъ на Барбадосѣ «Рѣзвый» шелъ двое сутокъ. Корабль прошелъ бы это разстояніе гораздо скорѣе, но перемѣнный вѣтеръ не позволялъ идти прямымъ путемъ. Вѣтеръ дулъ даже въ сѣверозападномъ направленіи и заставилъ Гарри Маркела удалиться отъ Антильскихъ островоѡ.

Въ первый день «Рѣзвый» прошелъ только четвертую часть разстоянія между двумя островами. Во время бури корабль принужденъ былъ сойти съ прямого пути, но Гарри Маркель надѣялся наверстать потерянное время ночью.

Между тѣмъ вѣтеръ перемѣнилъ направленіе, слабые пассатные вѣтры подулъ съ запада. Море бушевало, утромъ 6-сентября «Рѣзвый» былъ на полдорогѣ отъ Барбадоса.

Слѣдующій день прошелъ при болѣе благопріятныхъ условіяхъ, и къ вечеру «Рѣзвый» былъ уже на широтѣ Барбадоса.

Этотъ островъ не видно издалека, какъ Мартинику. Онъ мало возвышается надъ моремъ. Какъ уже сказано, онъ медленно созидался и поднимался до поверхности водъ. Самый большой холмъ на островѣ—Гиллаби не превышаетъ трехъ сотъ пятидесяти метровъ. Какъ и въ Сентъ-Люси, инфузоріи продолжаютъ свою работу, и вокругъ острова, какъ поясъ, вырастаютъ коралловые рифы.

Гарри Маркель направилъ корабль на западъ и, находясь въ пятнадцати миляхъ отъ острова, рассчитывалъ пройти это разстояніе въ нѣсколько часовъ. Но, избѣгая прибоа, онъ рѣшилъ убавить ходу и войти въ Бриджтоунскую гавань лишь съ восходомъ солнца.

Барбадось сравнительно небольшой островъ, но на немъ есть нѣсколько значительныхъ городовъ. Спергстоунъ, Гойстингтоунъ, Гобетоунъ и купальное мѣстечко Гастингсъ — всѣ они расположены на берегу. Все это англійскіе города, что видно изъ ихъ названій. Кажется, будто это цѣлые уголки Англіи, цѣликомъ перенесенные и пересаженные сюда.

Лишь только, «Рѣзвый» бросилъ якорь, на корабль прибылъ серьезный и чопорный господинъ, одѣтый въ черное, съ цилиндромъ на головѣ. Господинъ представился капитану Пакстону и пассажирамъ, какъ посланецъ м-съ Китленъ Сеймуръ.

Это былъ м-ръ Уалль, ея управляющій. Онъ почтительно раскланялся и получилъ не менѣе почтительный поклонъ отъ м-ра Паттерсона. Когда они обмѣнялись нѣсколькими фразами; юные лауреаты выразили желаніе какъ можно скорѣе представиться владѣлицѣ Нордингъ-Гауза.

М-ръ Уалль сказалъ, что у пристани ихъ ожидаютъ экипажи, которые немедленно доставятъ ихъ въ Нордингъ-Гаузъ, гдѣ м-съ Китленъ Сеймуръ ожидаетъ своихъ гостей.

Сказавъ, что комнаты готовы для гостей, и что завтракъ будетъ поданъ въ одиннадцать часовъ, м-ръ Уалль удалился съ достоинствомъ, которое вполне оцѣнили м-ръ Паттерсонъ.

Въ половинѣ одиннадцатаго м-ръ Паттерсонъ, безукоризненно одѣтый во все черное, и его спутники, въ своихъ лучшихъ костюмахъ, собрались ѣхать.

Большая шлюпка ожидала ихъ. Сначала въ нее помѣстили нѣсколько чемодановъ, потомъ сѣли сами. Высадивъ ихъ на берегъ, шлюпка тотчасъ вернулась къ кораблю.

Какъ сказалъ м-ръ Уалль, двѣ кареты съ выездными лакеями ожидали ихъ.

М-ръ Паттерсонъ и его спутники сѣли въ экипажи: лошади быстро промчали ихъ по торговому кварталу въ предмѣстье Фонтабелль.

Это богатый кварталъ, гдѣ живетъ денежная аристократія Бриджтоуна. Богатые дома, роскошныя виллы утопаютъ въ зелени. Но самый роскошный изъ всѣхъ этихъ домовъ безусловно домъ м-съ Китленъ Сеймуръ.

Замокъ Порднингъ-Гаузъ окруженъ роскошнымъ паркомъ тропическихъ деревьевъ. Дальше, за паркомъ, начинаются плантаціи сахарнаго тростника и хлопчатника. На сѣверо-востокѣ виднѣется лѣсъ. Имѣнье изобилуетъ прудами и рѣчками. Хотя съ тѣхъ поръ, какъ европейцы повыврубили на островѣ часть лѣсовъ для насажденія плантацій, воды стало меньше, все-таки на немъ достаточно рѣкъ, и при рытьѣ колодезѣ вода встрѣчается на сравнительно небольшой глубинѣ.

Когда путники пріѣхали въ замокъ, управляющій встрѣтилъ ихъ въ обшпрной передней, гдѣ черные слуги немедленно освободили ихъ отъ привезеннаго багажа и понесли вещи въ комнаты, предназначенныя для каждаго изъ нихъ. М-ръ Уалль провелъ ихъ въ гостиную, гдѣ ихъ ожидала м-съ Китленъ Сеймуръ.

Это была высокая сѣдая женщнна, лѣтъ шестидесяти двухъ, голубоглазая, съ симпатичнымъ выраженіемъ лица, въ которомъ свѣтилась доброта и благородство. М-ръ Паттерсонъ мысленно примѣнилъ къ ней стихъ *Виргилія patuit incessu Dea* *). М-съ Сеймуръ привѣтливо встрѣтила ихъ, говоря, что рада видѣть у себя лауреатовъ Антильской школы.

Роджеръ Глнсдаль отвѣтилъ на ея привѣтствіе маленькой, хорошо составленной и твердо заученной рѣчью отъ имени товарищей. М-съ Китленъ Сеймуръ была тронута его словами и просила пассажировъ «Рѣзваго» считать себя ея постоянными гостями все время, пока корабль будетъ стоять на якорѣ у острова Барбадоса.

М-ръ Паттерсонъ отвѣтилъ, что желаніе м-съ Китленъ Сеймуръ для нихъ законъ, и почтительно поцѣловаль протянутую ею руку.

М-съ Китленъ Сеймуръ родилась на Барбадосѣ, гдѣ предки ея поселились съ самаго основанія колоніи. Въ числѣ этихъ предковъ слѣдуетъ назвать и графа Карлейля, одного изъ концессіонеровъ острова. Въ это время каждый изъ владѣльцевъ доставшейся ему отъ графа земли долженъ былъ платить еже-

*) „Походка изобличаетъ въ ней богиню“.

годно сумму, равную стоимости сорока фунтов хлопчатой бумаги. Вот почему имѣнія на островѣ Барбадосѣ, въ томъ числѣ и Нордингъ-Гаузъ, приносили огромный доходъ.

Барбадосъ среди всѣхъ Антильскихъ острововъ славится своимъ здоровымъ климатомъ. Морскіе вѣтры умѣряютъ зной. О желтой лихорадкѣ, этомъ бичѣ архипелага, здѣсь вѣтъ и помина. Островъ страдаетъ только отъ частыхъ въ этой мѣстности урагановъ.

Губернаторъ англійскихъ колоній на Антильскихъ островахъ, резиденція котораго на Барбадосѣ, относился къ м-съ Китленъ Сеймуръ съ глубокимъ уваженіемъ. Щедрая и добрая по природѣ, м-съ Китленъ Сеймуръ много помогала бѣднымъ.

Завтракъ былъ сервированъ въ обширной столовой перваго этажа. Все, что подавалось за завтракомъ, составляло продукты острова; тутъ были: рыба, дичь, разнообразные и вкусные фрукты. Гости оцѣнили умѣлый подборъ блюдъ.

Школьники были очарованы оказаннымъ имъ пріемомъ; а хозяйка была рада, видя себя окруженной молодыми загорѣлыми лицами, которыя дышали радостью и здоровьемъ.

За завтракомъ зашла рѣчь о продолжительности остановки на Барбадосѣ.

— Я думаю, дѣти мои, что вамъ можно погостить у меня недѣли двѣ. Сегодня 7-ое сентября, если вы пуститесь въ обратный путь 22-го, то вернетесь въ Англію около половины октября. Я думаю, что вы не соскучитесь на Барбадосѣ. Что вы на это скажете, м-ръ Паттерсонъ?

Съ перваго же дня начались экскурсіи школьниковъ; принимала въ нихъ участіе нерѣдко и сама м-съ Китленъ Сеймуръ. Осмотрѣли не только имѣнье Нордингъ-Гауза, но и другія части восточнаго побережья, посѣтили не только Бриджтоунъ, но и другіе города. Похвалы, расточаемыя путешественниками Барбадосу, были пріятны м-съ Китленъ Сеймуръ.

Пассажиры совсѣмъ забыли о существованіи «Рѣзваго» и во все время пребыванія на островѣ не возвращались на корабль.

17-го въ честь лауреатовъ въ замкѣ былъ данъ праздникъ, на которомъ было до шестидесяти приглашенныхъ. Праздникъ окончился фейерверкомъ.

М-съ Китленъ Сеймуръ не хотѣла различать національностей.

— Для меня здѣсь не существуетъ ни англичанъ, ни французовъ, ни голландцевъ, ни шведовъ, ни датчанъ,—говорила м-съ Китленъ Сеймуръ. — Всѣ вы для меня только соотечественники, антильцы!

Послѣ прекраснаго концерта, сѣли за карты, м-ръ Паттерсонъ былъ партнеромъ м-съ Китленъ Сеймуръ и сыгралъ необыкновенный шлемъ, о которомъ, вѣроятно, посейчасъ говорятъ въ Вестъ-Индіи.

Время шло такъ быстро, что дни казались часами, часы минутами. Не успѣли оглянуться, какъ пришло 21-ое сентября. Гарри Маркель все это время не видѣлъ своихъ пассажировъ, но они должны были вернуться, такъ какъ отъѣздъ назначенъ на 22-ое сентября.

Наканунѣ м-съ Китленъ Сеймуръ выразила желаніе побывать на «Рѣзвомъ». Луи Клодіонъ и его друзья были въ восторгѣ отъ ея намѣренія: она принимала ихъ у себя въ замкѣ, теперь они примутъ ее на кораблѣ. М-съ Китленъ Сеймуръ желала видѣть капитана Пакстона, чтобы поблагодарить и попросить его объ одной вещи.

Утромъ пассажиры и м-съ Сеймуръ поѣхали на Бридж-тоунскую набережную.

Большая шлюпка морского управленія ожидала ихъ у спуска и доставила на корабль.

* Гарри Маркель зналъ уже отъ управляющаго о предстоящемъ посѣщеніи. Онъ охотно отклонилъ бы этотъ визитъ, опасаясь непредвидѣннаго осложненія, но это было невысказано.

— Чортъ бы ихъ всѣхъ побралъ!—вскричалъ Джонъ Карпентеръ.

— Согласенъ съ тобою, но все же надо придержать языкъ!—отвѣчалъ Гарри Маркель.

М-съ Китленъ Сеймуръ приняла съ почетомъ, какого тре-

бовало положеніе, занимаемое ею на Барбадосѣ. Она тотчасъ же выразила капитану свою благодарность.

Гарри Маркель вѣжливо отвѣтилъ ей. Когда же владѣлица Нордингъ-Гауза сказала, что назначаетъ экипажу за отличную службу награду въ пятьсотъ фунтовъ, Корти сдѣлалъ знакъ, и матросы закричали «ура».

М-съ Китленъ Сеймуръ осмотрѣла корабль.

М-ръ Паттерсонъ показалъ ей убитую имъ змѣю, которая была обвита въ ужасной позѣ вокругъ бизань-мачты.

— Вы убили это чудовище, м-ръ Паттерсонъ?—вскричала м-съ Китленъ Сеймуръ.

— Я,—отвѣчалъ м-ръ Паттерсонъ; — если змѣя эта такъ ужасна даже мертвая, можете судить, какова она была живая, когда уставилась на меня своимъ жаломъ!

Луи Клодіонъ сердито ущипнулъ Тони Рево, а не то этотъ послѣдній непременно фыркнулъ бы.

— Впрочемъ, она и теперь, какъ живая!—продолжалъ м-ръ Паттерсонъ.

— Точь въ точь!—сказалъ Тони, котораго на этотъ разъ не удалось остановить.

Вернувшись на ютъ, м-съ Китленъ Сеймуръ подошла къ Гарри Маркелу и сказала:

— Капитанъ Пакстонъ, вы завтра снимаетесь съ якоря?

— Завтра, сударыня, съ восходомъ солнца!

— Я къ вамъ съ просьбой. Я была бы вамъ очень благодарна, если бы вы взяли съ собой молодого человѣка, сына одной изъ моихъ служанокъ. Ему двадцать лѣтъ, и онъ возвращается въ Англію, чтобы поступить тамъ подшкиперомъ на одно торговое судно!

Хотя предложеніе это было и не по вкусу Гарри Маркелу, отказать онъ не могъ—вѣдь корабль былъ зафрахтованъ м-съ Китленъ Сеймуръ и на ея счетъ. Поэтому онъ отвѣтилъ:

— Пусть молодой человѣкъ явится на корабль, мы его примемъ, какъ слѣдуетъ!

М-съ Китленъ Сеймуръ еще разъ поблагодарила капитана и поручила его заботамъ м-ра Паттерсона и молодыхъ пас-

сажировъ, за которыхъ она была отвѣтственна передъ ихъ родителями.

Потомъ она сказала, что м-ръ Паттерсонъ и стипендіаты получаютъ въ этотъ же день обѣщанную имъ премію въ семьсотъ франковъ. Этого только и ждалъ Гарри Маркелъ.

М-ръ Паттерсонъ замѣтилъ, что они и такъ чрезмѣрно пользуются щедротами владѣльцы Нордингъ-Гауза. То же сказали Роджеръ Гисдаль, Луи Клодіонъ и остальные мальчики. М-съ Китленъ Сеймуръ возразила, что отказъ обидѣлъ бы ее, и они перестали настаивать, къ великому удовольствію Джона Карпентера и остальнаго экипажа.

Пожавъ дружески руку капитану, пожелавъ ему счастливаго плаванія, посѣтительница и ея гости сѣли въ шлюпку и вернулись на набережную, гдѣ ихъ ожидали экипажи, мигомъ доставившіе ихъ въ замокъ.

Въ этотъ вечеръ у м-съ Китленъ Сеймуръ, кромѣ ся молодыхъ друзей, собрались представители мѣстной англійской колоніи. Послѣ обѣда школьники простились съ хозяйкой дома и возвратились на корабль. Каждый изъ нихъ получилъ маленький шелковый мѣшочекъ съ гинеями—премію, обѣщанную лауреа амъ Антильской школы.

Часомъ раньше прибылъ на корабль молодой морякъ, за котораго просила м-съ Китленъ Сеймуръ. Его отвели въ предназначенную для него каюту.

Все было готово къ отплытію. На слѣдующій день, съ восходомъ солнца, «Рѣзвый» выйдетъ изъ Бриджтоунской гавани, послѣдняго мѣста остановки въ западной Индіи.

VII.

Въ обратный путь черезъ океанъ.

Было девять часовъ утра, когда «Рѣзвый» уже потерялъ изъ вида послѣднія очертанія острова Барбадоса, самаго восточнаго изъ Малыхъ Антильскихъ острововъ.

Такимъ образомъ, лауреаты благополучно окончили свое путешествіе на родину. Они не слишкомъ пострадали отъ ча-

стыхъ въ этой области штормовъ и урагановъ. Теперь они пускались въ обратный путь. Но вмѣсто того, чтобы возвратиться въ Европу, Гарри Маркель и его сообщники, наконецъ, станутъ полными хозяевами на кораблѣ и поплывутъ въ Тихій океанъ.

Планъ смѣлаго злодѣя удался. Онъ не поддавался на уговоры Джона Карпентера и другихъ товарищей, и его расчетъ оказался вѣренъ. Они ничѣмъ не выдали своей тайны во время путешествія по Антильскимъ островамъ, а за пребываніе въ Барбадосѣ они получаютъ семь тысячъ фунтовъ, не считая награды, выданной м-съ Китленъ Сеймуръ экипажу.

Моряка, взятаго на корабль въ Барбадосѣ, звали Вильямъ Митцъ. Ему было 25 лѣтъ, немного больше, чѣмъ Роджеру Гинсдалю, Луи Клодіону и Альберту Льювену.

По профессіи онъ былъ марсовый матросъ и обладалъ всѣми необходимыми для того физическими данными — силой, ловкостью, гибкостью. Это былъ честный, прямой, услужливый, безукоризненной нравственности человекъ. Наказывать этого матроса никогда не приходилось. Онъ всегда безпрекословно повиновался, а службу свою исполнялъ съ рвеніемъ. Во флотъ онъ поступилъ юнгой, когда ему было двѣнадцать лѣтъ, потомъ былъ произведенъ въ матросы, наконецъ, въ квартирмейстеры. Мать его овдовѣла нѣсколько лѣтъ тому назадъ и служила экономкой въ Нордингъ-Гаузѣ. Вилль былъ ея единственнымъ сыномъ.

Возвратившись изъ послѣдняго плаванія, Вилль провелъ два мѣсяца у матери. За это время м-съ Китленъ Сеймуръ оцѣнила достоинства честнаго юноши. Благодаря протекціи, онъ получилъ мѣсто подшкипера на кораблѣ, стоявшемъ въ Ливерпульѣ и готовившемся къ отплытію въ Сидней, въ Австралію. Со временемъ умный, старательный и опытный морякъ Вилль Митцъ, вѣроятно, сдѣлаетъ карьеру въ торговомъ флотѣ и выслужится въ офицеры. Онъ обладалъ незамѣнными для моряка качествами: смѣлостью, рѣшительностью и хладнокровіемъ.

21-го сентября, вечеромъ, Вилль Митцъ простился съ ма-

терью и м-съ Сеймуръ, которая дала ему дорогу небольшую сумму денегъ, и принесъ свой багажъ на «Рѣзвѣй».

Гарри Маркель помѣстилъ Вилля отдѣльно отъ остальныхъ матросовъ, въ остававшейся случайно свободной пассажирской каютѣ. Живя съ матросами, Вилль могъ помѣшать исполненію злодѣйскаго замысла капитана.

Капитанъ «Рѣзваго», Джонъ Карпентеръ, Корти и весь экипажъ корабля произвели на Вилля Митца неблагоприятное впечатлѣніе. Трехмачтовое судно содержалось въ безупречной чистотѣ, но выраженіе лицъ матросовъ было какое-то неискреннее и злое. Вилль рѣшилъ держаться отъ нихъ подальше.

Вилль Митцъ давно слышалъ о капитанѣ Пакстонѣ и зналъ, что онъ хорошій морякъ. Да и м-съ Китленъ Сеймуръ не выбрала бы его, если-бы не слышала о немъ много хорошаго.

Во время своего пребыванія въ Нордингъ-Гаузѣ пассажиры тоже хвалили капитана Пакстона, говорили, что онъ выказалъ много умѣнья во время шторма вблизи Бермудскихъ островъ. «Рѣзвѣй» благополучно переправился изъ Европы на Антильскіе острова, также благополученъ могъ быть и обратный путь. Вилль Митцъ рѣшилъ, что онъ ошибается, и что первое впечатлѣніе его изгладится.

Въ первый день плаванія Вилль Митцъ, не нашедшій сочувствія въ матросахъ, встрѣтилъ дружелюбное и привѣтливое отношеніе къ себѣ въ молодыхъ пассажирахъ. Тони Рено и Магнусъ Андерсъ были особенно рады поговорить «о морскомъ дѣлѣ съ морякомъ».

Послѣ завтрака Вилль Митцъ вышелъ на палубу покурить трубку.

Нижніе паруса, марсея и брамсея «Рѣзваго» были подняты. Путь его лежалъ собственно сначала на сѣверо-западъ, до устья Багамскаго канала, а оттуда, пользуясь Гольфстремомъ, онъ долженъ былъ плыть въ Европу. Зная это, Вилль Митцъ удивился, почему «Рѣзвѣй» повернулъ не влѣво, а вправо и поплылъ на юго-востокъ. Но, конечно, у капитана были на то уважительныя причины. Спрашивать у него отчета въ его дѣйствіяхъ Вилль Митцъ не могъ. Онъ по-

думалъ, что, пройдя такимъ образомъ пятьдесятъ-шестьдесятъ миль, «Ръзвый» пойдетъ въ сѣверо-западномъ направленіи.

На самомъ дѣлѣ не таково было намѣреніе Гарри Маркела. Онъ велъ корабль къ югу Африки.

Тони Рено, Магнусъ, Андерсъ и еще два-три мальчика, прохаживаясь то по юту, то по палубѣ, бесѣдовали съ молодымъ морякомъ. Они спрашивали его о морскомъ дѣлѣ, о чемъ до сихъ поръ не могли разговориться съ молчаливымъ и непривѣтливымъ капитаномъ. Вилль Митцъ охотно отвѣчалъ на ихъ вопросы, видя, что они любятъ море и морскую службу.

Они спрашивали его, въ какихъ странахъ онъ побывалъ во время своей службы во флотѣ.

VIII.

Наступаетъ ночь.

Такъ прошелъ первый день обратнаго пути. На кораблѣ все шло своимъ чередомъ. Погода была тихая, вѣтеръ дулъ попутный. Ничто не нарушало однообразія дня.

Солнце склонялось на горизонтѣ, и вѣтеръ становился тише.

Тяжелыя облака собрались на западѣ и стояли неподвижно. Если вѣтеръ подуетъ съ запада, будетъ гроза. На востокъ горизонтъ также застилался облаками. Ночь будетъ темная.

Жарко. Удушливый воздухъ насыщенъ электричествомъ. Можно ожидать и молній, и грома.

Во время рыбной ловли съ корабля спустили шлюпку: нѣкоторыя изъ пойманныхъ рыбъ были такъ велики, что ихъ трудно было бы поднять прямо на корабль.

Такъ какъ море было тихое, шлюпку не подняли на корабль: у Гарри Маркела были на то свои причины.

Всѣ паруса были подняты на «Ръзвомъ». Вилль Митцъ думалъ, что корабль повернетъ на другой галсъ къ сѣверо-востоку, лишь только вѣтеръ станетъ свѣжѣть. Цѣлый день ожидалъ онъ, что капитанъ скомандуетъ переменить направленіе,

но тщетно. Рѣшительно онъ не понималъ намѣреній Гарри Маркела.

Солнце зашло въ густыхъ облакахъ, поглотившихъ его послѣднiе лучи. Ночь наступила быстро. Въ этой близкой къ тропику области почти не бываетъ сумерекъ.

Почему Гарри Маркель не приказываетъ опустить паруса въ виду наступающей ночи? Ночью можетъ быть гроза, а въ жаркомъ полѣ грозы сильны и неожиданны. Если такая гроза застигнетъ корабль съ поднятыми парусами, не успѣешь отдавать шкоты и закрѣплять паруса. Чтобы спастись, тогда придется перерѣзать рангоутъ.

Осторожный морякъ ни за что не станетъ такъ рисковать. Лучше закрѣпить часть парусовъ и идти только подъ марселями и бригантинами.

Часовъ въ шесть вечера мръ Паттерсонъ и его молодые люди сидѣли на ютѣ. Пришелъ Гарри Маркель и приказалъ матросамъ поднять тентъ, какъ это дѣлали каждый вечеръ, и закрѣпить брамсея и бомъ брамсея.

Тони Рено и Магнусъ Андерсъ, какъ всегда, стали помогать матросамъ. Легко взобрались они на ванты гротъ-мачты. Паставникъ смотрѣлъ на ловкихъ мальчиковъ со смѣшаннымъ чувствомъ страха за нихъ, удивленiя и нѣкоторой зависти.

Вилль Митцъ поднялся на мачту вмѣстѣ съ ними. Они стали все вмѣстѣ закрѣплять брамсея.

— Держитесь крѣпче, — говорилъ онъ имъ. — Надо всегда держаться, хотя бы даже не было качки!

— Держимся, держимся! — отвѣчалъ Тони Рено. — Жаль было бы огорчить м-ра Пакстона и упасть въ море!

Говоря это, они закрѣпили паруса. Матросы дѣлали то же самое на фокъ-мачтѣ.

На кораблѣ были подняты только оба брамсея, да бригантина; слабый вѣтеръ едва наполнялъ ихъ. Теченiемъ корабль увлекало на востокъ. Недалеко уйдетъ «Рѣзвый» въ эту ночь.

Гарри Маркель не удивился бы, если бы къ ночи собралась гроза. Но тогда убрать остальные паруса было бы дѣломъ одной минуты.

Спустившись съ мачты, Вилль Митцъ посмотрѣлъ на освѣщенный лампой компасъ нактоуза.

Съ утра «Рѣзвый» прошелъ миль пятьдесятъ въ юго-восточномъ направленіи. Вилль все ждалъ, что капитанъ повернетъ къ ночи на сѣверо-востокъ.

Гарри Маркелъ замѣтилъ, что новый пассажиръ недоумѣваетъ, почему они идутъ по такому пути. Но привычный къ дисциплинѣ Вилль Митцъ ни за что не позволилъ бы себѣ сдѣлать замѣчанія капитану.

Посмотрѣвъ еще разъ на компасъ, Вилль Митцъ посмотрѣлъ на небо, потомъ сѣлъ у гротъ-мачты. Въ это время Корти былъ у руля. Онъ подошелъ къ Гарри Маркелу и сказалъ ему:

— Кажется, Митцъ догадывается, что мы идемъ не туда, куда слѣдуетъ. Ну, ладно! Сегодня ночью мы спустимъ ихъ за бортъ, и пусть себѣ плывутъ въ Ливерпуль, если угодно, если только акулы не проглотятъ ихъ раньше!

Негодяй громко захохоталъ при этихъ словахъ, но Гарри Маркелъ остановилъ его сердитымъ взглядомъ. Къ нимъ подошелъ и Джонъ Карпентеръ.

— Гарри, ты знаешь, что большая шлюпка тащится за кормой?

— Да, Джонъ, она можетъ намъ понадобится!

Обѣдъ подали въ половинѣ седьмого. Рени Кофъ вкусно приготовилъ блюдо изъ пойманной утромъ рыбы.

М-ръ Паттерсонъ сказалъ, что никогда не ѣлъ такого вкуснаго блюда. Особенно поввалилась ему бониты. Онъ выразилъ надежду, что мальчики часто будутъ во время плаванія угощать его такими деликатессами.

Послѣ обѣда всѣ поднялись на ютъ, гдѣ рассчитывали провести вечеръ.

Солнце еще не зашло, и, хотя его заволакивали облака, до сумерскъ оставался еще добрый часъ времени.

Вдругъ Тони Рено показалось, что онъ видитъ на западѣ парусъ. Почти одновременно раздался и голосъ Вилля Митца:

— Корабль передъ бакбортомъ!
Взоры всѣхъ обратились налѣво.

Въ четырехъ миляхъ отъ «Рѣзваго» шелъ большой корабль, поднимая брамсея и нижніе паруса. Онъ шелъ контрагалсомъ къ «Рѣзвому».

Луи Клодіонъ и Тони Рено побѣжали за зрительными трубками и стали наблюдать за приближающимся кораблемъ.

— Проклятый корабль,—ворчалъ Джонъ Карпентеръ,—черезъ часъ ляжетъ въ дрейфъ!

Не одинъ боцманъ думалъ такъ, Корти и остальные моряки были того же мнѣнія. Если же затихнетъ вѣтеръ,—оба корабля могутъ заштилевать въ полмили или четверти мили разстоянія другъ отъ друга. Въ Фармарской бухтѣ Гарри Маркель отсрочилъ гибель своихъ пассажировъ; но теперь дѣло обстояло нѣсколько иначе: деньги, данныя м-съ Китленъ Сеймуръ, — на кораблѣ, ждать и откладывать больше нѣтъ причины. А тутъ это непрощенное сосѣдство другого корабля!

— Чортъ возьми!—продолжалъ Джонъ Карпентеръ.—Когда же мы, наконецъ, избавимся отъ этихъ молокососовъ? Неужели придется ждать еще сутки?

Судно продолжало приближаться къ «Рѣзвому», но вотъ-вотъ затихнетъ вѣтеръ, и тогда корабль остановится.

Это было большое трехмачтовое судно и шло оно, вѣроятно, на Антильскіе острова или въ одинъ изъ Мексиканскихъ портовъ.

Национальности корабля нельзя было узнать, потому что на гафелѣ не было флага; но, судя по строенію и оснасткѣ, это, должно быть, былъ американецъ.

Черезъ три четверти часа между обоими судами оставалось всего двѣ мили разстоянія. Такъ какъ американца относилو теченіемъ на сѣверо-западъ, Гарри Маркель надѣялся, что онъ обгонитъ «Рѣзваго». Лишь бы только онъ отплылъ на пять, шесть миль, тогда, въ случаѣ борьбы и кровавой расправы на «Рѣзвомъ», крики не будутъ доноситься такъ далеко.

Но черезъ полчаса наступила ночь, вѣтеръ затихъ окончательно, и оба судна стояли всего въ полмилѣ другъ отъ друга.

— Вы, дѣти, оставайтесь, если хотите, на ютѣ, а я пойду спать!—сказалъ паставникъ.

— Доброй ночи, м-ръ Паттерсонъ!

Тотъ сошелъ на палубу и отправился въ каюту. Онъ легъ на койку, оставивъ полупортикъ открытымъ, чтобы дать доступъ свѣжему воздуху. Онъ прошепталъ еще: «Rosam... letogum... angelum!» и заснулъ сномъ праведника.

Луи Клодіонъ и остальные товарищи еще съ часъ сидѣли на воздухѣ. Они бесѣдовали о путешествіи по Антильскимъ островамъ, вспоминали наиболѣе поразившія ихъ впечатлѣнія, говорили и о родныхъ, къ которымъ теперь возвращались, о томъ, какъ много интереснаго они имъ расскажутъ.

Въ десять часовъ вечера всѣ пассажиры уже спали. Только Вилль Митцъ задумчиво ходилъ отъ бака до юта. Матросы лежали вдоль рангоута: одни уже спали, другіе разговаривали вполголоса.

Гарри Маркелъ, видя, что предстоящую ночью ничего не подѣлаешь, ушелъ къ себѣ въ каюту. Онъ велѣлъ разбудить себя, если начнетъ свѣжѣть.

Джонъ Карпентеръ и Вага стояли на ютѣ и смотрѣли на огонекъ трехмачтоваго судна, который, казалось, меркнулъ. Поднимался туманъ. Луны не было; звѣзды тускло виднѣлись изъ тумана; всюду царила тьма.

Скоро не стало видно и сосѣдняго корабля. Но онъ стоялъ близко. Заслышавъ крики, онъ пришлетъ шлюпку, и она можетъ спасти нѣсколько жертвъ.

На этомъ суднѣ не меньше двадцати пяти или тридцати матросовъ. Если дѣло дойдетъ до схватки, они осияютъ. Гарри Маркелъ поступилъ благоразумно, отложивъ дѣло до слѣдующей ночи. Чѣмъ дальше удалится «Рѣзвый» на юго-востокъ, тѣмъ рѣже будутъ попадаться на встрѣчу суда. Но если утромъ подуетъ пассатный вѣтеръ, и Гарри Маркелу придется идти галсомъ на сѣверо-западъ, Виллю Митцу это можетъ показаться подозрительнымъ.

Пока Джонъ Карпентеръ и Вага толковали на ютѣ, Корти и Рени Кофъ бесѣдовали на бакбортѣ, у бака. Они были

большіе пріятели: Корти то и дѣло вертѣлся около камбуза, а кокъ нерѣдко потихоньку награждалъ его лакомымъ кускомъ.

О чемъ же говорили они теперь? О томъ же, о чемъ думали и говорили всѣ разбойники, которые не могли дождаться, когда они будутъ полными хозяевами на кораблѣ.

— Гарри, кажется, пересолил, — сказалъ Корти. — Онъ остороженъ не въ мѣру!

— Можетъ быть, Кофъ, а, можетъ быть, и нѣтъ. Если бы можно было навѣрно знать, что они спятъ въ своихъ каютахъ, можно было бы придушить ихъ такъ, чтобы они не успѣли шикнуть!

— Не закричишь, когда тебѣ всадятъ ножъ въ горло!

— Да, Рени; но они могутъ сопротивляться. Къ тому же это проклятое судно могло подойти къ намъ ближе—за туманомъ ничего не видно! Стоитъ одному изъ мальчишекъ добраться вплавь до корабля, рассказать все, и капитанъ немедленно пришлетъ на «Рѣзвый» человекъ двадцать матросовъ. Мы не справимся съ ними, насъ свяжутъ, бросятъ въ трюмъ и доставятъ на Антильскіе острова или въ Англію. На этотъ разъ полицейскіе не выпустятъ насъ изъ тюрьмы. А ты знаешь, что насъ ждетъ, Рени!

— Чортъ побери! Дѣло наше начинается портиться, Корти. Нелегкая принесла этотъ корабль. А тутъ еще штиль! Если бы свѣжій вѣтерокъ подулъ всего хоть одианъ часъ времени, мы ушли бы на пять - шесть миль дальше!

— Можетъ быть, къ утру поднимется вѣтеръ,—выразилъ Корти. — Только надо держаль ухо востро съ этимъ Виллемъ Митцемъ. Онъ, кажется, тонкая штука!

— Я съ нимъ расправлюсь,—сказалъ Рени Кофъ,—на палубѣ или въ каютѣ, все равно, гдѣ. Дамъ ему хорошенькій ударъ ножомъ между лопатокъ, онъ даже не успеетъ оглянуться, а тамъ за бортъ...

— Онъ, кажется, шлялся тутъ на палубѣ?—спохватился Корти.

— Въ самомъ дѣлѣ,—отвѣчалъ Кофъ,—гдѣ же онъ теперь? Развѣ на ютѣ...

— Пѣтъ, тамъ только Джонъ Карпентеръ и Вага, да вотъ и они сюда идутъ!

— Ну, значить, Вилль Митцъ пошелъ къ себѣ въ каюту. Если бы не этотъ проклятый корабль, мы могли бы приступить къ дѣлу!

— Однако, теперь нельзя рисковать, а потому пойдемъ-ка лучше спать!

Они ушли. Только два матроса стояли на часахъ.

Вилль Митцъ слышалъ весь разговоръ. Онъ былъ на бакѣ. Теперь онъ зналъ все. Такъ вотъ, въ чьи руки попалъ корабль. Капитанъ—вовсе не Пакстонъ, а Гарри Маркель. Негодяи хотятъ убить пассажировъ. Не задержи штиль другой корабль вблизи «Рѣзваго», они уже привели бы въ исполненіе свой адскій замыселъ!

IX.

Вилль Митцъ.

Въ ночь съ 22-го на 23-ье сентября въ туманѣ плыла на удачу шлюпка. Было тихо, и море было спокойно. Двухвесельная лодка безшумно скользила въ сѣверо-восточномъ направленіи, впрочемъ, это можно было знать лишь приблизительно, такъ какъ густой туманъ не позволялъ разглядѣть полярную звѣзду.

Сидѣвшій на рулѣ человекъ жалѣлъ, что не было грозы. При свѣтѣ молніи онъ разглядѣлъ бы цѣль своего плаванія, и ему не пришлось бы идти на авось. Раньше, чѣмъ разбушуетъ море, онъ успѣлъ бы достигнуть цѣли и спасти жизнь всѣмъ, сидѣвшимъ въ лодкѣ.

Ихъ было одиннадцать: двое мужчинъ и девять мальчиковъ. Старшіе сидѣли на веслахъ. Одинъ изъ мужчинъ привставалъ отъ времени до времени, старался разглядѣть что-то въ туманѣ, къ чему-то прислушивался..

Это были бѣглецы съ «Рѣзваго». Луи Клодіонъ и Аксель Вякборгъ гребли, Вилль Митцъ правилъ рулемъ и тщетно

старался разглядѣть дорогу въ непроницаемой тьмѣ все болѣе и болѣе сгущавшагося теплаго тумана.

Они уже потеряли изъ вида «Рѣзвый», но все еще на различали огня другого корабля, который, однако, стоялъ всего въ полмиль разстоянія. При такомъ штилѣ онъ не могъ уйти.

Вотъ какъ было дѣло

Подслушавъ разговоръ Корти и Рени Кофъ, Вилль Митцъ незамѣтно прокрался съ бока на ютъ. Тутъ онъ пріостановился, обдумывая положеніе.

Вѣроятно, пираты убили Пакстона и весь экипажъ, а когда пассажиры прибыли на «Рѣзвый», послѣдній уже былъ въ рукахъ Гарри Маркела и его сообщниковъ.

Вилль Митцъ зналъ изъ газетъ о пиратахъ съ «Галифакса», ихъ арестѣ, бѣгствѣ изъ Кинстоуна, въ Ирландіи, совпавшемъ со временемъ отплытія «Рѣзваго». Безвѣтріе помѣшало завладѣвшимъ «Рѣзвымъ» пиратамъ уйти изъ Фармарской бухты въ ту же ночь, а утромъ прибыли Антильскіе школьники съ м-ромъ Паттерсономъ. Вилль Митцъ не могъ только понять одного: что побудило Гарри Маркела пощадить до сихъ поръ пассажировъ, почему онъ не убилъ ихъ такъ же, какъ капитана Пакстона и его матросовъ?

Но теперь не время доискиваться причинъ. Если пассажирамъ не удастся бѣжать, они погибли. Поднимется вѣтеръ, корабли удалятся другъ отъ друга, и тогда начнется рѣзня. Это можетъ случиться сегодня или завтра ночью, даже днемъ, если на морѣ не будетъ видно никакого судна. Вилль Митцъ зналъ объ ужасномъ заговорѣ, но не могъ придумать плана защиты.

Само Провидѣніе отсрочило гибель пассажировъ. Надо было пользоваться каждой минутой и спастись.

Смѣлый Вилль Митцъ рѣшилъ сдѣлать все, чтобы спасти жизнь пассажирамъ, спасая, въ то же время и свою собственную.

Сначала Вилль Митцъ пожелалъ убѣдиться, находится ли Гарри Маркелъ въ своей каютѣ. Малѣйшій шумъ могъ возбу-

доть его, а тогда надо помѣшать ему позвать на помощь, иначе побѣгъ не удастся.

Вилль Митцъ прокрался къ двери каюты, припалъ къ ней ухомъ и слушалъ нѣсколько минутъ.

Гарри Маркель, зная, что въ эту ночь нельзя ничего сдѣлать, спалъ крѣпкимъ сномъ.

Вилль Митцъ сошелъ на палубу и, не зажигая лампы, открылъ квадратное оконце, выходившее на корму, въ шести футахъ надъ грузовой ватерлиніей.

Пролѣзутъ ли пассажиры черезъ это оконце въ шлюпку?

Мальчики да, но взрослый человѣкъ едвали.

Къ счастью, м-ръ Паттерсонъ не толстъ. А во время путешествія онъ даже похудѣлъ отъ перенесенной имъ морской болѣзни.

Самъ Вилль Митцъ, стройный, ловкій, гибкій, пролѣзетъ черезъ оконце.

Итакъ, можно будетъ бѣжать, не проходя черезъ ютъ, что, можетъ быть, помѣшало бы бѣгству. Вилль Митцъ пошелъ будить товарищей.

Раньше всѣхъ онъ попалъ въ каюту Луи и Клодіона и Тони Рено.

Оба спали. Луи Клодіонъ проснулся только тогда, когда Вилль тронулъ его за плечо.

— Тихе!—сказалъ Вилль Митцъ.—Это я!

— Что вамъ надо?

— Молчите, ради Бога! Намъ угрожаетъ страшная опасность!

Въ нѣсколькихъ словахъ онъ объяснилъ, въ чемъ дѣло. Луи Клодіонъ понималъ всю важность положенія и счумѣлъ удержаться отъ восклицаній.

— Разбудите вашего товарища,—прибавилъ Вилль Митцъ,—а я пойду предупрежу другихъ.

— Но какъ бѣжать?—спросилъ Луи Клодіонъ.

— Въ шлюпкѣ, которая привязана у кормы. На ней мы доберемся до стоящаго по соседству корабля!

Луи Клодіонъ больше не спрашивалъ. Вилль Митцъ

вышелъ, а Луи началъ будить Тони Рено, который тотчасъ же вскочилъ съ койки, лишь только узналъ, въ чемъ дѣло.

Нѣсколько минутъ спустя, всѣ лауреаты были на ногахъ.

Туманъ сгустился все болѣе и болѣе. Даже шляпку можно было съ трудомъ различить въ темнотѣ. Слышался только плескъ воды объ обшивку корабля.

Одинъ за другимъ, безъ особеннаго труда всѣ по веревкѣ спустились въ шляпку, во главѣ съ встревоженнымъ, но наружно спокойнымъ Паттерсономъ.

Менторъ не былъ ни особенно ловокъ, ни гибокъ. Пришлось помогать ему, пока онъ карабкался по канату. Вилль Митцъ боялся, чтобы онъ не прыгнулъ въ лодку съ такимъ шумомъ, что даже подгулявшій часовой могъ-бы услышать.

Наконецъ, м-ръ Паттерсонъ всталъ на одну изъ скамеекъ шляпки, а Аксель Викборнъ поддержалъ его за руку, чтобы помочь ему пробраться къ кормѣ.

Настала очередь Луи Клодіона, который предварительно еще разъ удостовѣрился, спитъ ли Гарри Маркель.

Слѣдомъ за нимъ спустился въ лодку и Вилль Митцъ. Чтобы не терять времени, онъ не сталъ развязывать узелъ, а перерѣзалъ конецъ ножомъ, такъ что за кормою остался висѣть конецъ въ четыре или пять футовъ.

Шляпка отошла отъ «Рѣзваго».

Удастся ли Виллю Митцу и его спутникамъ спастись на корабль? — Найдутъ ли они его до разсвѣта? — Не ушелъ ли онъ? — Не поднимется ли вѣтеръ, который позволитъ ему уйти?

Во всякомъ случаѣ, если пассажирамъ «Рѣзваго» удастся спастись отъ грозившей имъ опасности, то только благодаря Виллю Митцу и м-съ Китленъ Сеймуръ, которая прислала его на «Рѣзвый».

Х.

Въ туманѣ.

Быль двѣнадцатый часъ ночи.

Густой туманъ и темная ночь мѣшали видѣть миляхъ въ двухъ разстоянія фонарь на штагѣ фокъ-мачты.

Нельзя было разглядѣть ни корабля, ни фонаря. Вилль Митцъ помнилъ, что вечеромъ корабль стоялъ на сѣверѣ. Въ этомъ направленіи и пошла шлюпка, чтобы, по крайпей мѣрѣ, удалиться отъ «Рѣзваго».

Царившая всюду тьма облегчала бѣгство. Но если-бы плыть пришлось не въ темнотѣ и не на удачу, они добрались бы до корабля въ какихъ-нибудь полчаса.

Вотъ уже часъ, какъ шлюпка плыветъ въ туманѣ, а корабля все нѣтъ.

Положеніе становилось критическимъ, Вилль не хотѣлъ только пугать мальчиковъ.

Вилль Митцъ внимательно прислушивался къ малѣйшему звуку. Иногда ему чудился всплескъ весель неподалеку. Ему казалось, что это уже посланная за ними погоня.

Тогда онъ командовалъ не грести. Лодка замирада, повинаясь только тихому волненію зыби. Всѣ молча прислушивались. Имъ такъ и казалось, что вотъ-вотъ въ туманѣ они услышатъ голосъ Джона Карпентера или кого-нибудь изъ пиратовъ.

Прошелъ еще часъ. Луи Клодіонъ и товарищи его смѣнялись на веслахъ, только чтобы не сойти съ мѣста. Не зная, въ какомъ направленіи идти, Вилль Митцъ боялся уйи слишкомъ далеко. Надо было стараться быть поблизости отъ корабля, чтобы на разсвѣтѣ подать ему сигналъ или самимъ приблизиться къ нему раньше, чѣмъ онъ успѣетъ уйи.

Усталые пассажиры мало-по-малу заснули одинъ за другимъ, растянувшись на скамейкахъ лодки. Только Луи Клодіонъ и Рожеръ Гинсдаль еще бодрствовали, но и они уже едва сидѣли отъ усталости. Вилль Митцъ останется одинъ.

Хватитъ ли у него энергіи бороться съ неблагоприятными условіями?

Грести больше не приходилось, надо было только дожидаться на мѣстѣ восхода солнца.

Отъ времени до времени сквозь туманъ доносились легкіе порывы вѣтра и, хотя затѣмъ почти тотчасъ наступалъ штиль, можно было ожидать, что къ утру поднимется вѣтеръ.

Въ четвертомъ часу утра пассажиры ощутили толчокъ. Лодка слегка ударилась обо что-то носомъ, должно быть, о корпусъ корабля.

Неужели это былъ корабль, котораго такъ долго искали бѣглецы?

Одни пассажиры проснулись отъ толчка, другихъ разбудили.

Вилль Митцъ схватился за весла, чтобы повернуть лодку, онъ нащупалъ руль судна—они подошли къ кораблю съ кормы. Такимъ образомъ, шлюпка была совсѣмъ скрыта подъ кормою, какъ подъ сводомъ и, при господствовавшемъ всюду туманѣ, ее едва ли могли замѣтить съ корабля.

Вдругъ Вилль Митцъ нащупалъ конецъ, въ четыре или пять футовъ длиною, висѣвшій съ кормы.

Вилль Митцъ узналъ этотъ канатъ...

Онъ самъ обрѣзалъ его, когда они спускались въ лодку. Они наткнулись въ темнотѣ на «Рѣзваго».

— «Рѣзвый»!—сказалъ онъ въ отчаяніи.

Итакъ, проблуждавъ цѣлую ночь въ туманѣ, они снова вернулись къ «Рѣзвому» и снова попали въ власть Гарри Маркеда.

Страшное уныніе овладѣло всѣми. Нѣкоторые не могли удержаться отъ слезъ.

Но, быть можетъ, еще удастся бѣжать, пуститься снова въ поиски корабля. Уже на востокъ брезжитъ свѣтъ. Скоро пять часовъ. Въ воздухѣ повѣяло утренней прохладой...

Но вотъ туманъ поднялся и расчистилъ поверхность моря. Можно было видѣть на три, четыре мили вокругъ.

И что же? Пользуясь первыми порывами вѣтра, корабль удалялся уже на востокъ. Надо было оставить всякую надежду спастись на немъ.

Между тѣмъ, на палубѣ «Рѣзвого» было тихо. Очевидно, Гарри Маркель и матросы еще спали. Часовой не замѣчалъ, что вѣтеръ свѣжѣетъ, и паруса безпомощно треплются.

Ну, что-жъ! Иного исхода нѣтъ: пассажиры должны возвратиться на «Рѣзвый», но на этотъ разъ захватить его въ свои руки, чтобы самимъ хозяйничать на немъ.

Эта смѣлая мысль пришла первому Виллю Митцу, и онъ тотчасъ же подѣлился ею съ остальными. Онъ говорилъ шепотомъ. Луи Клодюнъ, Рожеръ Гинсдаль, Тони Рено поняли его съ полслова. Это былъ, дѣйствительно, единственный исходъ.

— Мы пойдемъ за вами, Вилль Митцъ!—сказалъ Магнусъ.

— Приказывайте!—прибавилъ Луи Клодюнъ.

Уже свѣтало. Надо было захватить Гарри Маркела и экипажъ, пока они не проснулись, и запереть ихъ въ трюмъ. Потомъ Вилль Митцъ, съ помощью мальчиковъ, поведетъ корабль обратно къ Антильскимъ островамъ или направить его къ первому встрѣчному судну.

Шлюпка безшумно скользнула вдоль подводной части «Рѣзвого» и остановилась у русленей гротъ-мачты съ лѣвой стороны судна. Взобравшись по трайселю, легко перемагнуть черезъ рѣбину и очутиться на палубѣ... У русленей фокъ-мачты перелѣзть было бы труднѣе.

Вилль Митцъ поднялся первый. Поднявшись до рангоута, онъ остановился и знакомъ приказалъ не двигаться.

Гарри Маркель только что вышелъ изъ каюты и смотрѣлъ, какова погода. Такъ какъ вѣтромъ рвало закрѣпленные паруса, онъ кликнулъ матросовъ, чтобы поднимали ихъ.

Матросы спали; никто не откликался на зовъ; Гарри Маркель спустился въ трюмъ.

Вилль Митцъ видѣлъ, какъ онъ удалялся. Настала рѣшительная минута дѣйствовать. Гарри Маркель ушелъ — тѣмъ лучше: не съ кѣмъ бороться, его крики не разбудятъ матросовъ. Можно будетъ запереть всѣхъ ихъ въ трюмъ, гдѣ они будутъ сидѣть до прибытія на Антильскіе острова; а при пасмурномъ вѣтрѣ, который поднялся, «Рѣзвый» будетъ въ виду Барбадоса черезъ тридцать шесть часовъ.

Вилль Митцъ однимъ прыжкомъ очутился на палубѣ. Мальчики послѣдовали его примѣру. Тихо-тихо, не привлекая вниманія экипажа, они поднимались одинъ за другимъ на корабль. Въ пиллюкъ оставался только одинъ м-ръ Паттерсонъ.

Быстро пробрались они къ люку и снаружи закрыли его. Потомъ прикрыли его толстымъ смоленнымъ брезентомъ и прикрѣпили слемами. Гарри Маркель со всѣмъ экипажемъ—въ плѣну! Теперь оставалось только смотрѣть, чтобы злодѣи не выбрались изъ своей тюрьмы, да поскорѣе передать ихъ либо другому встрѣчному кораблю, либо въ первомъ Антильскомъ портѣ, куда прибудетъ «Рѣзвый».

Солнце уже встало, и было совсѣмъ свѣтло. Послѣднія облачка тумана испарились. Небо было чистое. Вѣтерокъ свѣжѣлъ. Корабль не могъ болѣе лежать въ дрейфѣ.

Попытка Вилля Митца окончилась удачно. Ему удалось завладѣть «Рѣзвымъ».

Между тѣмъ, корабль, на которомъ они хотѣли искать спасенія, былъ уже въ пяти-шести миляхъ и скоро совсѣмъ исчезнетъ изъ вида.

XI.

Пассажиры хозяйничаютъ на кораблѣ.

Благодаря смѣлости и предприимчивости Вилля Митца, дѣло получило неожиданный оборотъ. Счастье, наконецъ, улыбнулось честнымъ людямъ и измѣнило преступникамъ. Тѣ не успѣли совершить своего послѣдняго злодѣянія, не успѣли убить пассажировъ и Вилля Митца.

Теперь, если только имъ не удастся снова завладѣть кораблемъ, ихъ передадутъ въ руки правосудія, лишь только «Рѣзвый» прибудетъ въ одинъ изъ Антильскихъ или Американскихъ портовъ, и ихъ ожидаетъ справедливая кара за преступленія.

Весь вопросъ въ томъ, не съумѣютъ ли заключенные вырваться на свободу. Ихъ десять человѣкъ. Всѣ они дюжіе молодцы, которымъ не трудно было бы справиться съ Виллемъ

Митцемъ и его юными спутниками. Они, вѣроятно, попытаются выбраться изъ трюма.

Но будь, что будетъ. Прежде всего, Вилль Митцъ поблагодарилъ Бога и помолился, чтобы Господь и впередъ защитилъ его.

Съ нимъ вмѣстѣ горячо молились и мальчики. Всѣ они вѣрили въ Промыслъ Божій, всѣ они отъ чистаго сердца приносили Творцу хвалу за свое спасеніе.

М-ру Горацію Паттерсону помогли подняться на корабль. Онъ безсознательно продѣлывалъ все, что ему приказывали. Все происходившее казалось ему тяжелымъ кошмаромъ. Онъ пошелъ въ свою каюту и черезъ пять минутъ заснулъ крѣпкимъ сномъ.

Вилль Митцъ посмотрѣлъ на небо. На сѣверо-востокъ и на юго-востокъ видѣлись тяжелыя облака. Вилль опасался, чтобы не подулъ вѣтеръ именно съ этой стороны. Чтобы достигнуть Антильскихъ острововъ, «Рѣзвому» нуженъ былъ попутный пассатный вѣтеръ.

Какъ бы то ни было, вѣтеръ еще не установился, и раньше, чѣмъ поднять паруса, надо было выждать, чтобы выяснилось направленіе вѣтра. Только подъ влияніемъ зыби корабль колыхался на одномъ мѣстѣ, и началась довольно сильная боковая качка.

Въ трюмѣ и камбузѣ, правда, было припасовъ на нѣсколько недѣль, и пассажирамъ не угрожало голодъ. Однако, медлить было нельзя.

Вилль Митцъ, во всякомъ случаѣ, постарается, чтобы путешествіе въ Вестъ-Индію длилось не болѣе однихъ или полутора сутокъ.

Около семи часовъ утра Вилль Митцъ хлопоталъ у парусовъ, какъ вдругъ онъ услышалъ отчаянный крикъ Луи Клодіона, призывавшаго на помощь.

Вилль Митцъ бросился къ нему. Луи лежалъ всей тяжестью своей на люкѣ, который разбойники старались приподнять снизу. Не помѣшай во-время Луи Клодіонъ, это имъ удалось бы.

Вилль Митцъ, Рожеръ Гинсдаль, Аксель Викборнъ бросились ему на помощь и задрали люкъ такъ, что поднять его уже не было возможности. То же самое сдѣлали и съ другимъ люкомъ, на носу, черезъ который разбойники тоже могли попытаться выбраться.

Вилль Митцъ подошелъ тогда къ выходу изъ жилой палубы и громко крикнулъ:

— Эй, вы тамъ, слушайте, что я вамъ говорю!

Отвѣта не послѣдовало.

— Гарри Маркель, я съ тобой говорю!

Гарри Маркель понялъ, что его знаютъ, что тѣмъ или инымъ путемъ пассажиры узнали, кто онъ и каковы его замыслы.

Въ отвѣтъ Виллю Митцу слышались ужасныя проклятія.

— Гарри Маркель,—продолжалъ онъ,—знай, что мы вооружены. Я раздроблю черепъ первому изъ васъ, который попытается выйти!

Мальчики, дѣйствительно, вооружились револьверами и посмѣнно дежурили днемъ и ночью у люка.

Если плѣнники были лишены возможности бѣжать, имъ оставалось другое утѣшеніе: въ трюмѣ они найдутъ массу провизіи, сушеное мясо, сухари, боченки пива, водки, джина.

Негодни, конечно, догадывались о намѣреніяхъ Вилля Митца. Гарри Маркель зналъ, что «Рѣзвый» всего въ семидесятипяти, восьмидесяти миляхъ отъ Антильскихъ острововъ. При попутномъ вѣтрѣ разстояніе это можно пройти въ два дня. Дорогой «Рѣзвый» навѣрно встрѣтитъ другія суда, и Вилль Митцъ войдетъ съ ними въ переговоры. Доставленныхъ на другой корабль или прямо въ одинъ изъ Антильскихъ портовъ пиратовъ съ «Галифакса», бѣжавшихъ изъ Кинстоунской тюрьмы, ожидаетъ наказаніе за совершенныя преступленія.

Гарри Маркель понималъ, что спасенія нѣтъ. Освободить товарищей и вторично завладѣть кораблемъ онъ не могъ.

Люки закрыты. Между палубой и трюмомъ нѣтъ болѣе никакого сообщенія. У разбойниковъ не было подъ руками инструментовъ, чтобы прорубить корпусъ надъ грузовой ватерлиніей

или пробить палубу. Къ тому же, какъ это сдѣлать, чтобы пассажиры не слышали шума и не помѣшали имъ работать? Плѣнники попытались проломить стѣнку баталеръ-камеры, изъ которой былъ доступъ на ютъ, но это имъ не удалось. Въ баталеръ-камерѣ оставалось припасовъ на недѣлю и даже болѣе, была также и прѣсная вода, такъ что пассажиры тоже были обезпечены на случай промедленія; впрочемъ, плаваніе до одного изъ острововъ Антильскаго архипелага никакъ не можетъ затянуться болѣе двухъ сутокъ.

Между тѣмъ погода все не опредѣлялась. Другой корабль ушелъ на западъ только потому, что стоялъ нѣсколько болѣе на сѣверъ и попалъ въ полосу пассатнаго вѣтра.

Губертъ Перкинсъ и Аксель Викборнъ дежурили у входа въ трюмъ. Остальные мальчики окружили Вилля Митца и ждали его распоряженій.

— Намъ надо стараться какъ можно скорѣе придти на Антильскіе острова!—сказалъ Вилль Митцъ.

— И тамъ передать полиціи этихъ негодяевъ!—прибавилъ въ тонъ ему Тони Рено.

— Прежде всего слѣдуетъ подумать о себѣ!—замѣтилъ практичный Рожеръ Гинсдаль.

— А когда мы можемъ пріѣхать на Антильскіе острова?—спросилъ Магнусъ Андерсъ.

— Завтра послѣ полудня, если погода будетъ благоприятная!—отвѣчалъ Вилль Митцъ.

— Какъ вы думаете, подуетъ вѣтеръ съ этой стороны?—задалъ вопросъ Губертъ Перкинсъ, указывая на востокъ.

— Я надѣюсь. Но вѣтеръ долженъ продержаться не менѣе тридцати шести часовъ. Только теперь время грозъ, и загадывать впередъ нельзя...

— Въ какомъ направленіи пойдемъ мы?—спросилъ Луи Клодіонъ.

— Прямо на западъ!

— А мы навѣрно придемъ тогда на Антильскіе острова?—продолжалъ Джонъ Говардъ.

— Непремѣнно,—увѣренно сказалъ Вилль Митцъ.—Антиль-

скій архипелагъ раскинулся на пространствѣ четырехсотъ миль отъ Антигуа до Табаго. На какой бы островъ мы ни пришли, намъ безразлично!

Пробило восемь. Стоявшіе на часахъ мальчики слышали въ трюмѣ шумъ шаговъ, проклятія и жестокія ругательства. Но разбойники были не страшны, они ничего не могли сдѣлать пассажирамъ.

Въ третьемъ часу дня съ востока повѣялъ вѣтерокъ. Въ двухъ миляхъ отъ бакборта уже пѣнились легкія волны. Но насколько хваталъ глазъ, на обширной водной поверхности не было видно ни одного судна.

Вилль Митцъ рѣшился поднять паруса. Верхними парусами, брамсеями и бомъ брамсеями онъ рѣшилъ не пользоваться вовсе, такъ какъ ихъ трудно было бы закрѣплять въ случаѣ, если усилятся вѣтеръ; достаточно марселей и бригантинъ, которые уже взяты на гитовы. Оставалось только управлять кораблемъ да, поворачивая то на правый, то на лѣвый галсъ, идти на западъ.

Вилль Митцъ собралъ мальчиковъ, назначилъ каждому извѣстную обязанность и объяснилъ, какъ ее исполнять. Передавъ руль Луи Клодіону, самъ онъ съ Тони Рено и Магнусомъ Андерсомъ, уже привычными къ этому дѣлу, полѣзъ на марсъ.

— Справимся... справимся...—говорилъ Тони Рено, убѣжденный въ своемъ умѣньи и силахъ.

— Богъ дастъ, справимся!—повторялъ за нимъ и Вилль Митцъ.

Черезъ четверть часа трехмачтовый корабль шелъ уже, слегка накренившись, оставляя за кормою длинный серебристый слѣдъ.

До часу вѣтеръ былъ не особенно сильный, а порой утихалъ даже почти совсѣмъ, что озабочивало Вилля Митца. А на западѣ собирались черныя съ синеватымъ отливомъ тучи, вѣрные предвѣстники грозы.

— Нучто? Какъ погода, Вилль?—спросилъ Роджеиръ Гинсдаль.

— Да обѣщаетъ мало хорошаго! Кажется, будетъ гроза или сильный вѣтеръ...

— А что, какъ онъ подуетъ съ этой стороны?

— Ничего не подѣлаешь,—отвѣчалъ Вилль Митцъ,—придется мириться и съ этимъ! Будемъ поворачивать то на одинъ галсъ, то на другой, пока не подуетъ пассатный вѣтеръ, только бы море не разбушевалось. Если мы запоздаемъ на день, на два—не бѣда, лишь бы намъ дойти до берега. Миляхъ въ пяти-шести отъ Антильскихъ острововъ мы встрѣтимъ штурмановъ, которые проведутъ нашъ корабль въ одинъ изъ портовъ.

Предсказанія Вилля Митца оправдались. Вѣтеръ перемѣнился, и «Рѣзвому» пришлось бороться съ встрѣчными волнами. Тони Рено стоялъ на руль. Вилль Митцъ и остальные товарищи подтянули реи, шкоты фокъ-мачты, марселей и бригаантины. Накренившись на правую сторону, «Рѣзвый» быстро пошелъ на сѣверо-востокъ.

Ночь прошла спокойно. Облака разсѣялись, и грозы не было. Вѣтеръ дулъ по прежнему не особенно сильный, и закрѣплять наруса не пришлось.

Къ разсвѣту «Рѣзвый» поворотилъ уже въ третій разъ на другой галсъ, въ западномъ направленіи; но къ Антильскимъ островамъ онъ приблизился мало, всего на десять, двѣнадцать миль.

XII.

Дни испытаній.

Цѣлый день «Рѣзвый» лавировалъ и мало подвинулся впередъ. А тѣмъ временемъ на западѣ собирались темныя тучи, вѣтеръ свѣжѣлъ, море бушевало, и волны со злобою бились о бортъ. Если вѣтеръ не утихнетъ, придется закрѣпить часть парусовъ. Вилль Митцъ начиналъ не на шутку беспокоиться, хстя и не показывалъ вида. Впрочемъ, наиболѣе серьезные мальчишки, Луи Клодіонъ и Роджеръ Гинсдаль, догадывались о томъ, что происходило у него на душѣ. Когда они смотрѣли на Вилля Митца вопрошающимъ взглядомъ, онъ невольно отворачивался отъ нихъ.

Ночь грозила быть ужасной. Пришлось взять два рифа въ марселяхъ, рифъ бригадины и рифъ кливера. Безъ настоящихъ матросовъ маневръ этотъ не легко было бы исполнить и днемъ, не то что ночью.

Что случилось бы, если бы «Рѣзваго» отбросило на востокъ? Буря можетъ продолжаться нѣсколько дней, куда же она занесетъ корабль? Въ этой части океана нѣтъ земли, кромѣ опасныхъ Бермудскихъ острововъ, вблизи которыхъ «Рѣзвый» уже испыталъ бурю. Теперь онъ можетъ разбиться объ утесы африканскаго побережья.

Надо, во чтобы то ни стало, держаться вблизи Антильскихъ острововъ. Утихнетъ буря, подуютъ снова пассатные вѣтры, и «Рѣзвый» въ нѣсколько дней наверстаетъ потерянное время.

Вилль Митцъ предупредилъ мальчиковъ, что они должны дѣлать въ случаѣ бури. Когда паруса начнутъ хлопать, точно выстрѣлы изъ пушекъ, надо будетъ убирать марселя. Магнусъ Андерсъ, Тони Рено, Луи Клодіонъ, Аксель Викборнъ должны взобраться за Виллемъ Митцемъ на реи, подтянуть паруса и закрѣпить ихъ.

Альбертъ Льювенъ и Губертъ Перкинсъ тѣмъ временемъ будутъ у руля, и Вилль Митцъ показать имъ, какъ они должны управлять.

Мальчикамъ стоило большихъ трудовъ и стараній взять двѣ реи, наконецъ, парусъ подняли до мѣста и брасопили его. На бизань-мачту взбираться не понаобилось: бригадину просто обернули вокругъ драйверъ-рея.

Волны хлестали иногда на палубу и долетали до юта. Вилль Митцъ, съ помощью одного изъ мальчиковъ, управлялъ рулемъ. До восхода солнца корабль шелъ на сѣверо-востокъ.

Всю ночь Вилль Митцъ не смыкалъ глазъ, тогда какъ мальчики смѣнялись на дежурствѣ черезъ четыре часа и имѣли возможность отдохнуть.

Вѣтеръ разогналъ тучи; Вилль Митцъ обвелъ небо тоскливымъ взглядомъ: оно не предвѣщало ничего хорошаго. Вѣтеръ дулъ съ прежнею силою, можно было опасаться и дождя, и

шквала. «Рѣзвому» пришлось разрѣзать волны, что отклоняло его отъ прямого пути и отдаляло отъ цѣли.

Дѣйствительно, налетѣлъ шквалъ, грозившій разорвать въ клочки марселя. Всѣ, за исключеніемъ м-ра Паттерсона, оставались на палубѣ и помогали Виллю Митцу. Дождевую воду они собрали въ кадки, чтобы сберечь ее на случай, если на «Рѣзвомъ» не хватитъ прѣсной воды.

Утромъ, съ невѣроятными усиліями, Виллю Митцу удалось поворотить на другой галсъ, по направленію зюйдъ-веста, такъ что «Рѣзвый» остался, по его мнѣнію, на широтѣ Антильскихъ острововъ и приблизительно въ серединѣ архипелага, у Барбадоса. Онъ надѣялся, что можно идти подъ бригантиной, но днемъ вѣтеръ усилился. Волны поднимались иногда такъ высоко, что достигали реи гротъ-мачты.

Вѣроятно, сидѣвшіе въ трюмѣ пираты догадывались, что пассажирамъ трудно справляться съ кораблемъ и бороться съ волнами, и надѣялись, что ихъ призовутъ на помощь.

Они заблуждались. Пассажиры лучше рѣшились бы погибнуть въ волнахъ вмѣстѣ съ обломками разбитого бурей корабля, чѣмъ звать ихъ на помощь.

Вилль Митцъ не потерялъ присутствія духа, а пассажиры, казалось, не видѣли опасности; отважно и ловко исполняли они приказанія Вилля Митца. Они закрѣпили марселя и бригантину, остались только парусъ на фокъ-мачтѣ и прочный форъ-стенга-стаксель, способный выдержать напоръ вѣтра.

И нигдѣ, нигдѣ не видно было другого корабля! Да если бы и показался вдали корабль, въ такую бурю трудно было бы подойти къ нему.

Мало-по-малу, Вилль Митцъ пришелъ къ убѣжденію, что бороться съ разбушевавшейся стихіей бесполезно: держаться вблизи Антильскихъ острововъ, все равно, не удастся. Но «Рѣзвый» прекрасное судно, и можно надѣяться, что его не выбросятъ куда-нибудь на побережье. Зато ему грозитъ другая бѣда: онъ долженъ пуститься на Божью волю по безбрежному Атлантическому океану, и въ нѣсколько часовъ его унесетъ за тысячу миль отъ Вестъ Индіи.

Корабль бросало, какъ щепку. Волны съ яростью хлестали его. «Рѣзвый» поворотилъ черезъ фордевиндъ—самое опасное положеніе для судна, потому что волны бьютъ объ его корму. Въ такую бурю очень трудно управлять кораблемъ, и рулевого обыкновенно привязываютъ, чтобы его не унесло за бортъ.

Вилль Митцъ настоялъ, чтобы мальчики скрылись на ютѣ, общая, если понадобится помощь, позвать ихъ.

Это былъ самый ужасный день, который мальчики провели на кораблѣ. Они лежали на скамейкахъ; брызги наводнявшихъ палубу волнъ долетали до нихъ. Цѣлый день они питались только сухарями. Доски трещали.

Настала ночь, темная, бурная, ужасная. Вѣтеръ дулъ съ яростью. Едва-ли «Рѣзвый» выдержитъ его въ теченіе двадцати четырехъ часовъ, и, пожалуй, придется срѣзать рангоутъ. А, можетъ быть, кораблю суждено погибнуть въ пучинѣ...

Вилль Митцъ безсмѣнно стоялъ у руля, стараясь направить корабль такъ, чтобы онъ рѣзалъ волны.

Въ полночь валъ въ пять или шесть футовъ выше гака-борта обрушился на ютъ съ такою силою, что чуть не проломилъ его, потомъ пронесся по палубѣ, сорвавъ на пути обѣ запасныя шлюпки, унося за собою клѣтки съ домашнею птицею, боченки прѣсной воды и разбивая ихъ въдребезги о гротъ-мачту.

Оставалась только одна запасная шлюпка, та самая, на которой пассажиры пробовали бѣжать. Однако, пуститься теперь въ море на этой шлюпкѣ было слишкомъ рискованно.

Но вотъ раздался страшный трескъ. Даже мачты покачнулись на своемъ основаніи. Луи Клодіонъ и еще нѣсколько мальчпковъ выбѣжали на палубу.

— Уходите! Уходите!—долетѣлъ до нихъ вмѣстѣ съ свистомъ вѣтра голосъ Вилля Митца.

— Нѣтъ надежды на спасеніе?—спросилъ Рожеръ Гинсдаль.

— Есть, если того захочетъ Богъ!—отвѣчалъ Вилль Митцъ. — Онъ одинъ можетъ насъ спасти...

Въ эту минуту раздался оглушительный шумъ. Огромная бѣлая масса, какъ исполинская птица пронеслась надъ палубой.

Вѣтромъ сорвало одинъ изъ марселей, остался одинъ только ликъ-трость.

На «Рѣзвомъ» почти не было болѣе парусовъ. Руль тоже не дѣйствовалъ, а корабль понесло съ головокружительной быстротой, какъ щепку, какъ игрушку волнъ, на востокъ.

Гдѣ-то очутится «Рѣзвый» на слѣдующее утро? Можетъ быть, въ нѣсколькихъ сотняхъ миль отъ Антильскихъ острововъ. Долго придется ему идти, чтобы приблизиться къ нимъ, если удастся натянуть запасные паруса.

Но вотъ, кажется, буря стихаетъ. Вѣтеръ внезапно перемѣнился, какъ это часто случается въ тропическомъ поясѣ.

Вилль Митцъ пытливо посмотрѣлъ на небо и удивился: небо прояснилось и огромныя облака, покрывавшія горизонтъ съ восточной стороны, исчезли.

Луи Клодіонъ и его друзья пришли на палубу. Буря стихала, хотя море еще сильно волновалось. Цѣлый день пройдетъ равнѣе, чѣмъ успокоятся взбаломученныя волны съ бѣлыми гребнями.

— Да, да, буря стихаетъ!—говорилъ Вилль Митцъ, 'поднимая къ небу руки съ надеждой и вѣрой въ Провидѣніе.

Теперь слѣдовало возвратиться на западъ. Хотя и далеко, земля должна быть тамъ, на западѣ.

Около полудня вѣтеръ настолько ослабѣлъ, что корабль могъ идти подъ марселями и нижними парусами. Не безъ труда привязалъ къ реѣ новый запасной парусъ.

Вдругъ изъ трюма донесся стукъ и крики. Ужъ не пытаются ли еще разъ Гарри Маркель и его товарищи вырваться на свободу?

Мальчики схватились за оружіе и стояли на своихъ мѣстахъ, готовые встрѣтить пиратовъ.

Но въ это время раздался крикъ Луи Клодіона:—Горимъ!

Въ самомъ дѣлѣ вырвавшійся изъ трюма дымъ застилалъ уже палубу.

Вѣроятно, напившись не въ мѣру джина и водки, разбойники заронили огонь куда нибудь между ящиками груза. Слышно было уже, какъ взрывало бочки со спиртными напитками.

Можетъ быть, пожаръ можно было бы потушить, но для этого надо открыть люки и залить трюмъ водою, а въ то же время выпустить на свободу Гарри Маркела съ пріятелями. Тогда пираты снова залядѣютъ «Рѣзвымъ» и бросятъ пассажировъ за бортъ раньше, чѣмъ они успѣютъ подумать о прекращеніи пожара.

Крики становились все громче. Густыя змѣйки дыма бѣгали по осмоленнымъ швамъ палубы. Взрывы боченковъ водки повторялись все чаще и чаще. Должно быть, разбойники задыхаются въ трюмѣ.

— О Вилль... Вилль!—съ мольбою простирали руки Джонъ Говардъ, Тони Рено и Альбертъ Льювенъ. Они молили его пощадить Гарри Маркела съ его пиратами.

Но минута слабости, одна минута милосердія могла стоить жизни всѣмъ пассажирамъ!

Нельзя было также терять времени. Пожара, все равно, не погасить. Корабль и заключенные въ трюмѣ пираты обречены въ жертву огню. Они же должны спастись на единственной уцѣлѣвшей шлюпкѣ.

Вилль Митцъ посмотрѣлъ на море, которое теперь нѣсколько стихало, взглянулъ на объятаго пламенемъ «Рѣзваго», на испуганныхъ юношей и скамандоваль:

— Садитесь въ шлюпку!

XIII.

На волю Божию.

На этотъ разъ не было судна въ нѣсколькихъ кабельтовахъ отъ «Рѣзваго», но надо было спастись бѣгствомъ съ горящаго корабля. Хрупкій челнъ бѣглецовъ пускался въ море, не имѣя даже надежды встрѣтить какое-нибудь судно. Богъ знаетъ, какія невзгоды ожидали его впереди!

Что же происходило въ трюмѣ въ то время, какъ Вилль Митцъ и мальчики спускали въ море спасательную шлюпку и готовились къ побѣгу?

Изъ-подъ палубы раздавались адскіе крики. Неистово сту-

чали въ люки. Разбойники, казалось, вотъ-вотъ вырвутся какимъ нибудь образомъ на свободу.

Что касается причины пожара, вѣроятно, онъ произошелъ отъ разбитаго по неосторожности боченка съ водкой, нечаянно подожженного пьянымъ Морденомъ или другимъ матросомъ. Весь трюмъ былъ въ огнѣ, и корабль долженъ былъ неминуемо погибнуть. Черезъ нѣсколько времени отъ него останутся лишь жалкіе обломки.

Вилль Митцъ, имѣя въ виду, быть можетъ, долгое плаваніе по морю, позаботился, чтобы въ шлюпку взяли побольше предметовъ первой необходимости. Луи Клодіонъ и Альбертъ Льювенъ стояли въ лодкѣ и принимали подаваемые имъ съ корабля ящики съ консервами и сухарями, уцѣлѣвшій боченокъ водки, два боченка прѣсной воды, переносную кухню, два мѣшка угля, запасъ чаю, оружіе, кое-какую кухонную посуду.

Тони Рено и нѣсколько товарищей спускали въ шлюпку мачту, парусъ, двѣ пары веселъ, руль, компасъ и карту Антильскихъ острововъ. Захватили также нѣсколько удочекъ, которыя могли очень пригодиться. Вилль Митцъ бросилъ въ шлюпку нѣсколько перемѣнъ платья, клеенчатыхъ плащей, одѣялъ и брезентъ, изъ котораго можно было устроить тентъ.

Паттерсона первого помѣстили въ шлюпку. Несчастья сломили энергію бѣднаго эконома. Онъ забылъ и о своей трехугольно-головой змѣѣ, которая погибнетъ въ пламени, и о латинской цитатѣ, которую ему не удалось перевести. Онъ только съ ужасомъ думалъ о предстоящемъ путешествіи въ шлюпкѣ въ открытомъ морѣ.

Приготовленія эти заняли четверть часа времени. Дикіе крики, долетавшіе изъ пламени, становились все ужаснѣе. Огонь перешелъ уже на рангоутъ.

Казалось, вотъ вотъ, изъ этого горнила покажется полуобгорѣлая фигура какого-нибудь пирата, которому удалось бѣжать изъ пылающаго трюма.

Надо было поскорѣе удалиться отъ «Рѣзваго». Кажется, взяли все, что надо, и Вилли Митцъ уже собирался сѣсть въ шлюпку, какъ вдругъ Нильсъ Арбо вспомнилъ о деньгахъ.

— Да,—сказалъ Вилли Митцъ,—надо взять ихъ, или онѣ погибнуть вмѣстѣ съ кораблемъ!

Онъ возвратился въ жилую палубу, взялъ хранившіяся въ каютѣ наставника деньги, перешагнувъ рангоутъ и прыгнувъ въ шлюпку.

— Отчаливай!—крикнулъ онъ.

Лодка отошла отъ «Рѣзваго» и пошла на западъ.

Въ это время, подъ напоромъ нагрѣваемаго воздуха, взорвало трюмъ. Взрывъ былъ такъ силенъ, что фокъ-мачта качнулась на своемъ основаніи и ударилась о бакбортъ. Весь корабль наклонился, но тотчасъ же всталъ, такъ что не успѣлъ зачерпнуть воды, которая могла бы залить пожаръ.

Ни одинъ изъ пиратовъ не показывался еще на палубѣ. Можетъ быть, они всѣ задохлись отъ дыма раньше, чѣмъ успѣли пробиться черезъ пламя.

Была половина шестого вечера. Дулъ довольно постоянный вѣтеръ, можно было поднять парусъ. Тони Рено и Магнусъ Андерсъ приладили на шлюпкѣ парусъ. Вилль Митцъ сѣлъ на руль. Весла убрали. Отдали шкоты, и шлюпка быстро пошла впередъ.

Не успѣли они отойти и полмили, какъ рухнули двѣ остальные мачты «Рѣзваго», послѣ того какъ загорѣлись ванты и бакштаги. Корабль, плоскій, какъ понтонъ, болѣе не вставалъ. Мало-по-малу онъ зачерпывалъ воды. Тогда на палубѣ показалось нѣсколько человѣкъ и среди нихъ Гарри Маркель. Когда негодай увидѣлъ, что шлюпка отошла далеко, что до нея не добраться вплавь, у него вырвался крикъ безсильной злобы,

Наполняясь все болѣе и болѣе водою, «Рѣзвый», наконецъ, исчезъ въ пучинѣ. Пираты съ «Галифакса» бѣжали отъ людскаго правосудія, но не ушли отъ Божьяго суда. Отъ когда-то прекраснаго корабля остались только безформенные обломки, которые плавали на поверхности моря.

Слезы навернулись на глазахъ у пассажировъ, когда они увидѣли гибель «Рѣзваго».

Буря, свирѣпствовавшая двѣнадцать часовъ тому назадъ утихла, но отъ этого положеніе пассажировъ не улучшилось.

Шлюпка, длиною въ тридцать футовъ, а шириною въ пять футовъ, свободно вмѣщала одиннадцать пассажировъ, но на ней не было палубы, нѣдѣ было спрятаться отъ дождя, и, кромѣ того, она легко могла зачерпнуть воды.

Вилль Митцъ развѣсилъ надъ частью лодки, отъ мачты до форштевня, брезентъ, который, поддерживаемый слѣгами, представлялъ изъ себя какъ бы тентъ; подъ нимъ могло укрыться трое мальчиковъ.

Луи Клодѣонъ и Тони Рено припрятали на днѣ шлюпки компасъ и ящики съ сухарями и консервами.

Взятыхъ пассажирами запасовъ могло хватить дней на десять. Въ случаѣ истощенія запасовъ, можно было еще рассчитывать на рыбную ловлю. Воды тоже должно хватить на недѣлю, рѣшено было беречь ее, а въ случаѣ дождя собирать и дождевую воду.

Но достигнуть ли они берега въ такой срокъ, придутъ ли на Антильскіе или хотя бы на Бермудскіе острова?

Едва-ли. Бурей отбросило «Рѣзваго» на юго-востокъ, далекъ отъ Бермудскихъ острововъ. Вилль Митцъ рассчитывалъ поэтому, что они придутъ скорѣе всего или на Антильскіе острова, или къ побережью Южной Америки, въ Бразилію, Гвиану или Венецуалу.

Лучше всего для нашихъ путешественниковъ было бы встрѣтить какой-нибудь корабль.

Вотъ какъ обстояло дѣло вечеромъ 26-го сентября. Уже наступала ночь, и тьма окутывала все. Солнце зашло хорошо: ни на востокъ, ни на западъ не было угрожающихъ тучъ. Легкая правильная зыбъ покачивала шлюпку. Пассатный вѣтеръ наполнялъ парусъ. Ночь была безлунная, но звѣзды сверкали на небѣ, и среди нихъ ярко горѣла полярная звѣздочка.

Луи Клодѣонъ и его товарищи предложили грести по очереди смѣняясь каждый часъ. Вилли Митцъ нашелъ, что это слишкомъ утомительно—а силы нужно беречь.

Скоро въ лодкѣ всѣ спали. Только Вилль Митцъ не выпускалъ изъ рукъ руля, да по временамъ отдавалъ или подтягивалъ свободною рукою шкоты. Маленькій фонарь освѣщалъ лежавшій передъ нимъ компасъ, который указывалъ путь.

Вѣтеръ дулъ попрежнему, и Виллю не пришлось будить мальчиковъ. Иногда то тотъ, то другой изъ нихъ просыпался и спрашивалъ, не надо ли помочь, но онъ отвѣчалъ имъ, что все идетъ хорошо и безъ нихъ. Кивнувъ ему дружески головой, проснувшійся снова закутывался въ одѣяло и засыпалъ.

Всѣ пробудились чуть свѣтъ. Даже Паттерсонъ вышелъ изъ подъ тента и сѣлъ на носу.

Утро было прекрасное. Солнце встало на горизонтѣ и разогнало своими лучами легкій туманъ. Море чуть замѣтно волновалось, легкія волны рябили поверхность его и плескали о бортъ шлюпки.

Тони Рено тотчасъ принялся хлопотать о завтракѣ, вскипятилъ на переносной кухнѣ воду, заваривалъ чай, досталъ изъ ящика сухарей и влилъ въ воду немного водки.

— Теперь ваша очередь отдыхать!—сказалъ Виллю Митцу Роджеръ Гинсдаль.—Если хотите слѣдующую ночь опять сидѣть на рулѣ, вы должны лечь теперь!

— Вы должны!—подтвердилъ Луи Клодіонъ.

Вилль Митцъ посмотрѣлъ на небо. Море было спокойно, вѣтеръ дулъ попрежнему...

— Хорошо, я сосну часокъ, другой!—сказалъ онъ.

Онъ передалъ руль Магнусу Андерсу, далъ ему нѣкоторыя указанія и легъ подъ тентомъ. Но черезъ два часа, какъ обѣщалъ, онъ снова пришелъ на корму. Убѣдившись, что шлюпка идетъ по вѣрному направленію, онъ окинулъ взглядомъ небо и море.

Погода не перемѣнилась. Солнце сіяло въ безоблачномъ небѣ. При сильныхъ испареніяхъ морской поверхности, было бы нестерпимо жарко, еслибы не свѣжій вѣтерокъ.

Но напрасно направляли путешественники свои зрительныя трубки вдаль: нигдѣ не видно было ни бѣлаго паруса корабля, ни дыма парохода.

Англійскія, французскія, американскія и нѣмецкія суда часто заходятъ въ это время года въ эту часть океана, на югъ отъ Бермудскихъ, на востокъ отъ Антильскихъ острововъ. Не проходитъ дня, чтобы здѣсь не повстрѣчались два корабля.

Виллю Митцу, естественно, пришла мысль, что бурей увлекло «Рёзвый» въ открытое море, дальше, чѣмъ онъ предполагалъ; тогда придется идти двѣ, три недѣли раньше, чѣмъ они достигнуть берега. Припасы скоро изсякнутъ. Тогда останутся единственные ресурсы на случай голода и жажды — рыбная ловля и дождевая вода.

Вилль Митцъ начиналъ терять надежду, но не показывалъ вида.

Подняли еще малый парусъ, и шлюпка пошла быстрѣе.

Путешественники отбыли съ корабля вечеромъ 26-го сентября. Уже четыре дня лодка шла на удачу въ безбрежномъ и пустынномъ морѣ.

Сѣстныхъ припасовъ еще хватитъ на нѣсколько дней, но вода вышла почти вся. Между тѣмъ, небо чисто, и дождя не предвидится. Должно быть, шлюпка уклонилась на югъ, а въ этомъ направленіи она не придетъ къ американскому побережью, а будетъ скитаться по необъятному океану, сливающемуся съ южными морями.

Въ ночь съ 3-го на 4-ое октября вѣтеръ утихъ окончательно, и парусъ безпомощно повисъ на мачтѣ.

Сколько отчаянія было во взглядѣ самыхъ отважныхъ юношей, когда они вглядывались въ необозримый просторъ окружающаго ихъ океана!

Даже Вилль Митцъ, сложивъ съ мольбою руки, могъ только прошептать:

— О, Боже! Боже! Сжался надъ нами!

Прошелъ еще одинъ мучительный день. Солнце палило, было невыносимо жарко, а между тѣмъ, надо было грести. Только четверо—Луи Клодіонъ, Тони Рено, Джонъ Говардъ и Магнусъ Андерсъ—были въ силахъ грести. Всѣ остальные, усталые, больные, лежали на днѣ шлюпки. А скоро не будетъ болѣе и глотка воды...

Вилль Митцъ старался еще подбодрить спутниковъ. Онъ оставлялъ руль только для того, чтобы сѣсть за весла. Но его надежды, что поднимется вѣтеръ,—не оправдывались. Показавшіяся было на небѣ облачка разсѣялись. Парусъ висѣлъ

неподвижно. Его не закрѣпляли только потому, что онъ до нѣкоторой степени защищалъ отъ солнца.

Терпѣть дальше не было силъ.

Въ ночь у нѣкоторыхъ мальчиковъ начался бредъ. Они крича, призывали мать... Не будь Вилля Митца, нѣкоторые изъ нихъ, подъ вліяніемъ ужасныхъ галлюцинацій, бросились бы въ море...

Свѣтало. Наступалъ день, ужъ не послѣдній ли, которому суждено положить конецъ ихъ ужаснымъ страданіямъ?..

Но вотъ изъ устъ Луи Клодіона вырвался крикъ:

— Корабль!

XIV.

Конецъ путешествія.

Пароходъ «Викторія», шедшій изъ Доминики въ Ливерпуль, находился въ трехстахъ пятидесяти миляхъ на юго-востокъ отъ Антильскихъ острововъ, когда стоявшіе на часахъ матросы замѣтили шлюпку съ «Рѣзваго».

Доложили капитану, Джону Дэвису, который приказалъ идти прямо по направленію шлюпки. Пустая ли то, брошенная на произволъ судьбы лодка, или въ ней есть какіе-нибудь несчастные, спасшіеся отъ кораблекрушенія люди?..

Когда Луи Клодіонъ закричалъ, «Корабль!», Вилль Митцъ и еще два, три пассажира встали, простирая руки къ видѣвшемуся вдали пароходу.

Тѣ изъ нихъ, которые еще не совсѣмъ расхворались, собрали послѣднія силы, и капитану «Викторіи» не пришлось высылать имъ навстрѣчу спасательную шлюпку: Вилль Митцъ и Луи Клодіонъ взяли за весла, Тони Рено правилъ рулемъ, и шлюпка быстро подошла къ пароходу. Бросили конецъ, спустили трапъ. Черезъ пять минутъ всѣ пассажиры «Рѣзваго» были на кораблѣ «Викторія», гдѣ ихъ радушно приняли и оказали имъ помощь, въ которой они такъ нуждались.

Итакъ, воспитанники Антильской школы, стипендіаты м-съ Китленъ Сеймуръ, спасены, а съ ними и м-ръ Горацій Пат-

терсонъ, и отважный Вилль Митцъ, которому, собственно, они всё и обязаны своимъ спасеніемъ!

Луи Клодіонъ разсказалъ о всемъ, что произошло послѣ отъѣзда изъ Барбадоса. Капитанъ «Викторіи» узналъ, при какихъ условіяхъ совершилась первая половина плаванія. когда «Рѣзвый» находился еще въ рукахъ Гарри Маркела и его шайки, какъ мальчики осматривали Антильскіе острова, какъ Вилль Митцъ открылъ, наконецъ, замыселъ негодяевъ, какъ онъ вмѣстѣ съ пассажирами вынужденъ былъ бѣжать съ охватнаго пламенемъ корабля, какую пытку они всё вынесли, блуждая по морю эти послѣдніе дни.

Такъ вотъ какъ! Значитъ, «Рѣзвый», который, по расчету ожидавшихъ его возвращенія, долженъ былъ находиться на полпути, ушелъ въ глубь Атлантическаго океана, попавъ въ руки пиратовъ съ «Галифакса», бѣжавшихъ изъ Кинстоунской тюрьмы!

Отъ имени товарищей, прерывающимся отъ волненія голосомъ, Луи Клодіонъ благодарилъ Вилля Митца, за все, что этотъ смѣлый морякъ сдѣлалъ для нихъ. Обнимая его, мальчики плакали отъ радости и чувства признательности.

«Викторія», вмѣстимостью въ двѣ тысячи пятьсотъ тоннъ, только что доставила грузъ каменнаго угля на островъ Доминику и теперь, нагруженная балластомъ, возвращалась именнo въ Ливерпуль. Пассажиры «Рѣзваго» придутъ, такимъ образомъ, прямо въ Англію. «Викторія» шла съ скоростью пятнадцати миль въ часъ, и, такимъ образомъ, м-ръ Горацій Паттерсонъ и его спутники возвратятся даже безъ запозданія.

Благодаря заботамъ и уходу, которыми наши путешественники пользовались на принявшемъ ихъ кораблѣ, они скоро оправились отъ долгой нравственной и физической усталости, отъ перенесенныхъ ими страшныхъ испытаній. Они уже начинали забывать свои бѣдствія и были безгранично счастливы, что избѣжали опасности.

Послѣ вполне благополучнаго плаванія, 22-го октября, «Викторія» вошла въ каналъ Св. Георгія и въ тотъ же вечеръ бросила якорь у сходней Ливерпульскаго дока.

Тотчасъ же были посланы телеграммы директору Антильской школы и семействамъ воспитанниковъ, чтобы извѣстить о прибытіи.

Въ тотъ же вечеръ газеты оповѣстили жителей о событіяхъ, разыгравшихся на «Рѣзвомъ», и о томъ, при какихъ условіяхъ м-ру Паттерсону и его питомцамъ удалось возвратиться въ Англію.

Извѣстія эти надѣлали много шума. Драма, завязка которой началась въ Коркскомъ заливѣ, гдѣ убитъ былъ капитанъ Пакстонъ съ своимъ экипажемъ, а развязка кончилась въ далекомъ океанѣ, въ волнахъ котораго погибъ Гарри Маркель со всей своей шайкой, произвела глубокое впечатлѣніе.

М-ръ Ардагъ немедленно извѣстилъ о всемъ происшедшемъ м-съ Китленъ Сеймуръ. Легко представить себѣ, какъ добрая женщина взволновалась, узнавъ объ участи «Рѣзваго». Хорошо, что ей пришла мысль отправить на корабль Вилля Митца. О, какъ она благодарна этому отважному моряку, сдѣлавшемуся героемъ дня! Приѣхавъ въ Ливерпуль, Вилль Митцъ ожидалъ только своего назначенія подшкиперомъ на «Элизу Уарденъ».

Поблагодаривъ еще разъ капитана «Викторінъ», м-ръ Паттерсонъ и школьники сѣли въ ночной поѣздъ и на слѣдующее утро прибыли въ Антильскую школу.

Каникулы уже кончились, всѣ воспитанники были въ сборѣ и горячо привѣтствовали товарищей, вернувшихся изъ путешествія, причинившаго имъ столько тревоженій. Всѣ спрашивали путешественниковъ, хотѣли знать малѣйшія подробности. Долго еще приключенія ихъ будутъ служить темой для разговоровъ во время рекрецій. И все-таки, хотя они подвергались не малымъ опасностямъ, многіе завидовали имъ, жалѣли, что ихъ не было съ ними на «Рѣзвомъ». Можно быть увѣреннымъ, что если когда-нибудь опять откроется конкурсъ на соисканіе стипендій для новаго школьнаго путешествія, въ соискателяхъ преміи недостатка не будетъ.

